КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVIII.

Май

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 30-го апрѣля 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVIII. 1887 г.

Май, 1887 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VI. КАПИТАНША 1

II. СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО. (Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній. *(Окончаніе).*—**Сергѣя Венгрженовскаго** 26

III. ЗАПИСКИ ИВАНА МАТВѢЕВИЧА СБИТНЕВА. (Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ). *(Окончаніе)* . . . 52

IV. РОДЪ ВИШНЕВСКИХЪ.—**А. Лашкевича.** 73

V. ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА УКРАЙНЫ КОНЦА XVIII В. (I. Сожженіе вѣдьмы).—**Н. Оглоблина.** 92

VI. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ. (*Продолженіе*).—**А. М. Туренка** 125

VII. НАСЛѢДСТВЕННОЕ ПОЛКОВНИЧЕСТВО. (Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ). Сообщ. **А. Твердохлѣбовъ.** 152

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Андрей Степановичъ Милорадовичъ, съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. 2-е. Черниговъ. 1887. —*А. Л.*—б) Складка Альманахъ. Р. Б. 1877. № 1. Спорудывъ Вл. Александровъ. Харьковъ.—*З.*—в) Исторія кіевской духовной академіи. Выпускъ 1-й. Періодъ до-могилянскій. С. Голубева. Кіевъ. 1886 года.—*И. Каманина.*—г) Дополненіе къ библіографическому указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Гр. Шевченка.—*А. Комарова.* . . 171

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Объ имени святителя нетлѣнно почивающаго въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ.—*L.* —б) Жалоба роменскаго духовенства на протопопа Мартына Са-

мойлова.—*А. Востокова.*—в) Изъ народныхъ вѣрованій.—Сообщ. *Юрій Олтаржевскій.*—г) Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигіальнаго братства.—*Я. Г.*—д) Волынская полоненница XVI вѣка и ея «орменскій» обожатель.—Сообщ. *А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій.*—е) На пути въ Іерусалимъ.—*W.*—ж) Старинные проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей 158

X. **Приложеніе.** Снимокъ въ краскахъ съ ожерелья Домны Роксанды Хмельницкой, хранящагося въ Спасской Паліевской церкви м. Бѣлой Церкви.

Іюнь и Іюль, 1887 г.

I. ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ И ПѢСЕНЪ 215

II. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VII. ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ 269

III. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ (*Окончаніе*). **А. М. Туренка** 335

IV. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 15. БОРОЗДНЫ. **Ал. Лазаревскаго** 379

V. МЕМУАРЫ К. А. РОЩАХОВСКАГО ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ. *Съ предисловіемъ* **А. Р.** 396

VI. МАЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕРЕЯСЛАВА. **С. Н. Исаевича** 451

VII. СЛѢДЫ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ ИМП. ПЕТРА I. СЪ САВВОЮ РАГУЗИНСКИМЪ. **А. Лашкевича** 487

VIII. ПАНЕГИРИКЪ КОЧУБЕЯМЪ (I-й половины XVIII в.). *Съ предисловіемъ* **В. Каллаша** 495

IX. МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА XIX ВѢКА . 511

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Poczet rodów w wielkiém księstwie Litewskiém w XV i XVI wieku. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Warszawa, 1887 г.).—*О. Л.*—б) Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. С.-Петербургъ, 1887 г.—*О.*—в) Историческія разысканія въ южнорусскихъ архивахъ. Москва. 1886 г.—*Н. С.*—г) Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'a nos jours par Léon Sichler. Paris. 1886 г.—*В. К—ша.*—д) 1) Шебелинскій бунтъ, Л. Илляшевича, 2) П. П. Сокальскій. Къ исторіи русской музыки, И. П. Сокальскаго. 1887 г.—*С.* . . . 525

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) А.-Г. К. Киркоръ, ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи (некрологъ).—*Н. Янчука.*—б) Картины малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ академіи художествъ.—*С.*—в) Три «черкасскія» слободы XVIII в. по современному ихъ описанію.—Сообщ. *Д. И. Багалѣй.*—г) По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности А. А. Потебни.—*Н. С.*—д) Вниманію археологовъ.—*С.*—е) Актъ избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря.—Сообщ. *А. Востоковъ.*—ж) Загадочный портретъ Шевченка.—*А. Бабича.*—з) Изъ сферы кіевскаго городскаго хозяйства 2-й половины XVIII ст.—*С. Н—ю.*—и) Двѣ поправки къ статьѣ: «Свадьба Тимоша Хмельницкаго».—*П. Л—ва.*—і) Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ.—Сообщ. *В. К—шъ.*—к) Свѣдѣніе о Иванѣ Головатомъ, бывшемъ судьѣ запорожскомъ.—Сообщ. *А. С. Лашкевичъ.*—л) Запорожская пѣсня.—Зап. *Иванъ Пономаревъ.* 539

Августъ, 1887 г.

I. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VII. ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ *(Продолженіе)* 589

II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 16. РАКОВИЧИ. 17. ОБОЛОНСКІЕ. 18. МАНУЙЛОВИЧИ. **А. Лазаревскаго** 627

III. НА ДНѢСТРОВСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬИ. **К. Мельникъ** . . . 638

IV. ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. **П. Кузмичевскаго** 676

V. ПЕРВЫЯ СНОШЕНІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО СЪ МОСКВОЙ. **А. Востокова** 714

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 54-й. Спб. 1886 г.—*В. Н.*—б) Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I, часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887 г.—*В. К—ша.*—в) Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммисіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Ч. VII, т. I. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ. 1886 г.—*И. Каманина.*—г) Труды комитета для историко-статистическаго

описанія подольской епархіи. Вып. III (приложеніе къ Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ). 1886 г. Каменецъ-Подольскъ. 1887 г.—*И. Каманина* 745

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ археологической экскурсіи. Село Кальникъ и его памятники старины.—*В. Антоновича.*—б) «Парубоцтво», какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ.—*Валеріана Боржковскаго.*—в) Псальма XVIII столѣтія.—Сообщ. *П. Е.*—г) Указъ Петра I-го о ссылкѣ Забѣлы и Загоровскаго.—*П. Е.*—д) Къ исторіи пословицъ.—*Н. С.*—е) Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII ст., ея составъ и содержаніе.—Сообщ *Л. П.*—ж) Изъ временъ упадка Запорожья.—*К. Ц.*—з) Варіантъ пѣсни о Нечаѣ.—Сообщ. *А. Залѣсскій* 761

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

КАПИТАНША.

(окончаніе [1]).

На третьемъ или четвертомъ году нашей благополучной стоянки въ г. Муромѣ переведенъ былъ къ намъ полкъ за какія-то проказы капитанъ гвардіи NN, лѣтъ двадцати пяти, красавецъ собою, богачъ и самой благородной аристократической фамиліи, человѣкъ образованный, деликатный и самый безпардонный кутила, а въ то время это была не послѣдняя добродѣтель, и Давыдовъ несправедливъ, приписывая эту благородную страсть однимъ гусарамъ, наша братья пѣхотницы нисколько имъ не уступали.

Молодое офицерство наше все такъ къ нему и прильнуло, а про барышень и говорить нечего: всѣ, сколько ихъ было въ Муромѣ и около Мурома, всѣ разомъ влюбились въ него. Ну, положимъ такъ, ихъ дѣло молодое, неопытное, имъ простительно, а то барыни, матери взрослыхъ дѣтей, туда же сунулись соперничать съ своими дочерьми. Господи, какую страшную силу имѣетъ золото на сердце человѣка! А къ тому еще онъ хорошо говорилъ по французски, читалъ наизусть и даже пѣлъ нѣкоторыя такія пѣсни Беранже, что порядочный французъ постыдится пѣть ихъ въ холостой и пьяной компаніи, а онъ, молодецъ, пѣлъ ихъ въ муромскихъ гостиныхъ, и нѣжному полу такъ нравились эти не двусмысленныя пѣсни, что ихъ наизусть выучивали и въ тѣни сирени, подъ акомпаниментъ гитары и соловья, пѣвали ихъ безбожно уныло. Простодушныя, онѣ и не подозрѣвали, что пѣли; онѣ думали, что ангелы если разговариваютъ между собою, то непремѣнно на французскомъ языкѣ и поютъ такія пѣсни, какъ и предметъ

[1]) См. „Кіев. Стар." 1887 г., апрѣльск. кн., стр. 589—625.

ихъ нѣжной страсти. Вскорѣ послѣ появленія этого хвата барыни и барышни, если обращалися къ кому съ вопросомъ, то вмѣсто имени и отчества произносили *мсью*, и это было такъ обще, что свѣжій человѣкъ непремѣнно подумалъ-бы, что все муромское народоселеніе говоритъ по французски.

Вотъ когда открывался Туману благопріятный случай блеснуть своимъ знаніемъ французскаго языка. Но увы! онъ бѣдный плебей, а то аристократія, да еще какая аристократія—уѣздная! А это, я думаю, всѣмъ извѣстно, что англійская аристократія самая гордая и щекотливая, но, въ сравненіи съ нашей уѣздной, она ничего не значитъ. Хотя французскіе плѣнные солдаты часто попадали въ ея недоступный кругъ, но то французскіе, дѣло совсѣмъ другого рода.

Была у меня здѣсь одна хорошая знакомая, женщина уже не первой молодости, примѣрная, можно сказать, жена и примѣрная мать семейства; по образованію она была немногимъ выше своихъ согражданокъ, но здраваго практическаго смысла и безъ всякаго жеманства, что мнѣ въ ней особенно нравилось; такъ вотъ она однажды стала мнѣ описывать добродѣтели и образованность нашего гвардейца. Слушая ее, я думалъ, что она шутитъ, слушалъ ее и молча улыбался; но она, не обращая вниманія на мои улыбки, такъ увлеклась панегирикомъ, что начала выхвалять глубокія его познанія въ русской исторіи. Я тогда и рукой махнулъ. Ну, статочное ли дѣло, чтобы русскій баринъ того времени, да еще и гвардеецъ, зналъ что-нибудь, кромѣ французскаго языка? А то еще и отечественную исторію! Карамзинъ тогда началъ издавать свою знаменитую исторію, такъ объ ней то вѣрно слышалъ въ столицѣ нашъ капитанъ, да и пустилъ въ ходъ свои познанія между непорочными муромками. Бѣдныя муромки! и еще бѣднѣйшіе муромцы!!

Если женщина, которая почиталась образцемъ ума и семейныхъ добродѣтелей, и та увлеклась удалымъ капитаномъ, то какое же вліяніе онъ имѣлъ на обыкновенные умы и добродѣтели? Вліяніе сильное, до того сильное, что не прошло году, какъ мужья молодыхъ женъ и отцы молодыхъ дочерей почти начали убѣждаться въ сильномъ вліяніи капитана на ихъ женъ и дочерей, и когда полку нашему назначенъ былъ походъ въ Москву по случаю коронаціи, то отцы и мужья перекрестились и свободно вздохнули, а

Однакожъ горькія рыданія оказались напрасными: капитанъ заболѣлъ и до выздоровленія остался въ Муромѣ.

Какой однакожъ былъ ужасъ маменекъ и ихъ милыхъ дочерей, мѣтившихъ на капитана, какъ на самую выгодную партію, когда къ нему, въ отсутствіи нашемъ, пріѣхали жена и теща и застали его не на одрѣ болѣзни, а въ кругу собутыльниковъ. Теща начала было ему приличную случаю проповѣдь, но онъ ее остановилъ такими словами: «вы, кажется, умная женщина, а такія глупыя вещи говорите; вѣдь вы видѣли, вы знали, кому вы отдавали свою единственную дочь, такъ о чемъ же вы мнѣ теперь толкуете»? Старушка посмотрѣла на него, заплакала и, взявши свою единственую дочь, отправилась во свояси; а онъ, хохоча, кричалъ имъ вслѣдъ: «куда торопитесь? не угодно ли со мною пообѣдать»? Каковъ молодецъ!

Не смотря однакожъ на все это, вліяніе его на нѣжный полъ продолжалось, такъ что бѣдные мужья и отцы не видѣли другихъ средствъ избавиться отъ опаснаго капитана, какъ написать просьбу государю отъ лица всего ихъ конклава и слезно просить, чтобъ онъ за примѣрныя добродѣтели капитана перевелъ бы его снова въ гвардію. Не знаю, по ихъ ли просьбѣ, или по чьей другой, только капитанъ, проживши еще два года, былъ переведенъ, но не въ гвардію, а въ городъ Вологду подъ надзоръ полиціи; а въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ онъ разыгралъ еще съ десятокъ слезныхъ мелодрамъ и послѣднюю самую патетическую содержанія слѣдующаго.

Выходя въ Москву, вагенбургъ и прочія полковыя тяжести намъ приказано было оставить въ Муромѣ, изъ чего и слѣдовало заключать, что мы вскорѣ возвратимся на прежнія квартиры. Офицеры, которые имѣли порядочныя квартиры, оставили ихъ за собою, я и свою квартиру тоже за собою оставилъ, а при ней мебель и прочую громоздкую мизерію. Полковой командиръ, спасибо ему, уважилъ мою просьбу, отдалъ въ мое полное распоряженіе Тумана, а я Туману отдалъ въ полное распоряженіе свою квартиру и все къ ней принадлежащее. Прощаясь съ нимъ, я наказывалъ ему пуще своихъ глазъ беречь Варочку и, какъ можно, рѣже позволять ей посѣщать фельдшершу, потому, говорю ему, что ты

самъ знаешь, что за звѣрь остается въ городѣ! Не равно какъ нибудь она ему на глаза попадется, пропала тогда.

— Бога гнѣвите, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ: воно ще дытына!

Я замолчалъ, зная по опыту, что никакія доказательства не въ состояніи поколебать упрямаго земляка моего; а замѣтьте, что этой дитинѣ миналъ уже пятнадцатый годъ.

Сходили мы въ Москву и возвратились назадъ благополучно. Въ Муромѣ также все по старому; квартиру я свою и прочее добро нашелъ въ отличнѣйшемъ порядкѣ, иначе и быть не могло. Варочка встрѣтила меня съ самой дѣтской непритворной радостью, а Туманъ, отрапортовавши мнѣ о благополучіи, благодарилъ меня, что я его оставилъ въ Муромѣ, потому, говоритъ, что онъ впродолженіи этого времени, кромѣ того, что выучился выводить всѣ цифры на бумагѣ, да еще зашибъ препорядочную копѣйку; весь городъ надѣлилъ сапогами, а послѣдній весь почти мѣсяцъ работалъ на одного капитана.

Ну, начало сдѣлано! подумалъ я.

— Не приходилъ ли онъ къ тебѣ иногда сапоги примѣривать? спросилъ я Тумана.

— Приходилъ, ваше высокоблагородіе, разъ нѣсколько приходилъ.

Плохо, подумалъ я и отпустилъ простодушнаго добряка, не сказавши ему первый разъ ни слова.

На другой день спросилъ я его, кто рекомендовалъ его капитану. Туманъ немножко замялся и сказалъ.

— Признаться сказать, ваше высокоблагородіе, фельдшерша.

— А что я тебѣ говорилъ, выходя въ Москву? спросилъ я его.

— Помню, ваше высокоблагородіе.

— Нѣтъ, не помнишь, забылъ; припомни и подумай хорошенько, что изъ всего этого можетъ выйти. А что онъ видѣлъ у тебя Варочку?

— Видѣлъ, ваше высокоблагородіе.

— И говорилъ съ нею?

— Говорилъ, ваше высокоблагородіе.

— И за сапоги платилъ не торговавшись?

— Не торговавшись, ваше высокоблагородіе, даже впередъ, сколько угодно, денегъ предлагалъ, только я не бралъ: не треба було.

— Видишь, Туманъ, какъ я все знаю; слушай же: съ сегоднешняго дня, Боже тебя сохрани, если ты пустишь хоть за ворота безъ себя Варочку, прощайся съ нею на вѣки, слышишь?

— Слушаю, ваше выс—діе.

— То-то-же слушай и не забывай! А то и тебя и меня Богъ накажетъ за наше нерадѣніе: за чужое дитя мы больше отвѣчаемъ предъ людьми и предъ Богомъ! Ступай себѣ, Туманъ, за своимъ дѣломъ, сказалъ я въ заключеніе своей проповѣди.

— Спасыби за науку, ваше выс—діе, сказалъ растроганный Туманъ и вышелъ.

Послѣ этого онъ каждое утро, рапортуя мнѣ о благополучіи по хозяйству, рапортовалъ также и о похожденіяхъ своихъ съ Варочкою. Ходили они, и то разъ или два въ недѣлю, на берегъ Оки къ рыбакамъ, или такъ просто для проходки, и иногда къ фельдшершѣ на чашку чаю, тѣмъ и ограничивались ихъ похожденія; да еще разъ въ недѣлю, т. е. каждое воскресенье, ходили они къ обѣднѣ въ церковь святыхъ угодниковъ Флора и Лавра.

А въ городѣ, между тѣмъ, т. е. въ кругу дворянъ и даже въ жирномъ кругу купеческомъ исторія за исторіей повторялась самаго скандальнаго содержанія и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всѣхъ тѣхъ новеллъ былъ, разумѣется, нашъ безпардонный капитанъ. Къ зимѣ въ городѣ, по примѣру прошлыхъ зимъ, составился дворянскій клубъ или собраніе; на первомъ, на второмъ собраніи я хотя и былъ, но не замѣтилъ ничего необыкновеннаго, а прочіе замѣтили и мнѣ ужъ послѣ сообщили, что на балахъ не показывалась ни одна уѣздная львица, а причиною тому былъ никто другой, какъ все нашъ безпардонный капитанъ; самые прескверные анекдоты сочинялись по случаю неявленія на балъ львицъ, но смиренныя овечки, на которыхъ онъ не обращалъ вниманія, скромно варьировали эти анекдоты, чувствительно взирая на изверга капитана.

Я постоянно ходилъ въ церковь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, что въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, и вдругъ по чему-то мнѣ вздумалось пойти къ обѣднѣ въ церковь Флора и Лавра. Прихожу, перекрестился, гляжу, предчувствіе меня не обмануло: капитанъ тутъ, а передъ нимъ шагахъ въ двухъ Варочка, а около нея фельдшерша что-то шепчетъ ей на ухо и ставитъ свѣчки пе-

редъ образами. Капитанъ такъ пристально смотрѣлъ на затылокъ и толстыя темнорусыя косы Варочки, что не замѣтилъ, какъ я прошелъ мимо его и почти рядомъ съ Варочкой остановился. Странная и непонятная вещь! Отъ чего, напримѣръ, долго каждый день любовался я красотой Варочки, и ни разу не бросились мнѣ въ глаза такія милыя и, можно сказать, пластическія подробности, какъ въ церкви: напримѣръ, на бѣломъ изящномъ округленномъ затылкѣ прозрачно вьющіеся кудри, я вамъ скажу, это такая сатанинская прелесть, противъ которой не въ силахъ человѣкъ устоять. Я перекрестился и двинулся нѣсколько шаговъ впередъ. По окончаніи обѣдни, на паперти встрѣтился мнѣ капитанъ; ему, какъ я замѣтилъ, ужасно хотѣлось зайти ко мнѣ на квартиру, но я искусно отманеврировалъ, раскланялся съ нимъ на перекресткѣ и пошелъ по направленію къ квартирѣ полковаго командира, гдѣ его хоть и принимали, но весьма осторожно потому, правду сказать, что командиръ нашъ былъ уже старикъ и въ добавокъ израненный старикъ, командирша же баба хоть куда, а въ добавокъ еще и нѣмка, такъ оно, знаете, опасно было пускать такого звѣря въ домъ, какъ капитанъ.

На другой день послѣ рапорта спросилъ я у Тумана, который теперь будетъ годъ Варочкѣ.

Онъ долго считалъ по пальцамъ и наконецъ сказалъ:

— Зъ Варвары семнадцатый пошелъ.

— Гм..., семнадцатый, подумалъ я, опасно!... и разсказалъ ему, что я вчера замѣтилъ въ церкви и какихъ отъ этого послѣдствій ожидать можно и даже должно.

Туманъ долго молчалъ, повѣся голову, потомъ вздохнулъ и проговорилъ, какъ бы про себя:

— Морока, тай годи!

И помолчавши продолжалъ:

— Порадьте, ваше высокоблагородіе, що мени зъ нею робить?

— А что робить? Найти порядочнаго человѣка да выдать замужъ, другаго средства я не знаю.

— Замужъ, замужъ..... говорилъ онъ шопотомъ. Замужъ, продолжалъ онъ тѣмъ-же тономъ: за кого? ни за кого! сказалъ онъ, возвыся голосъ.—Пропаду! я здохну, якъ та стара собака, безъ неи, ваше высокоблагородіе.

— Ну, такъ самъ ожонись.

— Не можно, ваше выс—діе, грихъ отъ Бога: вона моя дитина, и люди пальцями показуватимуть; бачъ, скажуть, старый дурень, для чого выкохавъ байстря!

И онъ снова опустилъ голову и задумался.

Глядя на него, мнѣ самому взгрустнулося. Хорошо было-бы, подумалъ я, если-бы всѣ родные отцы такъ любили своихъ дѣтей, какъ этотъ бѣднякъ пріемыша.

— Ну, что-же ты придумалъ, Туманъ? спросилъ я его.

— Ничего, ваше выс—діе.

— Такъ пока и не придумывай ничего, только смотри за нею хорошенько, можетъ, дастъ Богъ, опасность пройдетъ.

Я это говорилъ потому, что шалости капитана становились похожими на денной разбой, и полковой командиръ два раза уже аттестовалъ его, какъ человѣка неисправнаго и вреднаго полку.

Прошло лѣто, настали темные долгіе вечера осенніе, а съ ними и спутницы ихъ—грязь и скука. По вечерамъ, бывало, Туманъ сидитъ въ своей комнатѣ предъ стекляннымъ глобусомъ, наполненнымъ водою, и голенищу точаетъ, а въ углу около столика Варочка тоже или за работой, или читаетъ въ сотый разъ житіе Варвары великомученицы; и всякій разъ, когда она прочитывала имя Діоскора, Туманъ плевалъ и шепталъ себѣ подъ носъ: собака! У нихъ была еще и другая назидательная книга, это житіе святыхъ Петра и Февроніи, тутъ въ Муромѣ, въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, нетлѣнно почивающихъ; но эту книгу она рѣже читала, потому, можетъ быть, что Варвара великомученица ея патронъ. И я, бывало, по пробитіи зари, отпущу фельдфебелей и, закуривши трубочку, зайду къ нимъ, и такъ тихо, мило пройдетъ у меня время до ужина, какъ никогда ни прежде, ни послѣ не проходило оно въ блестящихъ гостинныхъ.

Здѣсь прилично было-бы нарисовать красавицу Варочку на подобіе Сивиллы Куманской Кипренскаго, или просто юную красавицу, при свѣтѣ читающую книгу во вкусѣ фламандскаго мастера Рембрандта; но признаюсь откровенно, эта задача не по мнѣ; при томъ-же я врагъ великій художниковъ-самоучекъ, а въ этомъ дѣлѣ я былъ ниже всякаго самоучки. Я, подобно юношѣ-поэту, по цѣлымъ часамъ не сводилъ съ нея моихъ очей, и, Богъ

знаетъ, какія мысли роились въ моей сѣдой головѣ; а между прочими также у меня была въ дѣтствѣ страсть къ живописи, но какъ отецъ мой былъ настоящій суворовскій солдатъ, то онъ о живописи и вообще объ изящныхъ искусствахъ имѣлъ самое грубое понятіе или, лучше сказать, никакого; мать моя была несравненно образованнѣе отца и, какъ женщина, по природѣ своей она хотя безотчетно чувствовала прелесть нерукотворнаго созданія и ей любо было подмѣчать во мнѣ тоже самое чувство; но чтобы посвятить меня какому нибудь искусству или наукѣ, она объ этомъ и подумать не смѣла.

Разъ какъ то, мать, показывая отцу мой рисунокъ, сказала:

— А что если бы его отдать въ академію художествъ? Можетъ быть, изъ него вышелъ бы славный живописецъ?

— Что? сказалъ отецъ, сердито взглянувши на нее. Живописецъ?.. маляръ?.. Ты, кажется, пьяна была и не проспалась! Живописецъ! Ха, ха, ха... живописецъ... Да ты подумай, мудрая голова: дворянское ли дѣло въ краскахъ пачкаться? Въ академію!... вмѣстѣ съ холопами. Прекрасную карьеру выбрала ты своему сыну, прекрасную, нечего сказать!

И, взявши меня на руки, отецъ прибавилъ:

— Нѣтъ, братъ Саша, ты у меня будешь настоящій солдатъ.

Спустя годъ послѣ этой сцены, меня отвезли въ шляхетскій кадетскій корпусъ, и изъ меня дѣйствительно вышелъ настоящій солдатъ, и больше ничего. И я теперь думаю, какъ хорошо было бы, если бы я былъ живописцемъ: я бы на полотнѣ передалъ прелести Варочки отдаленному потомству, подобно, какъ Рафаэль обезсмертилъ свою Фарнарину или какъ Гвидо—Рени цѣломудренную Беатриче Ченчію; но объ этомъ теперь и толковать нечего.

Странно какъ то случается съ людьми: человѣкъ, напримѣръ, дальновидный; онъ за годъ, за два предвидитъ опасность и всѣ мѣры, всѣ средства употребляетъ, чтобы отвратить отъ себя несчастье, день и ночь не спитъ, слухъ и зрѣніе и все существо его постоянно бодрствуетъ на сторожѣ, а въ самую минуту опасности возьметъ да и заснетъ, да какъ заснетъ! Какъ самый счастливый человѣкъ.

Вотъ точно также теперь случилося съ нами. Время уже близилось къ рождественскимъ святкамъ. Туманъ, какъ обыкновенно

это бываетъ, заваленъ былъ работой; я даже на это время просилъ адъютанта, чтобы не тревожить его на ученье; думаю себѣ: пусть человѣкъ при случаѣ заработаетъ себѣ какой нибудь лишній грошъ! Вотъ однажды, отпустивши фельдфебелей, я по обыкновенію закурилъ трубочку, надѣлъ архалукъ и пошелъ къ Туману. Прихожу, онъ работаетъ предъ стекляннымъ глобусомъ; на столикѣ въ углу горитъ свѣча и уже порядочно нагорѣла, предъ свѣчей на столѣ лежитъ развернутая книга, а Варочки нѣтъ. Ну, что бы мнѣ было догадаться и спросить, давно ли она вышла? Впрочемъ, что и спрашивать: нагорѣвшая свѣча ясно показывала, что давно, а я еще снялъ со свѣчи и сѣлъ себѣ, ничего не подозрѣвая, началъ спрашивать Тумана, много ли онъ паръ уже кончилъ и сколько еще надѣется кончить къ празднику и какую цѣну онъ беретъ, смотря по давальцу и лицу, или со всѣхъ одинаково, на что онъ отвѣчалъ весьма основательно: «однаково, бо однаково и роботаю». Потомъ ни съ сего, ни съ того перешли мы къ воспитанію, говорили о заграничныхъ нашихъ похожденіяхъ, потомъ о тульчинскихъ маневрахъ и наконецъ свернули рѣчь на покойнаго Володю.

— Да, говоритъ Туманъ, недаромъ сказано: волосъ довгій, а розумъ короткій! И то сказать, прибавилъ онъ: молоде, дурне, а може ще и сирота, доглядать було никому.

И сказавъ это, Туманъ взглянулъ на то мѣсто, гдѣ должна была сидѣть Варочка, замѣтно измѣнился въ лицѣ и не сводилъ глазъ съ догоравшей свѣчи и развернутой книги.

— Мовчить, не реве, ажъ ій дома нема! проговорилъ онъ едва слышно и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я думаю, чомъ вона не читае, ажъ ій и въ хати нема.

И Туманъ быстро всталъ на ноги и съ работою въ рукахъ вышелъ изъ комнаты. Минутъ чрезъ десять онъ возвратился, встревоженный. Я спросилъ у него: ну, что? Онъ только шевелилъ губами, но словъ произнести не могъ; наконецъ кое-какъ шопотомъ проговорилъ: нема! Я въ свою очередь тоже вскочилъ на ноги и сказалъ ему: бѣги къ фельдшершѣ, а самъ наскоро одѣлся и пошелъ къ городничему дать знать о случившемся и просить, что-бы онъ принялъ свои мѣры. Но что значила полиція въ то время въ уѣздныхъ городахъ? Ровно ничего. Возвращаясь домой, захожу къ Туману и думаю, что онъ воротился тоже; ничуть не бывало, онъ, какъ я

его оставилъ, такъ и остался на томъ мѣстѣ, какъ окаменѣлый. Спрашиваю его, былъ ли онъ у фельдшерши; онъ лишь послѣ нѣсколькихъ повтореній едва проговорилъ: ни! Я оставилъ его и еще разъ обошелъ всѣ комнаты, раза два справлялся въ людской, на кухнѣ и искалъ ее, какъ мы обыкновенно ищемъ затерянную какую нибудь мелкую вещицу разъ десять въ одномъ и томъ же мѣстѣ; посмотрѣлъ во всѣхъ углахъ, за комодомъ, подъ диваномъ и, убѣдившись наконецъ, что Варочки нигдѣ нѣтъ, думалъ лечь заснуть. Не тутъ то было: только что сомкну глаза, предо мною является или капитанъ, или Варочка. До самаго свѣта корчился я на постелѣ, какъ карась на сковородѣ. На разсвѣтѣ я всталъ и пошелъ посмотрѣть, что Туманъ дѣлаетъ, потому что я его оставилъ ночью въ самомъ жалкомъ видѣ. Отворяю тихонько дверь и вижу въ комнатѣ едва мерцающій огненный свѣтъ, это догорала свѣча передъ стекляннымъ глобусомъ, а по сю сторону того-же глобуса на своемъ рабочемъ табуретѣ сидитъ Туманъ, подперши голову обѣими руками. Сначала я подумалъ, что онъ спитъ, и хотѣлъ выйти изъ комнаты; но онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня и едва слышно проговорилъ: нема! и такъ страшно проговорилъ, что я не на шутку за него испугался. Онъ снова опустилъ голову на руки, а я тихонько вышелъ изъ комнаты, будучи вполнѣ увѣренъ, что никакое участіе не въ состояніи было разбудить его отъ этой страшной летаргіи. А спросить бы въ самомъ дѣлѣ у психологовъ: каково дѣйствуетъ на душу самое искреннее участіе въ такомъ страшномъ критическомъ состояніи, въ какомъ теперь находилась душа моего бѣднаго Тумана. Я про себя скажу: въ полу-горѣ на меня благодѣтельно дѣйствовало даже неискреннее, а только дружеское участіе, а во время самаго истиннаго горя, когда душа наша прячется въ самый темный уголъ, куда и собственная мысль наша проникнуть не смѣетъ, тогда самое нѣжное, самое искреннее участіе дѣлается лютѣйшею отравой. Вотъ почему я не рѣшился утѣшать несчастнаго Тумана.

Пошелъ я по утру къ городничему узнать, не открылось ли какого слѣда; дорогою повстрѣчался мнѣ знакомый и послѣ первыхъ привѣтствій спрашиваетъ:

— Какъ это такъ случилось, что у васъ дворовая дѣвка пропала?

Я не отвѣтилъ ему ни слова, воротился назадъ домой, къ городничему не зачѣмъ было ходить. И дѣйствительно онъ только и умѣлъ сдѣлать, что въ тотъ же день благовѣстили во всѣхъ переулкахъ о нашей покражѣ. Послѣ этого какой тутъ слѣдъ откроешь?

Три дня и три ночи просидѣлъ несчастный Туманъ на своемъ табуретѣ, не подымая головы. Я испугался и совѣтовался съ докторомъ; благоразумный докторъ велѣлъ только окно или дверь открыть на нѣсколько часовъ (а то было, какъ я уже сказалъ, зимою). Я по части врачебныхъ наукъ совершенно невинный и изъ усердія взялъ да и растворилъ тихонько и окно, и дверь. Проходитъ часъ, другой, я все заглядываю то въ дверь, то въ окно и думаю, что выйдетъ изъ этой операціи.

Смотрю, уже такъ будетъ предъ вечеромъ, Туманъ началъ вздрагивать, а чрезъ часъ всталъ, оглянулся кругомъ, затворилъ окно и дверь, походилъ съ полчаса по комнатѣ, вздрагивая и едва слышно говоря: «отъ тоби й на», легъ затѣмъ или, лучше сказать, упалъ на свою койку, укрывшись тулупомъ. Мнѣ показалось, что онъ уснулъ. Я подумалъ: слава тебѣ Господи! и пошелъ тоже немного отдохнуть. Не успѣлъ я напиться чаю, денщикъ докладываетъ мнѣ, что Туманъ мечется, стонетъ и меня къ себѣ проситъ. Прихожу, спрашиваю:

— Что съ тобою, Якиме?

— Ничого! Спина! Холодно! Сумно! Що знаете, то те й робить.

Я вижу, дѣло плохо, послалъ за докторомъ, а самъ остался съ Якимомъ. Онъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ и кричалъ:

— Пить! Дайте пить, а то згорю!

Я подавалъ ему чайной чашкой квасу, и онъ немного успокаивался. Пришелъ лекарь, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на своего «брегета» съ секундною стрѣлкой и сказалъ:

— Горячка! Отправьте его сейчасъ же въ госпиталь.

Я сейчасъ же и отправилъ Якима въ госпиталь.

Мѣсяца два съ лишнимъ пролежалъ бѣдный Туманъ въ госпиталѣ. Самъ лекарь начиналъ уже сомнѣваться въ его выздоровленіи, особенно въ послѣдніе дни горячки или, какъ говорятъ, перелома болѣзни. Однако желѣзная натура больного превозмогла, и онъ къ концу перваго мѣсяца могъ уже безъ посторонней помощи

вставать съ постели, а къ концу второго бодро уже гулялъ по коридору и все ѣсть просилъ, въ чемъ, разумѣется, ему отказывали.

Во время болѣзни Тумана, я дѣлалъ все, что могъ сдѣлать, чтобы открыть хотя темный слѣдъ нашей бѣглянки: я устроилъ своихъ лазутчиковъ и самыхъ неусыпныхъ; мнѣ фельдфебеля каждый вечеръ доносили подробнѣйше о всѣхъ движеніяхъ капитана; каждый шагъ его былъ видѣнъ, былъ на счету у моихъ вѣрныхъ агентовъ, но ни малѣйшаго слѣда: какъ въ воду канула. И не одинъ я, а всѣ въ городѣ указывали на капитана, да что ты станешь дѣлать: преступникъ на лицо, а доказательствъ никакихъ. И по неволѣ злодѣя, звѣря назовешь человѣкомъ.

Туманъ уже началъ поправляться, когда изъ Владиміра пріѣхалъ жандармскій офицеръ, взялъ нашего капитана и повезъ въ Вологду. Я однакожъ все еще не терялъ надежды; я написалъ частное письмо вологодскому полиціймейстеру, прося его, чтобы онъ увѣдомилъ меня, кто именно пріѣдетъ съ такимъ-то капитаномъ и въ особенности въ числѣ его прислуги не будетъ ли молодой дѣвушки, при чемъ я описалъ и примѣты Варочки. Чрезъ полгода, не раньше, получилъ я письмо отъ вологодскаго полиціймейстера, въ которомъ были описаны съ большими подробностями какъ самъ господинъ, такъ и его прислуга и между прочимъ горничный козачекъ Климка. «Помянутый козачекъ Климка, писалъ полиціймейстеръ, чрезъ четыре мѣсяца бѣжалъ отъ капитана и теперь неизвѣстно гдѣ обрѣтается; дѣвушки же, продолжалъ онъ, о которой вы пишете, никакой съ нимъ не прибыло въ нашъ городъ. Поговаривали сначала, что помянутый козачекъ Климка будто бы нереодѣтая женщина, но это бабьи сплетни, ничего больше. Я потому сужу, что какъ бы ни былъ человѣкъ развратенъ, а все таки не рѣшится на такое законопреступное дѣло; да и то еще опровергаетъ клевету сію, что у женщины, какъ у созданія физически и нравственно слабаго, не достанетъ духу на таковой рѣшительный поступокъ, какъ напримѣръ бѣжать; на это и мущина не всякій рѣшится. Нахожу ненужнымъ писать вамъ о самомъ капитанѣ: уповаю, что вы его хорошо знаете; развѣ только скажу, что онъ ни на волосъ не измѣнился».

Письмо, какъ обыкновенно, заключено искони принятою вѣжливостью и больше ничего. Вологодскій полиціймейстеръ долженъ

быть простодушный добрякъ, подумалъ я. Какъ таки можно не провѣрить бабьи, какъ говоритъ онъ, сплетни на дѣлѣ? Какъ можно было сомнѣваться въ законопреступномъ поступкѣ капитана, прочитавши его формуляръ! А полиціймейстеръ навѣрное его читалъ. Простота, ничего больше!

Что же мнѣ теперь оставалось дѣлать? Я вполнѣ былъ увѣренъ, что Климка козачекъ никто иной, какъ наша Варочка. Бѣдная! она свою участь наслѣдовала отъ своей матери, какъ бы и ей не пришлось кончить, какъ покойница кончила. Но гдѣ она теперь? Сидитъ, я думаю, въ пошехонской или другой какой тюрьмѣ да кормитъ вшей, а можетъ, ея уже и на свѣтѣ нѣтъ. Послѣ долгаго раздумья рѣшился я послать объявленіе въ «Мосвовскія Вѣдомости»: «Губернскія Вѣдомости» въ то время еще не печатались. Сдѣлавши это, я рѣшился подѣлиться моими надеждами съ Туманомъ; рѣшился, говорю, потому, что Туманъ хотя и совершенно оправился отъ горячки, но не смотря на то, что восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Варочка пропала, все еще былъ похожъ на помѣшаннаго. Онъ и до того былъ не рѣчистъ, а теперь и совсѣмъ онѣмѣлъ, бросилъ свое ремесло и по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ своей комнатѣ, подперши голову руками. Я одного боялся, чтобы онъ не началъ пить, однакожъ, слава Богу, этого не случилось. Такъ вотъ я и не утерпѣлъ поговорить съ нимъ о Варочкѣ, предполагая, что надежда освѣжитъ его скорбящую душу, и однажды по утру, послѣ рапорта о благополучіи по хозяйству, разсказалъ ему о моемъ открытіи. Онъ долго стоялъ передо мною молча, опустя голову; я прошолся нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ, какъ статуя, не шевелился; я хотѣлъ ему что-то сказать, только смотрю, а у него изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ слезы, какъ горохъ, покатились; потомъ онъ вздохнулъ и едва слышно проговорилъ: капитанша!—и, поворотя на лѣво кругомъ, вышелъ изъ комнаты. Я посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и горько раскаялся въ моей опрометчивости.

Это было осенью. Въ полку были дозволены годовые и полугодовые отпуски. Туманъ на другой день приходитъ и говоритъ, что онъ представленъ въ отпускъ на полгода, и проситъ меня, чтобы я не препятствовалъ.

— Схожу, говоритъ до дому, чи не лучше буде.

— Иди, я говорю, съ Богомъ, и наказываю ему, чтобы, когда будетъ идти чрезъ Глуховъ, зашелъ на мой хуторъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Добре, зайду.

Чрезъ недѣлю ему выдали билетъ, и онъ, простившись со мною, ушелъ.

Напрасно ожидалъ я результата отъ моей публикаціи,—ничего не вышло; спустя мѣсяца три послѣ ухода Тумана въ отпускъ, въ одно утро докладываютъ мнѣ, что Туманъ пріѣхалъ. Я удивился, что такъ скоро. Выхожу на дворъ, смотрю, изъ небольшой одноконной рогожаной кибитки высаживаетъ Туманъ закутанную и въ нагольномъ тулупѣ женщину съ ребенкомъ на рукахъ. Туманъ, увидя меня, весело проговорилъ:

— Найшовъ! найшовъ, ваше высокоблагородіе!

И дѣйствительно это была Варочка. Но какая разница противъ прежней Варочки!—обвѣтренная, худая! Она отдала ребенка на руки Туману и, какъ помѣшанная, бросилась къ моимъ ногамъ и зарыдала. Дитя проснулось на рукахъ у Тумана и заплакало, а онъ, приголубивая его, понесъ въ свою комнату. Я поднялъ рыдающую Варочку и повелъ ее вслѣдъ за Туманомъ.

На другой день Туманъ принялъ опять мое хозяйство въ свои руки, и все у насъ въ домѣ пошло по прежнему. Однажды послѣ рапорта я спросилъ его, гдѣ онъ нашелъ свою Варочку.

— Де найшовъ?—отвѣчалъ онъ:—въ Молози, въ тюрьми!

Лыбопытство мое не совсѣмъ было удовлетворено его отвѣтомъ; но я зналъ, что онъ не охотникъ былъ до подробностей, то и не переспрашивалъ его. Нѣкоторое время Варочка никуда не выходила изъ своей комнаты, и даже отъ меня она пряталась; мнѣ тоже какъ-то казалось неловко къ нимъ заходить. У Тумана я каждый день спрашивалъ о ея здоровьи и о здоровьи дитяти, и онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Благодарить Господа милосерднаго—обое здоровы!

Я соскучился по Варочкѣ и однажды, отпустивши фельдфебелей, зашелъ къ нимъ въ комнату и, какъ прежде бывало, Варочка читала житіе Варвары великомученицы, а Туманъ сидѣлъ противъ нея и няньчилъ на рукахъ Еленочку. Я никогда не забуду эту истинно нравственную картину.

Послѣ моего визита на другой день Туманъ пришелъ ко мнѣ по обыкновенію и послѣ рапорта сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе! я думаю жениться, щобъ люде головою не кивали, та пальцями на насъ не показували.

Благороднѣйшій ты человѣкъ, подумалъ я и въ тотъ же день испросилъ ему у полковаго командира позволеніе, а въ слѣдующее воскресенье я присутствовалъ на свадьбѣ Тумана въ видѣ посаженнаго отца.

Варочка послѣ свадьбы долго еще все была грустная, задумчивая и никуда не выходила, кромѣ церкви. Тумана она по прежнему называла своимъ татомъ и часто плакала, глядя на него, когда онъ ласкалъ ея Еленочку, какъ-будто свое родное дитя. Мало по малу она какъ-будто бы начала забывать свое прошедшее, стала заходить въ мои комнаты, сначала въ мое отсутствіе, а потомъ и при мнѣ. Бѣлье мое и все, что требовало женскаго глаза, она взяла подъ свою опеку, и лучше и аккуратнѣе хозяйки требовать нельзя было. Однажды поутру приходитъ она ко мнѣ съ Еленочкой на рукахъ, веселая такая, счастливая; я предложилъ ей чашку чаю, посадилъ около себя и стороною повелъ рѣчь о томъ, какъ она убѣжала и гдѣ была спрятана капитаномъ до поѣздки въ Вологду.

Сначала спросилъ я ее, бываетъ ли она у фельдшерши.

— Никогда не бываю, отвѣчала она.

— Почему же ты не бываешь? спросилъ я: вы были такія короткія пріятельницы.

— Хорошія пріятельницы! Она гнусная, лукавая женщина! Еслибы не она, я бы до сихъ поръ не знала ничего; это она все надѣлала,—и Варочка заплакала.

Немного погодя, я сказалъ:

— Да, таки порядочныхъ хлопотъ ты намъ тогда надѣлала; бѣдный Туманъ чуть въ могилу не отправился. Но я до сихъ поръ не могу понять, гдѣ ты была спрятана, потому что я тогда всѣ мышьи норки перерылъ въ городѣ. Разскажи, сдѣлай одолженіе, какъ это такъ случилось.

— А вотъ какъ! сказала она, утирая слезы. Помните, въ тотъ день первый снѣгъ выпалъ. Фельдшерша, будь она проклята, подговорила меня покататься съ нею вечеромъ; я и ушла къ ней безъ

спросу, а свѣчу и книгу оставила на столѣ: думала, сейчасъ ворочусь, и никто не будетъ знать, гдѣ я была. Прихожу я къ фельдшершѣ, а у нея самоваръ на столѣ; она налила мнѣ чашку чаю; чай былъ такой вкусный, что я попросила и другую, а потомъ и третью, и мнѣ стало такъ хорошо, такъ весело, что я готова была плясать: я про все на свѣтѣ тогда забыла. Въ это время противъ оконъ на улицѣ остановились сани; мы вышли, сѣли и поѣхали. Долго мы ѣздили по городу, такъ долго, что мнѣ спать захотѣлось и такъ захотѣлось спать, что я не помню, какъ я и заснула. Проснулась я въ теплой комнатѣ; было темно, только въ маленькія скважины сквозь ставни пробивался свѣтъ. Я стала припоминать вчерашнее катанье, но только и могла припомнить одинъ чай и фельдшершу, и то, какъ во снѣ. Вскорѣ отворилась дверь и ко мнѣ вошла деревенская старуха со свѣчею въ рукахъ. Я спросила ее:

— Гдѣ я?

— У добрыхъ людей, отвѣчала она.

— Какъ же я здѣсь очутилась?

— Тебя на улицѣ подняли: знать шальные кони изъ саней выбросили.

— Не нужно-ли тебѣ чего? спросила она, ставя на столъ свѣчу.

— Не нужно ничего, отвѣчала я, и старуха взяла со стола свѣчу и вышла вонъ, защелкнувши на крючекъ двери за собою.

Я все думала, гдѣ я и что со мною хотятъ дѣлать; долго я думала и наконецъ опять заснула. Когда я проснулась во второй разъ, то уже свѣту въ скважинахъ не видно было; голова у меня не то что болѣла, а кружилась хуже всякой боли; я стала плакать. Вошла опять та-же самая старуха со свѣчой и начала меня утѣшать, предлагая мнѣ чаю и разныхъ лакомствъ. Я отказывалась и только просила ее, чтобы она сказала мнѣ, гдѣ я. Спрашивала про васъ, про тата, про городъ нашъ—далеко-ли онъ. Старуха отвѣчала, что ни васъ, ни тата не знаетъ, а про такой городъ, побожилась, что отъ роду не слыхала; потомъ предложила она мнѣ чаю, я отказалась; предложила ужинъ, я тоже отказалась; старуха зажгла лампадку предъ образомъ и вышла изъ комнаты. Я вскочила съ постели и бросилась къ двери, но старуха успѣла ихъ защелкнуть на крючекъ. Не много погодя, послышался за дверью мужской го-

лосъ; голосъ былъ мнѣ знакомый, но я не могла припомнить, гдѣ я его слышала. Голосъ спрашивалъ:

— Ну что, ей лучше теперь?

Старуха отвѣчала:

— Все равно, батюшка, бредитъ и мечется.

— Ну хорошо! говорилъ тотъ-же голосъ; я ей завтра лекаря пришлю.

— Неужели это они обо мнѣ говорятъ? Неужели я въ самомъ дѣлѣ нездорова? подумала я. Лекарь однако не приходилъ, и я успокоилась.

Долго, долго я сидѣла въ этой проклятой тюрьмѣ, чуть было съ ума не сошла отъ скуки; кромѣ отвратительной старухи, я во все это время никого не видала, только уже за день передъ тѣмъ, какъ взять ему меня съ собою, вошла ко мнѣ фельдшерша съ узломъ въ рукѣ. Я, какъ родной матери, обрадовалась ей; она принялась меня утѣшать и сулить мнѣ, Богъ знаетъ, какія радости въ будущемъ, съ тѣмъ только, чтобы я ей во всемъ покорилась. Она предложила мнѣ остричься и одѣться въ мужское платье; я было отказалась, но она пригрозила мнѣ вѣчною тюрьмою, и я повиновалась. У ней съ собою были ножницы, и она сейчасъ-же остригла мои косы. Господи, какъ я тогда плакала! Потомъ вынула изъ узла мужское платье и одѣла меня и только начала было восхищаться мною, какъ я хороша въ этомъ нарядѣ, какъ вошла старуха и сказала: пріѣхали..... Мы поспѣшно вышли на дворъ, уже было темно. За воротами стояло двѣ кибитки—одна большая, а другая поменьше; усадила меня фельдшерша въ большую кибитку, перекрестила и лошади тронулись съ мѣста, а остальное вы уже знаете, проговорила Варочка и заплакала.

Вскорѣ началась польская революція, и нашему корпусу велѣно было двинуться въ Литву. Я отослалъ, что было лишнее, къ себѣ домой на хуторъ и уговорилъ Тумана, чтобы онъ и Варочку съ ребенкомъ отпустилъ ко мнѣ на хуторъ съ обозомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, и мы двинулись въ походъ на телѣгѣ. По окончаніи комнаніи я взялъ отставку въ чинѣ полковника, а въ скоромъ времени вышла отставка и Туману, и онъ пришелъ ко мнѣ на хуторъ. Я думалъ было его сдѣлать у себя прикащикомъ, но такъ какъ мнѣ самому дѣлать было нечего около моего мизернаго хо-

зяйства, то я отдалъ ему въ содержаніе корчму, что около Эсмани, безплатно за прежнія его услуги и Викторкови моему завѣщалъ тоже дѣлать, когда меня не станетъ.

Что я и буду дѣлать до конца дней моихъ.

Викторъ N. N.

Прочитавши этотъ разсказъ, я призадумался и въ воображеніи моемъ грубый ветеранъ-корчмарь преобразился въ такого человѣка-христіанина, что дай Богъ, чтобы всѣ были хоть немного похожи на него. Отрадное это размышленіе прервано было восклицаніемъ: «чертъ знаетъ что»! Дверь растворилась и въ комнату вошелъ мой пріятель, держа въ рукахъ мою гармонику и повторяя: чертъ знаетъ что! Я думалъ, что онъ ей что нибудь доброе подарилъ. Полтина! больше полтины не стоитъ!—и увидя у меня свою рукопись въ рукахъ, какъ-бы опомнился и сказалъ:

— Что какова, повѣсть? али ты ее еще не дочиталъ?

— Какъ разъ предъ вашимъ пріѣздомъ кончилъ, отвѣчалъ я.

— Ну, какъ по твоему, стоитъ напечатать, или нѣтъ?

— И очень даже.

— Вотъ то-то и есть, а они дурни думаютъ, что, не читавши ничего, ничего не напишешь, а вотъ-же написалъ.

— Позвольте мнѣ ее переписать такъ для пямяти, сказалъ я.

— Вотъ еще переписывать! Возьмите такъ, какъ есть, и хоть напечатайте ее, только съ тѣмъ, какъ я вамъ и прежде говорилъ, чтобы не выставлять моего имени.

Я далъ слово. На дворѣ уже было темно; напившись чаю, мы поговорили еще немного, одѣлись и поѣхали въ городъ, въ историческій николаевскій соборъ «Дѣянія» слушать.

Послѣ заутрени пріятель мой поѣхалъ къ себѣ на хуторъ, какъ онъ говорилъ, по хозяйству распорядиться, а какъ послѣ оказалось, за тѣмъ только, чтобы соблюсти долгъ приличія, т. е. натянуть фракъ на независимыя плечи; я же, какъ никого не имѣлъ знакомыхъ и не имѣлъ охоты знакомиться, то нашелъ эту церемонію лишнею и остался въ городѣ въ ожиданіи обѣдни. Погода (что весьма рѣдко случается въ это время года) стояла хорошая: улицы были почти сухія, и я пошелъ шляться по городу, отыскивая то мѣсто, гдѣ стояла знаменитая Малороссійская Коллегія и гдѣ сто-

ялъ дворецъ гетмана Скоропадскаго, тотъ самый дворецъ, въ которомъ онъ чествовалъ Данилича, когда тотъ заѣхалъ поблагодарить гетмана за гостинецъ, т. е. за городъ Почепъ съ волостью. Даниличъ, не будучи дуракъ, взялъ да и отмежевалъ къ почепской волости посредствомъ нѣмецкой астролябіи сотни Балаклинскую, Мглинскую и половину Стародубовской, да и заѣхалъ въ Глуховъ благодарить гетмана, а простоватый Ильичъ, ничего не вѣдая, знай угощаетъ своего свѣтлѣйшаго гостя, ажъ пока свѣтлѣйшій гость, въ знакъ благодарности, велѣлъ скласть на площади противъ дворца каменный столбъ и вбить въ него пять желѣзныхъ спицъ: одну для гетмана, а прочія для старшинъ, если они хоть заикнутся предъ царемъ про нѣмецкую астролябію. Однакожъ старшины не устрашились и, будучи въ Москвѣ, пожаловались на грабителя, за что наперстникъ и былъ оштрафованъ.

Но гдѣ-же эта площадь? гдѣ этотъ дворецъ? гдѣ коллегія съ своимъ кровожаднымъ чудовищемъ—тайною канцеляріею? Гдѣ все это? И слѣду не осталось! Странно! А все это такъ недавно, такъ свѣжо! Сто лѣтъ какихъ нибудь мелькнуло, и Глуховъ изъ резиденціи малороссійскаго гетмана сдѣлался самымъ пошлымъ уѣзднымъ городкомъ.

Благовѣстъ къ обѣднѣ прервалъ мои невеселые вопросы, и я перекрестился, пошелъ въ николаевскую церковь, одинъ единственный памятникъ временъ минувшихъ. На площади догналъ я чумацкій возъ, везомый парою сѣрыхъ воловъ—великановъ. На возу сидѣли двѣ женщины въ бѣлыхъ свиткахъ: одна въ лентахъ и въ барвинковыхъ цвѣтахъ, а другая повязанная шелковымъ платкомъ; рядомъ съ волами шелъ высокаго роста мущина въ черной киреѣ и черной смушевой шапкѣ съ батогомъ въ рукѣ. Изъ воза выглядывалъ еще бѣлый большой узелъ. Это была завернутая въ бѣлую скатерть пасха со всѣми принадлежностями.

Поровнявшись съ возомъ, я не мало удивился, узнавши въ путешественникахъ моихъ старыхъ знакомыхъ—Тумана и его фамилію. Волы остановились, я со всѣми ими похристосовался, и бесѣдуя о томъ, что Богъ послалъ погоду и день такой хорошій для такого великаго праздника, мы тихонько приблизились къ церкви.

Послѣ обѣдни на цвинтарѣ или на погостѣ пріятель мой не безъ умиленія облобызалъ дюжины двѣ православныхъ христіанъ и христіанокъ, взялъ меня за руку и подвелъ къ только что вышедшему изъ церкви не большому толстенькому человѣчку въ губернскомъ мундирѣ съ румянымъ добродушнымъ лицемъ и, похристосовавшись съ нимъ, сказалъ, указывая на меня: такой-то. Я поклонился, пріятель прибавилъ:

— Карлъ Самойловичъ Стернъ, эскулапъ нашъ уѣздный. Ему такъ нравится нашъ истинно христіанскій обычай, что онъ каждый годъ надѣваетъ мундиръ и является къ обѣднѣ собственно для этого праздника и хочетъ принять нашу православную вѣру, да нѣтъ, я думаю, совретъ,—извини, Карлъ Самойловичъ!

Нѣмецъ добродушно улыбнулся и мы разстались.

Пріѣхали мы на хуторъ, и я, войдя въ комнату или свѣтлицу, не мало удивился, не видя ничего такого, чѣмъ бы можно было разговѣться. Хозяинъ, замѣтя мое удивленіе, вывелъ меня въ сѣни и молча показалъ на большую дверь, ведущую, какъ я думалъ, въ садъ. Я отворилъ дверь, и изумленнымъ очамъ моимъ представился не садъ, какъ я воображалъ, а огромный досчатый сарай съ маленькими окнами, примкнутый къ самому дому; это были залы пиршествъ, какъ я узналъ. По срединѣ сарая стоялъ безконечный столъ, покрытый бѣлой скатертью и, Боже, чего на этомъ столѣ не было! И все это было въ самыхъ гомерическихъ размѣрахъ. Бабуся, вертѣвшаяся около стола, казалась мухой противъ колоссальной пирамиды изъ тѣста, называемой пасхой. По сторонамъ пирамиды, какъ египетскіе сфинксы, по нѣсколько въ рядъ, лежали не поросята, а цѣликомъ зажаренные огромные кабаны, съ корнями хрѣну въ зубахъ, и все прочее въ такихъ размѣрахъ, даже водка и сливянка стояли по краямъ стола въ большихъ барилахъ (боченкахъ), покрытыхъ салфетками, словомъ: все было циклопическое, такъ что еслибы проснулся великій слѣпецъ хіоскій, такъ и онъ только бы усъ покрутилъ, больше ничего, да, можетъ быть, подумалъ бы, что на хуторѣ ждутъ Кадма съ товарищами.

Хозяинъ, ходя по залѣ (такъ называлъ онъ сарай), поглядывалъ то на столъ, то на меня и самодовольно улыбался. Зачѣмъ же дѣло стало? чего тутъ недостаетъ? думалъ я; можно бы, ка-

жется, и приступить къ дѣлу, или онъ кого дожидаетъ. Я хотя и не былъ голоденъ, но и равнодушно не могъ взирать на всѣ сіи блага, особенно на порося и на бабу, точно московская кубическая купчиха, бѣлая, румяная,—ну такъ бы и проглотилъ всю разомъ; а хозяинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ходитъ себѣ да только улыбается. Полчаса, если не больше, прошло въ ожиданіи; я началъ уже припоминать такой анекдотъ про царя и его любимаго боярина. Вѣрный бояринъ проворовался въ чемъ-то предъ царемъ; добрый царь не хотѣлъ для открытія истины употреблять въ дѣло огня и желѣза, а продержавши сутокъ съ трое въ темницѣ безъ хлѣба и воды своего вѣрнаго боярина, потомъ велѣлъ подать себѣ мису добрыхъ щей, жаренаго поросенка и позвать боярина къ допросу. Что же вы думаете? За ложку щей да за хвостикъ поросенка во всемъ бояринъ повинился. Вины, правда, я за собой никакой не сознавалъ, но мнѣ невольно думалось, не хочетъ ли пріятель мой и надо мною такую шутку выкинуть, какъ тотъ царь надъ своимъ вѣрнымъ бояриномъ, только въ чемъ же я предъ нимъ провинился. Въ эту самую секунду дверь отворилась, и вошла въ залу бабуся съ тарелкой въ рукахъ; въ тарелкѣ была священная вода и кропило изъ васильковъ сухихъ. Входя въ залу, бабуся скороговоркою сказала: «уже на гребли»! Пріятель мой вышелъ въ сѣни; вскорѣ послышался на дворѣ стукъ колесъ, и минуты двѣ спустя, вошелъ въ залу священникъ при епитрахили, сопровождаемый хозяиномъ и церковниками. За клиромъ вошелъ Туманъ со своими домочадцами, а за Тумановъ чинно, безъ шуму, разглаживая усы, вошли мужички и чрезъ минуту наполнили собою весь сарай. Послѣ священнодѣйствія священникъ, а за нимъ хозяинъ, а потомъ уже я похристосовались со всѣми предстоящими и, разговѣвшись кусочкомъ чернаго хлѣба, приступили кто къ чему имѣлъ поползновеніе. Теперь только объяснилось, для чего въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ было приготовлено съѣдобное и спитобное! Пріятель мой (за что я съ нимъ десять разъ похристосовался) буквально слѣдовалъ слову Златоустаго витіи и любви и смиренію первобытныхъ христіанъ. Тутъ не было раба и владыки; тутъ былъ со мной радушный хозяинъ и самые нецеремонные гости.

Проводивши священика и крѣпостныхъ своихъ гостей, онъ усадилъ за столъ меня, Тумана съ фамиліею, и самъ сѣлъ между

нами, сказавши: «отъ теперь розговѣемся»! Противъ меня сидѣла Еленочка съ матерью, и теперь только я разсмотрѣлъ ее съ должнымъ вниманіемъ. Это была настоящая, только, только что разцвѣвшая красавица: густые темно-каштановые волосы, заплетенные въ двѣ косы и перевитые желтыми и синими лѣнтами съ барвинкомъ, придавали какую-то особенную свѣжесть ея изящной головкѣ; тонкая бѣлая рубаха съ бѣлыми же прозрачными узорами на широкихъ рукавахъ ложилась на плечахъ и на груди такими складками, какія не снилися ни Скопазу, ниже самому Фидію,—словомъ предо мною сидѣла богиня красоты и непорочности. Рядомъ съ Еленочкой сидѣла мать ея, когда-то Варочка, а теперь Варвара Ивановна, какъ называлъ ее самъ хозяинъ, и около нея сидѣлъ Туманъ, съ улыбкою покручивая бѣлые усы свои. Я смотрѣлъ на него не какъ на простого корчмаря ветерана, а какъ на рыцаря великихъ нравственныхъ подвиговъ, какъ на человѣка христіанина въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и, признаться, завидовалъ ему. Онъ въ моихъ глазахъ казался совершенно счастливъ, да иначе и быть не могло. Человѣкъ, такъ высокоблагородно исполнившій свои обязанности въ отношеніи къ ближнему, даже въ нищетѣ и одиночествѣ долженъ быть счастливъ, а его старость была окружена достаткомъ и самими искренними, самими нѣжными друзьями. Не случалось мнѣ видѣть такого изящнаго произведенія скульптуры или живописи, которое такъ успокоительно сладко привлекало бы мои глаза къ себѣ, какъ кроткое и спокойное лицо этого сѣдого доблестнаго героя добродѣтели. Озеровъ вполнѣ чувствовалъ эту прелесть, сказавши устами Эдипа.

Мой не увидитъ взоръ
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго рука боговъ произвела.

Встали мы изъ за стола тихо, скромно, какъ будто изъ-за обыкновеннаго обѣда, помолились Богу, и Туманъ, взявши свою смушевую шапку, взглянулъ на жену и сталъ прощаться съ хозяиномъ. Туманъ вообще не говорливый, но на этотъ разъ онъ былъ совершенно нѣмой за столомъ. Я думалъ было завести разговоръ о Блюхерѣ или о Бонапарте, но, при взглядѣ на него, мысль моя показалась мнѣ просто тривіальною. Одно единственное слово я услышалъ отъ него теперь, и то уже на дворѣ: когда онъ

посадилъ свою фамилію въ чумацкій возъ и волы тронулись съ мѣста, то хозяинъ, стоя на порогѣ, спросилъ его:

— Такъ на Ѳоминой, батьку?

— Эге!—отвѣчалъ Туманъ и пошелъ за возомъ.

Въ вечеру за чаемъ пріятель мой вопреки своей натурѣ былъ задумчивъ. Я сдѣлалъ ему какихъ-то два три вопроса, да потомъ и самъ началъ барабанить по столу пальцами. Уже бабуся и свѣчи подала, уже убрала и самоваръ съ принадлежностями, а мы все сидимъ, не двигаясь, да барабанимъ по столу, и не знаю, долго ли бы продолжалось это барабанное упражненіе, если бы я не вздохнулъ такъ себѣ отъ нечего дѣлать. Пріятель мой поднялъ голову, взглянулъ на меня и засмѣялся.

— Послушай, сказалъ онъ, насмѣявшись досыта, мое дѣло хозяйское: мнѣ есть о чемъ задуматься и вздохнуть, ну, а ты какого черта вздыхаешь?

— Хозяинъ невольно передаетъ свои впечатлѣнія гостямъ, отвѣчалъ я.

— Правда, правда твоя! А знаешь ли что?... проговорилъ онъ и замолчалъ.

— Буду знать, коли скажешь.

— У меня къ тебѣ великая просьба есть. Дай слово, что исполнишь, скажу.

— Дамъ слово, если скажешь, какая просьба.

— Прогости у меня до Ѳоминой недѣли!

— Не могу.

— Вотъ то-то и есть! заставилъ меня открыть секретъ, а теперь и назадъ. Это не похоже на порядочнаго человѣка.

— Какой же тутъ секретъ? спросилъ я.

— А такой секретъ, отвѣчалъ онъ, подумавши, что на Ѳоминой недѣлѣ я думаю вѣнчаться, а тебя прошу быть у меня шаферомъ или по нашему бояриномъ; ну что, согласенъ?

Я, какъ былъ въ то время человѣкъ совершенно независимый, то, не долго думаючи, и сказалъ ему: согласенъ!

— Вотъ это по дружески! говорилъ онъ, пожавши мою руку такъ по дружески, что я чуть не закричалъ.—Теперь же ходимо вечерять! прибавилъ онъ, вставая.

Тучная вечеря и нелицемѣрное возліяніе развязали языкъ моему пріятелю и открыли его сердечный тайникъ. Онъ сначала

высказалъ мнѣ свои самыя естественныя понятія о семейной и политической жизни человѣка, о его назначеніи вообще какъ созданія прекрасного и разумнаго, и какъ онъ, можетъ быть, независимъ, а слѣдовательно и счастливъ въ своей кратковременной жизни, ни малѣйше не нарушая гармоніи общества себѣ подобныхъ. Онъ такъ увлекъ меня своими сужденіями, что я въ немъ началъ видѣть самого натуральнаго, самаго естественнаго мудреца, чуть ли не выше самого Сократа; но какъ мудрецу и вообще человѣку трудно и, кажется, вовсе невозможно указать самому точку, чрезъ которую не должно переступать, то и пріятель мой незамѣтно перешелъ къ утопіи и началъ мнѣ доказывать, что грамотность, особенно въ женщинахъ, много вредитъ благополучію человѣчества. Я думалъ было, что источникъ такой идеи— вино, обильный пріемъ сливянки, пока онъ не заключилъ своихъ доказательствъ такими словами:

— Я надѣюсь, и не безъ основанія, что я буду совершенно счастливъ съ моей женою, и именно потому, что она неграмотная.

— Ты, можетъ быть; но этого нельзя сказать про многихъ, и я первый не скажу про себя.

— Потому, что многіе, въ томъ числѣ и ты, ничего больше, какъ нравственные уроды.

Вотъ тебѣ на! подумалъ я и помолчавши сказалъ:

— Какъ твой старшій бояринъ, имѣю ли я право спросить у своего князя: кто же это такая будущая счастливая княгиня?

— Секретъ! до послѣдняго дня секретъ; а то ты, пожалуй, станешь меня разочаровывать.

Долго мы сидѣли за столомъ молча, изрѣдка поглядывая другъ на друга и на бутылку со сливянкой, и, когда увидѣли, что на сухомъ днѣ бутылки ничего достойнаго вниманія не оказалось, встали изъ-за стола и, выразительно пожавши другъ другу руки, пошли спать.

Въ продолженіи недѣли мы съ пріятелемъ закусывали, завтракали, обѣдали, вечеряли и спали; много и много переговорили мы о разныхъ, совершенно постороннихъ, предметахъ, въ томъ числѣ и о современной литературѣ, за которой онъ, какъ и всякій порядочный человѣкъ, слѣдилъ довольно внимательно, что меня не мало удивило, потому что я, кромѣ варварскаго перевода басенъ Федра,

ни одной книжки не видѣлъ въ его домѣ. Кромѣ современной литературы, у насъ часто заходила рѣчь о тонкой современной политикѣ Меттерниха, но о предстоящей свадьбѣ ни полслова. Я разъ, было, вопреки вѣжливости, заикнулся о семъ щекотливомъ предметѣ, но пріятель мой былъ нѣмъ, аки рыба, приказалъ заложить бричку и, не сказавши мнѣ, до свиданія, сѣлъ и уѣхалъ, Богъ его знаетъ, куда. Прошла наконецъ безконечная для меня Святая недѣля, прошла и половина Ѳоминой; пріятель мой уѣхалъ въ среду по утру и пропадалъ до самаго вечера; возвратясь къ вечеру домой, онъ молча надѣлъ фракъ, причесался, посмотрѣлъ въ зеркало и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Я готовъ! Одѣвайся скорѣе, поѣдемъ!

Я тоже одѣлся, и мы сѣли въ бричку и поѣхали въ городъ прямо въ николаевскую церковь. Церковь была освѣщена; священникъ въ облаченіи, по срединѣ церкви налой, а дьячекъ, разглаживая усы, чуть-чуть не возглашалъ: Исаія ликуй!... Не успѣлъ я осмотрѣться, какъ двери растворились и вошла Еленочка, сопровождаемая Туманомъ и матерью. Войдя въ церковь, она перекрестилась, смѣло подошла къ налою и стала на свое мѣсто. Я, когда увидѣлъ ее поближе и ярче освѣщенную, такъ только ахнулъ! Вѣнчанье кончилось, и я не безъ зависти поздравилъ моего счастливаго пріятеля съ новой жизнью, съ новой радостью, а на другой день, поблагодаривши его за хлѣбъ-соль, я уѣхалъ въ Кіевъ.

СВАДЬБА ТИМОША ХМЕЛЬНИЦКАГО.

(Эпизодъ изъ исторіи малорусско-молдавскихъ отношеній).

(окончаніе[1]).

III.

На первыхъ порахъ, хоть для виду, Лупулъ строго держался условій мира, заключеннаго съ гетманомъ козацкимъ и въ ноябрѣ 1650 года посылалъ даже къ Хмельницкому спросить, когда онъ назначитъ день свадьбы. «Митрополитъ волошскій былъ у него (гетмана), говорятъ современныя извѣстія, прося чтобъ назначилъ день свадьбы своего сына Тимошки, и онъ назначилъ или въ день Рождества Христова, или на Крещеніе, и дружески отпустилъ посла, давши ему тайное порученіе».

Очевидно, это посольство Лупула къ гетману было только отводомъ глазъ, потому что еще 22-го октября гетманъ Потоцкій приблизительно вотъ что писалъ королю:

Въ письмѣ волошскаго господаря, которое я послалъ вашему величеству, нѣкоторыя мѣста не совсѣмъ ясны. Такъ, напримѣръ, не извѣстно, кто строитъ козни въ Портѣ противъ него, съ какой цѣлью и противъ кого онъ ищетъ нанять три тысячи человѣкъ въ земляхъ в. в. и, наконецъ, какъ онъ поступитъ, когда Хмельницкій добьется руки его дочери для своего сына. Мнѣ, кромѣ того, важно было узнать его расположеніе къ Рѣчи-Посполитой (въ виду опустошенія Хмельницкимъ земли молдавской). Съ этой цѣлью я и

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1887 г., мартовск. кн., стр. 469—463.

послалъ къ нему нарочно довѣренное лицо, чрезъ которое получилъ отвѣтъ на всѣ выше приведенные вопросы. Первѣе всего Лупулъ очень благодаритъ за память о немъ, но жалуется на обиды, нанесенныя ему козаками и татарами, чѣмъ воспользовавшись господарики, проживающіе въ Константантинополѣ и ожидающіе тамъ вакансій на господарство, донесли султану, что господарь погибъ въ этой войнѣ. Лишь только Лупулъ узналъ объ этомъ, сейчасъ же извѣстилъ Порту, что онъ живъ, и въ тоже время просилъ меня помочь ему, въ случаѣ попытки одного изъ господариковъ овладѣть Молдавіей.

Теперь его дѣла пошли хорошо; посолъ турецкаго царя уже везетъ ему саблю, кафтанъ и подтвержденіе въ господарскомъ достоинствѣ. Лупулъ больше не нуждается въ нашей помощи, развѣ впослѣдствіи, если бы кто изъ его враговъ вздумалъ напасть на него.

На второй вопросъ о его расположеніи къ Рѣчи Посполитой, я узналъ, что оно будетъ соразмѣрно съ тѣмъ покровительствомъ и той помощью, какую в. в. и Рѣчь Посполитая дадутъ ему, но при этомъ онъ горько жаловался, что за его дружескія отношенія къ полякамъ и козакамъ, которыхъ онъ въ своей странѣ такъ гостепріимно принималъ и укрывалъ во время войны у нихъ дома, послѣдніе такъ жестоко отблагодарили его нападеніемъ.

При этомъ онъ прибавилъ, что это бѣдствіе постигло его по нашей винѣ, потому что Хмельницкій ему выговаривалъ, зачѣмъ де онъ о нашихъ гетманахъ хлопоталъ, почему ихъ, возвращавшихся изъ неволи, принялъ любезно, зачѣмъ даетъ деньги на войско в. в. зачѣмъ якшается съ ляхами и доноситъ имъ обо всемъ, что дѣлается въ Портѣ. Поводъ для этихъ попрековъ дали волошскій господарь и Ракоцци, которые поклялись ему по враждѣ къ в. в. Хмельницкій и самаго Лупулу довелъ до того, что тотъ поклялся быть врагомъ в. в. и даже письменно обязался помочь ему противъ насъ. Слѣдовательно, дѣло находится въ такомъ положеніи: чѣмъ больше мы окажемъ ему помощи и покровительства, тѣмъ болѣе онъ будетъ послушенъ волѣ в. в.; но если эта помощь будетъ мала, то онъ предпочтетъ исполнить свои обязательства передъ Хмельницкимъ. Желаетъ онъ и горячо проситъ в. в., чтобъ вы не оставили его своей милостью: онъ предпочитаетъ сломать

присягу, данную этому измѣннику и, прильнувъ всей душой къ в. в., отдохнуть подъ сѣнью крыльевъ орла в. в. Но чтобъ это его желаніе не возбуждало подозрѣнія, проситъ объ индигенатѣ, для полученія котораго желаетъ, чтобъ в. в. разослали свои письма на сеймики, если уже имъ посланы инструкціи. По моему, было бы желательно перетянуть этого воеводу на нашу сторону, къ чему не предвидится трудностей, насколько я понялъ его, потому что онъ самъ къ этому стремится и обѣщаетъ намъ свою помощь, и былобы даже справедливо оказать ему наше покровительство за постоянную его дружбу къ намъ.

Переходя затѣмъ къ послѣднему вопросу объ обѣщаніи Лупула выдать дочь свою за сына Хмельницкаго, онъ меня извѣщаетъ, что дѣйствительно обѣщалъ руку дочери сыну Хмельницкаго, но желалъ бы какъ-нибудь ловко отвертѣться отъ этого обѣщанія, и будь на то воля в. в., я совѣтовалъ бы написать сему измѣннику, чтобы онъ бросилъ эту затѣю, потому что, женивъ сына на подданной султана, тѣмъ наведетъ на себя подозрѣніе въ вѣрности».

Какъ король отнесся къ совѣтамъ Потоцкаго, мы не знаемъ; но просьба Лупула о признаніи за нимъ шляхетсакго званія, поддержанная его зятемъ Радзивилломъ, была удовлетворена и король далъ господарю земли молдавской право быть членомъ Рѣчи Посполитой «во вниманіе къ тому, что онъ довольно явилъ свою вѣрность, постоянство и усердіе къ ней».

Весной 1651 года постигло стараго гетмана большое горе. «Мая въ 10-й день, говорятъ современные акты, пришла къ гетману вѣсть, что не стало жены его, и о томъ гетманъ былъ зѣло кручиненъ».

Я не остановился бы на этомъ событіи, если бы оно не касалось такъ близко героя нашего разсказа. Польскіе историки всецѣло приписываютъ вину смерти Чаплинской Тимошу; въ слѣдъ за ними и нашъ лѣтописецъ, Самуилъ Величко, говоритъ: «и толь (Тимошъ) былъ своевольній, же по смерти отчиной, если то есть правда, Чаплинскую, мачиху свою, на ворогахъ обвѣсилъ«...

Но уже Величко усумнился въ ихъ разсказахъ. И дѣйствительно, въ варіантахъ пущенной ими легенды о смерти Чаплинской такъ много противорѣчій и несоотвѣтствій въ датахъ, что несо-

стоятельность ея очевидна; тѣмъ не менѣе я приведу эти характерные разсказы въ извлеченіи.

Польскіе историки предполагаютъ, что Тимошъ, собираясь жениться и думая ввести свою молодую жену въ отчій домъ, не хотѣлъ, чтобы она была въ подчиненности мачихи и стояла рядомъ съ женщиной сомнительной репутаціи и даже не совсѣмъ законной женой, такъ какъ ея прежній законный мужъ Чаплинскій былъ еще живъ; другіе прибавляютъ, что, быть можетъ, онъ боялся вліянія мачихи на отца, такъ какъ эта златокудрая славянская Елена умѣла задобрить старика мужа и вліяла на всѣхъ окружавшихъ его. Въ угодность Богдану, она, разодѣтая въ парчу и бархатъ, обвѣшанная драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, подносила дорогимъ гостямъ въ золотыхъ кубкахъ простую горѣлку, набивала имъ трубки табакомъ и въ черепочкѣ подавала «табаку» для своего мужа.

Тимошъ поэтому поджидалъ будтобы удобнаго случая, который уронилъ бы его мачиху въ глазахъ отца, и такой случай скоро представился.

«Чаплинская, разсказываетъ одинъ польскій историкъ, вторая жена Хмельницкаго, завязала интрижку съ часовымъ мастеромъ. Былъ это паничъ родомъ изъ Львова, красавецъ, съ изящными манерами, съ шляхетскими привычками; а такъ какъ гетманша была тоже изъ гербоваго семейства, то не удивительно, что они поняли другъ друга и сошлись; подумывали даже о побѣгѣ, но дѣло остановилось изъ за-бочки золота, которую надо было захватить съ собой, а такихъ бочекъ хранилось у Богдана въ погребѣ много.

На бѣду любовниковъ, Тимошъ подглядѣлъ ихъ шашни и донесъ отцу, а послѣдній приказалъ сыну казнить обоихъ смертью. Шестнадцатилѣтній гетманичъ устроилъ экзекуцію съ помпой: пригласилъ козацкую старшину и позвалъ младшаго брата Юрася. Мальчикъ плакалъ отъ жалости и страха, глядя, какъ мачиху и ея возлюбленнаго тянутъ на висѣлицу, какъ тѣло ея конвульсивно дрожало въ предсмертной агоніи; но Тимошъ успокоивалъ брата, а подпившіе козаки пѣли веселыя пѣсенки подъ висѣлицей».

Иначе разсказываетъ это событіе современникъ:

«Въ то время, говоритъ, пришло смѣшное извѣстіе о Хмельницкомъ и его женѣ. Разсказывали, что жена Хмельницкаго имѣла связь съ извѣстнымъ львовскимъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, довела эту связь

до крайняго скандала и непристойности и дѣлала мужу всевозможныя непріятности, гдѣ только могла. Къ этому прибавляютъ, что самъ Хмельницкій сдѣлалъ этого часоваго мастера гофмейстеромъ при своей женѣ. Долго это между ними продолжалось in seereto, пока Хмельницкій не тронулъ своихъ сокровищъ, которыя были поручены охранѣ того-же часоваго мастера, а тронулъ онъ ихъ затѣмъ, чтобъ заплатить татарамъ, и не досчитался одного боченка съ золотомъ. Сразу подумали, что сынъ Хмельницкаго, идучи въ Литву, взялъ его съ собою, но, списавшись съ сыномъ по этому поводу, гетманъ узналъ, что сынъ не только не бралъ, но даже не видалъ его. Тогда Хмельницкій сталъ пытать своего милаго подскарбія; тотъ признался въ воровствѣ боченка съ червонцами, но оправдывался тѣмъ, что и жена гетмана была соучастницей этого воровства, а потомъ проболтался и о своей преступной связи съ ней. Послѣ этого признанія Хмельницкій, не смотря на свою горячую привязанность къ женѣ, не могъ простить ей супружеской невѣрности и приказалъ ихъ обоихъ повѣсить въ такомъ видѣ, какъ они были in actu adulterii, связавши имъ ноги. Объ этомъ происшествіи намъ съ удовольствіемъ разсказалъ король за ужиномъ».

Мы конечно должны вѣрить современнику; но если бы хоть часть вины лежала на Тимошѣ, то онъ слишкомъ поспѣшилъ очистить мѣсто для своей возлюбленной, такъ какъ Лупулъ все продолжалъ еще упрямиться и не только не хотѣлъ выдать своей дочери за него, объясняя свой отказъ то молодостію невѣсты, то неимѣніемъ согласія султана на этотъ бракъ, но еще сталъ интриговать противъ самаго гетмана.

«Марта въ 28-й день пришелъ изъ Царя-града посолъ къ гетману въ Животово, предлагая помощь; гетманъ послалъ въ Каменецъ Демка и Тетерю, а съ ними 60,000 войска, до 10 тысячъ татаръ, и до нихъ за три дня ляхи изъ города выбѣжали. А гетманъ для того и послалъ было, чтобы ихъ побить, а Василій воевода тѣмъ ляхамъ вѣсть подалъ, потому они изъ Каменца и ушли. Василій-же воевода писалъ къ венгерскому королю на гетмана съ осудомъ, такъ, что когда молдавскій посолъ приходилъ къ гетману, гетманъ его принять велѣлъ непріятно, потому что всю его не правду провѣдалъ». Маркевичъ такъ комментируетъ вышеприведенныя слова: «посланникъ (Лупула) больше занимался наблюденіями

за движеніями козаковъ, нежели скрѣплялъ дружбу своего господаря съ гетманомъ, и изыскивалъ способы отклонить свадьбу Тимоша съ Роксандой, такъ что гетманъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ выпроводить посланника молдавскаго господаря за границу».

Такое упрямство Лупула выводило Хмельницкаго изъ себя. «Хмельницкій обѣдалъ въ тотъ день (во время заключенія бѣлоцерковскаго мира), говоритъ Маркевичъ, съ своими полковниками у польскихъ гетмановъ и, разгоряченный напитками, ругалъ Лупула, господаря молдавскаго. Радзивиллъ вступился за своего тестя, поссорился съ предводителемъ малороссіянъ, но былъ примиренъ Выговскимъ». Но все таки Богданъ, чиня волю Лупула, послалъ просьбу къ султану о разрѣшеніи на бракъ его сына Тимоша съ дочерью молдавскаго господаря и, когда получилъ требуемое разрѣшеніе, написалъ такое грозное письмо Лупулу: «Сватай, господарь, дщерь свою съ сыномъ моимъ Тимошемъ, и тебѣ добре будетъ; а не выдашь, изотру и останка твоего не останется и вихремъ прахъ твой размечу по воздуси».

Очевидно, угроза не произвела надлежащаго дѣйствія на молдавскаго господаря, и потому гетманъ, желая привести ее въ исполненіе, подумывалъ о новомъ походѣ въ Молдавію.

«Печальную посылаю вамъ вѣсть», пишетъ въ декабрѣ 1651 года одинъ современникъ: «Хмельницкій послалъ сына своего Тимоша съ частью войска въ Молдавію за барышней, дочерью молдавскаго господаря, обѣщанной ему въ супружество; съ нимъ были и татары, въ то время кочевавшіе на Капустянской долинѣ за Корсунемъ; они должны были выступить въ походъ въ двѣ недѣли. Видя панъ краковскій (Николай Потоцкій), что это можетъ быть не только съ величайшей обидой для Рѣчи-Посполитой, но и опасностью, задержалъ войско подъ Махновкой подъ предлогомъ бунтовъ, и власть надъ нимъ передалъ польному гетману (Калиновскому), а самъ, будучи очень боленъ, выѣхалъ 22 декабря въ Хмельникъ для леченія». Вѣроятно, походъ не состоялся, потому что и козаки и татары зимой воевать не любили. Вскорѣ потомъ Потоцкій умеръ, и потому шансы его сына Петра на успѣхъ у молдавской княжны уменьшились; при томъ онъ, кажется, въ это время не могъ за ней ухаживать, такъ какъ былъ еще въ плѣну у татаръ, замѣнивъ собою отца. Про Димитрія Вишневецкаго, дру-

гаго претендента на руку княжны, ничего не слышно было. Оставался только старикъ Калиновскій, который взялъ на себя непосильную роль заступить дорогу Тимошѣ и не пустить его въ Яссы. И Лупулъ, кажется, видѣлъ въ польномъ гетманѣ единственную для себя защиту, потому что писалъ къ нему письмо, прося о помощи; просилъ онъ, правда, помощи у короля, но король занятый дѣлами и уѣзжая въ Пруссію, отдѣлывался отъ Лупула только утѣшеніями и успокоеніями. Калиновскій, взявъ на себя задачу не пропустить молодаго Хмельницкаго въ Молдавію, расположился лагеремъ у Батога [1]) и заложилъ такой большой лагерь, что въ немъ можно было-бы помѣстить стотысячную армію. У него было не больше 10 тыс., но онъ разсчитывалъ на прибытіе другаго корпуса, подъ начальствомъ своего брата, зимовавшаго въ Нѣжинѣ; разлитіе Буга, однако, помѣшало соединенію корпусовъ подъ Батогомъ. Напрасно начальникъ артиллеріи Пріемскій и другіе старые опытные воины убѣждали гетмана Калиновскаго бросить не удобную позицію и перенести лагерь подъ Брацлавъ, гдѣ подъ защитой крѣпостныхъ пушекъ имъ было-бы безопаснѣе: гетманъ никого и слушать не хотѣлъ и оставался на мѣстѣ. Между тѣмъ Хмельницкій зналъ всѣ неудобства и беззащитность польскаго лагеря, зналъ онъ и то, что братъ польнаго гетмана уже близко подошелъ къ Бугу, но войти въ лагерь на Батогѣ не можетъ, и потому только ожидалъ окончанія сейма, собравшагося тогда въ Варшавѣ, боясь теперь напасть на польское войско, чтобы не возбудить противъ себя гнѣва сеймующей шляхты. Но сеймъ былъ сорванъ; самъ король извѣстилъ Хмельницкаго, что шляхта недовольна даже бѣлоцерковскимъ миромъ. Эти обстоятельства развязали Хмельницкому руки. Онъ теперь смѣло могъ броситься на обоихъ братьевъ Калиновскихъ: они оба были предъ нимъ виноваты—первый,

---

[1]) Въ описаніи мѣстечка Ладыжина сказано: „къ юго-востоку отъ Ладыжина, внизъ по теченію Буга и на возвышенномъ берегу сей рѣки, вблизи нынѣшняго с. Четвертиновки, находилось м. Батогъ (или Батовъ), получившее названіе отъ Батыя или Баторія, теперь совершенно уничтоженное при учрежденіи военныхъ поселеній. До сихъ поръ, по пути изъ с. Четвертиновки въ с. Болешовку, возвышаются могильные курганы, напоминающіе о битвѣ Хмельницкаго съ поляками. А по пути въ мѣстечко Соболевку (опять) нѣсколько могилъ напоминаютъ о семъ подвигѣ козаковъ.

нольный гетманъ, тѣмъ, что вздумалъ стать на дорогѣ его сына, а другой за неистовства надъ украинскимъ народомъ во время своей зимней стоянки на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Надвигалась большая гроза, и замѣтилъ эту грозу даже Василій Лупулъ въ Яссахъ: «онъ увѣрялъ Хмельницкаго въ своей дружбѣ, просилъ, чтобы гетманъ недруговъ его рѣчей не слушалъ, мѣстъ его татарамъ разворять не давалъ, а про дочь свою писалъ, буде гетманъ изволитъ, готовъ учинить съ нимъ сватовство».

По сказанію современника, Хмельницкій передъ выступленіемъ въ походъ на Батогъ, простеръ свое рыцарство до того, что не только извѣщалъ Калиновскаго о намѣреніи своемъ напасть на него, но даже указывалъ на неудобства его стоянки. «Не хочу, писалъ онъ ему, скрывать передъ вашей вельможностью, что своевольный сынъ мой Тимофей съ нѣсколькими тысячами войска идетъ жениться на дочери молдавскаго господаря. Конечно, до этого никому нѣтъ дѣла; но я удивляюсь, что польское войско стало при Батогѣ, какъ будто хочетъ заступить дорогу моему сыну.

Я прошу вашу вельможность, для спокойствія отечества, отступить съ войскомъ, тѣмъ болѣе, что мѣсто неудобно для обоза. Я боюсь, чтобъ свадебные бояры не затѣяли ссоры съ войскомъ, а мой сынъ по своей юности не сталъ-бы искать первой удачи на военномъ поприщѣ».

Къ другому Калиновскому Хмельницкій не сталъ даже писать письма, а отправилъ къ нему, говоритъ Маркевичъ, въ даръ коня безъ хвоста и гривы, съ веревкою на шеѣ, сплетенною изъ нихъ. Этотъ символъ значилъ: попадешься ты, голубчикъ, мнѣ; тогда я разсчитаюсь съ тобой!

Хмельницкій выступилъ противъ польнаго гетмана съ довольно значительными силами: съ нимъ было четыре полка козаковъ: чигринскій, черкасскій, переяславскій и корсунскій и около сорока тысячъ татаръ подъ начальствомъ Нуреддинъ-султана. Самъ гетманъ и Нуреддинъ-султанъ съ большей частію своихъ татаръ, составляя какъ бы резервъ, стояли въ отдаленіи и наблюдали за битвой, а «шестнадцать тысячъ орды, пишетъ Николай Дложевскій къ канцлеру Лещинскому, 1-го іюня подступили къ нашему войску. Въ этотъ день наши войска обнаружили большую храбрость, особенно три полка, загнавшіе орду на полъ-мили отъ лагеря; но ордѣ

пришла помощь, и она съ свѣжими силами взяла надъ нами перевѣсъ, не безъ вреда для нашего рыцарства. Работы намъ съ ордой было довольно до самаго вечера». На другой день татары возобновили битву; въ этотъ моментъ съ противоположной стороны вихремъ налетѣлъ Тимошъ съ своимъ отрядомъ, скрывавшимся до сихъ поръ за ближайшимъ лѣсомъ. Польскій лагерь, стиснутый съ двухъ сторонъ, подвергся несчастію внутри: во время замѣшательства среди него загорѣлся фуражъ и пламя пожара обдавало и жгло осажденныхъ. Поляки чувствовали себя точно въ аду. Паника овладѣла всѣмъ лагеремъ. «Хмельницкій съ такой силой ударилъ на насъ, продолжаетъ свое описаніе батожскаго пораженія Дложевскій, что и часу мы не могли удержать его натиска, и тогда, окруживши насъ со всѣхъ сторонъ, орда бросилась на насъ съ саблями, а козаки овладѣли нашимъ лагеремъ. Панъ гетманъ укрылся въ то время на редутѣ чужеземцевъ, но и тамъ долго не могъ удержаться, потому что и этотъ редутъ сейчасъ окружили пушками, которыхъ съ ними было нѣсколько десятковъ. Если мы поддались непріятелю, то потому, что не имѣли возможности защищаться, не было никакой возможности удержаться въ редутахъ, сдѣланныхъ съ поспѣшностью, безъ воды и при такомъ ужасномъ натискѣ и стремительности непріятеля, да еще при такомъ конфузѣ: когда уже надо было биться, тогда только стали трубить, чтобы собрать челядь. Лагерь-же былъ такой величины, что его едва-ли бы сто тысячъ защитили. На челѣ поставили только одинъ рядъ воиновъ, а сзади не осталось ни одной души для защиты. Гдѣ хотѣли, тамъ насъ и брали, и татары, и козаки; куда хотѣли, туда и вторгались въ нашъ лагерь. Мнѣ Богъ помогъ съ однимъ товарищемъ одной хоругви спастись, для службы Рѣчи-Посполитой, и намъ съ нимъ удалось только чудомъ спастись вплавь. Рѣдко кто ушелъ или очень мало, потому что переправы очень близко одна возлѣ другой, да и густые лѣса окружаютъ это мѣсто».

Черезъ двѣ недѣли послѣ батожской битвы писали изъ Львова, что «изъ нѣсколькихъ тысячъ товарищей и сотня не спаслась». Самаго польнаго гетмана голова, воткнутая на пику татариномъ, была принесена въ подарокъ Хмельницкому, а гетманскій сынъ, молодой Калиновскій, подававшій большія надежды, спасаясь бѣгствомъ, свалился съ обломавшагося моста близъ села Бубновки

(должно быть на рѣкѣ Соби) и утонулъ; пять тысячъ плѣнныхъ поляковъ гетманъ Хмельницкій выкупилъ у татаръ. А обошлись ему, очевидно, плѣнники дорого, потому что за одного Марка Собѣсскаго, роднаго брата будущаго короля Яна III-го, онъ заплатилъ 30 тысячъ червонныхъ злотыхъ, и предалъ ихъ всѣхъ лютымъ казнямъ.

Отмстивъ полякамъ, Хмельницкій въ одно время хотѣлъ наказать и Лупула. «Татары и козаки, говорятъ тѣ же извѣстія изъ Львова, двинулись было въ Молдавію, но молдаване встрѣтили орду съ богатыми подарками, прося не вторгаться въ ихъ землю и не пустошить ее. Взявши подарки, орда перемѣнила свое рѣшеніе и не пошла въ Молдавію. Теперь Хмельницкій стоитъ на прежней стоянкѣ вмѣстѣ съ ордою. Замыселъ у него отдать Каменецъ турку, и уже силистрійскій паша двинулся къ Каменцу. Трое татаръ, пойманныхъ на «герцахъ», говорятъ тоже самое, что войско турецкое идетъ на насъ. При этомъ прибавляютъ, что хана надо ожидать тутъ черезъ двѣ недѣли, а здѣсь только Нуреддинъ-султанъ съ нѣсколькими десятками тысячъ татаръ».

Отсюда, дѣйствительно, Хмельницкій бросился къ Каменцу и, извѣщая Лупула о своей побѣдѣ надъ поляками на Батогѣ, еще разъ потребовалъ у него выдать дочь за сына своего Тимофея. Въ письмѣ къ нему онъ давалъ понять, что хотя сынъ его и незнатнаго происхожденія, но что гораздо лучше добиться званія самому, чѣмъ получить его отъ предковъ. «А впрочемъ», прибавлялъ онъ въ концѣ: «если вашей милости не угодно породниться со мной добровольно, то я заставлю силой». «Ожидавшій осады Каменецъ, по словамъ современника, очень обрадовался, когда разнесся слухъ, что Тимошъ поѣхалъ въ Молдавію жениться; тамъ думали, что женитьба сына отвлечетъ Хмельницкаго отъ осады города. Дѣйствительно, Тимошъ съ частію орды переправился чрезъ Днѣстръ на пять миль выше Каменца и Хотина. Поляки были убѣждены, что Каменецъ останется цѣлъ, такъ какъ сватовство Тимоша потребуетъ много времени и отвлечетъ Хмельницкаго отъ осады». «Сынъ Хмельницкаго, читаемъ въ другихъ извѣстіяхъ, предполагалъ играть свою свадьбу съ молдавской княжной въ прошлый вторникъ, на русскаго Петра и Павла. Послѣ этой свадьбы, говорятъ, онъ вернется съ небольшимъ отрядомъ войска на «переносины» въ

Чигиринъ. На свадьбѣ предполагаетъ быть самъ ханъ, и всѣ войска татарскія и козацкія къ тому времени должны стянуться на янчариху». Эти извѣстія только на половину не обманули осажденныхъ: послѣ нѣсколькихъ недѣль осады Каменца, Богданъ, долженъ былъ вернуться въ Украйну, куда, какъ ему донесли, вторгнулись поляки и гдѣ потому требовалось его личное присутствіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ пришло и для него пріятное извѣстіе изъ Молдавіи: тамъ бояры, узнавъ о грозномъ требованіи Хмельницкаго, заставили Лупула согласиться отдать дочь за Тимоша; въ противномъ случаѣ грозили выбрать другаго господаря, а его выдать Хмельницкому. Радъ не радъ— Лупулъ долженъ былъ согласиться и, посылая своего племянника въ Чигиринъ заложникомъ, писалъ Тимошу: «Беллина, богиня войны, не ходитъ въ дружкахъ. Неприлично тебѣ являться на свадебный пиръ съ такимъ множествомъ невѣжливыхъ кавалеровъ. Отпусти татаръ, оставь дома въ Украйнѣ безпокойныя козацкія купы, уговори батька не приближаться къ границамъ Молдавіи и пріѣзжай съ Богомъ въ сопровожденіи домашней свиты».

IV.

Влюбленный юноша просился у отца, чтобы его отправили къ невѣстѣ какъ можно скорѣе, торопилъ челядь, да правду сказать, и нечего было откладывать; сватовство и такъ тянулось больше трехъ лѣтъ. Препятствій больше не придвидѣлось никакихъ: согласіе отца невѣсты было, заложникъ тоже былъ, значитъ, лукавый волошинъ не могъ ничего дурнаго сдѣлать жениху.

Въ княжескомъ дворцѣ въ Яссахъ шли хлопотливыя приготовленія къ свадьбѣ. Домна Тодора, жена Василія Лупула, въ угоду жениху хотѣла устроить свадьбу по украинскимъ обычаямъ, а потому надо было многое приготовить, многому научиться и научить челядь. Къ свадебному пиру всѣ комнаты усыпаны были розмариномъ. Невѣста тоже размечталась о женихѣ: вѣроятно, слышала о его новыхъ подвигахъ на Батогѣ и приказывала пѣть козацкія думы и пѣсни, желая, быть можетъ, перенести подвиги героевъ этихъ думъ на своего суженаго. Народъ ликовалъ, что наконецъ грозившая опасность нашествія иноземцевъ прошла. Одинъ, кажется, Лупулъ сидѣлъ нахмурившись, горюя о несбывшихся надеждахъ.

Между тѣмъ женихъ въ обществѣ Выговскаго и Тетери, которыхъ отецъ его придалъ ему въ качествѣ менторовъ, и съ небольшимъ отрядомъ козаковъ приближался къ пограничному городу Ямполю, гдѣ его должно было встрѣтить молдавское посольство, чтобы сопровождать въ Яссы. Но дальше поведемъ разсказъ словами очевидца, хотя негодующаго противъ жениха и не щадящаго для него и его свиты черныхъ красокъ, но передающаго все дѣло съ полною обстоятельностію. «Случилось, восклицаетъ онъ, то, чего или самъ Богъ желалъ и что предопредѣлилъ отъ вѣка для возлюбленнаго дѣтища его милости господаря, или же—что неизбѣжный злой рокъ не хотѣлъ минуть этого дома; во всякомъ случаѣ, онъ не могъ избѣжать своей горькой судьбы послѣ пораженія поляковъ на Батогѣ и осады Каменца. Послѣ долгихъ переговоровъ по поводу этого брака, обѣ стороны подошли къ Днѣстру 18-го августа. Для привѣтствія Тимоша, остановившагося въ Ямполѣ, его милость господарь, какъ человѣкъ мудрый, выслалъ къ Сорокамъ великаго дворника, Тому, съ небольшимъ отрядомъ войска; съ нимъ же отправилъ карету съ шестью лошадьми, а также всевозможные припасы и приказалъ приготовить винъ и медовъ, чтобы угостить Тимоша въ Сорокахъ, какъ сына; оттуда Тома долженъ былъ служить проводникомъ ему въ Яссы. Что же дѣлалъ Тимошъ? Онъ послалъ къ дворнику въ Сороки, приглашая его къ себѣ въ Ямполь; а когда дворникъ, не желая противиться его волѣ, переправился на другую сторону Днѣстра, то Тимошъ задержалъ его, опасаясь измѣны, и, мало того, сейчасъ написалъ къ его милости господарю, чтобы онъ прислалъ своего брата въ качествѣ заложника. И на это долженъ былъ согласиться его милость господарь съ пасмурнымъ лицемъ. Лишь только гетманъ прибылъ въ Ямполь, какъ Тимошъ съ своимъ войскомъ сталъ переправляться на волошскій берегъ Днѣстра. Это было во вторникъ 26-го августа. Въ среду онъ ночевалъ въ Бѣльцахъ (уѣзд. городъ ясскаго уѣзда, бесс. губ.), въ четвергъ надъ Прутомъ въ Каушанахъ (деревня въ ясскомъ уѣздѣ), а въ пятницу около полудня подъѣзжалъ къ Яссамъ. Для привѣтствія нежеланнаго сына выѣхалъ и его милость господарь съ боярами и восемью тысячами войска; при немъ были шесть паюковъ, одѣтыхъ красиво по турецки, и кавалькада изъ 8-ми осѣдланныхъ лошадей. Словомъ, ѣхалъ, какъ монархъ, ве-

личіе котораго довольно достойно описать не могу. Съѣзжая въ долину на встрѣчу Тимошу, шедшему съ тремя тысячами запорожскаго войска, какъ говорятъ, отборнѣйшаго, однакожъ, ужасно оборваннаго, въ четверти мили отъ него, войско его милости господаря выстроилось по обѣимъ сторонамъ дороги. Спускаясь подъ гору съ своимъ войскомъ, Тимошъ гетманичъ нѣсколько испугался и приказалъ играть, какъ передъ сраженіемъ, войсковой музыкѣ. Съѣхавшись, его милость господарь и Тимошъ сошли съ лошадей и поздоровались. Тимошъ обнялъ его милость, какъ отца, а его милость поцѣловалъ его, какъ сына. Его милость господарь сказалъ ему нѣсколько словъ привѣтствія, радуясь его пріѣзду, а тотъ хоть бы слово проронилъ: стоялъ, какъ столбъ, и кусалъ себѣ губы. Выговскій отвѣчалъ за него. Кавалькада Тимоша состояла изъ 9-ти лошадей не видныхъ, да и тощихъ; правда, на двухъ сѣдла были очень дорогія; одно густо осыпано жемчугомъ, а другое богато вышито золотомъ. Самъ Тимошъ—человѣкъ еще молодой, съ лицемъ, изрытымъ оспой, большаго росту, великій дурень, одѣтъ былъ въ атласный кармазиновый жупанъ и бархатную, подбитую соболями, ферезію, но какъ бы съ чужаго плеча. Имѣлъ онъ еще два рыдвана, каждый въ шесть лошадей, возъ со скарбомъ, да мѣшковъ до 400 съ солью, которой они набрали, кажется, для торговли. Нѣкоторые полковники были на хорошихъ лошадяхъ; всѣ въ польскихъ костюмахъ, въ серебрѣ, но такихъ было не много, большая же часть голота. Въ городъ Тимошъ ѣхалъ бокъ о бокъ съ его милостію господаремъ; при въѣздѣ ихъ стали стрѣлять изъ пушекъ и заиграла военная, а также турецкая и цыганская музыка. Его милость господарь ввелъ Тимоша въ богато убранные покои, гдѣ представилъ ему своего сына Стефана и много говорилъ, выражая радость и удовольствіе по поводу его пріѣзда. Тимошъ по прежнему молчалъ, Выговскій опять отвѣчалъ за него. Между тѣмъ въ комнатѣ невѣсты боярышни стали сейчасъ танцовать, а цыгане рѣзали усердно на своихъ сербахъ. Его милость господарь ушелъ въ другія комнаты, предлагая жениху тоже отдохнуть послѣ такого труднаго путешествія и умыться отъ дорожной пыли; услуживать ему назначилъ своихъ придворныхъ. Съ нимъ осталась и его ассистенція (свита), какъ-то: Выговскій, Тетеря и не мало другихъ его приближенныхъ; тутъ же стояли нѣкоторые

волошскіе бояры, но онъ, повернувшись къ нимъ задомъ (только прошу veniam—извиненія), сталъ обрѣзывать себѣ ногти. Полковникамъ, есауламъ и сотникамъ назначили въ городѣ приличныя квартиры и каждому дали все необходимое, а подъ виноградниками стоялъ козацкій таборъ, причинившій не мало убытку ясскимъ жителямъ. Жиды и не показывались, потому что приходилось откупаться дорогой цѣной, если попадались въ козацкія руки. Потомъ наѣхали и жены козацкія; имъ тоже дали квартиры и все необходимое. Между тѣмъ во дворцѣ уже приготовили обѣдъ, къ которому его милость господарь пригласилъ Тимоша; но тотъ медлилъ, такъ что его милости пришлось долго ожидать. Наконецъ, онъ пришелъ къ обѣду, переодѣвшись въ другое, польское платье. Его милость усадилъ Тимоша подлѣ себя. Стали ѣсть, пить за здоровье и стрѣлять изъ пушекъ, а Тимошъ, по прежнему, ни *бе*, ни *ме*, что ужасно обижало его милость господаря. Играла турецкая и волошская музыка, а турки выдѣлывали всякіе фокусы до самой ночи. Въ субботу утромъ Тимошъ приготовлялся къ браку и не былъ на обѣдѣ. Всѣ боярыни и боярышни, богато одѣтыя, танцовали въ замкѣ, а Тимошъ, покуривая въ окнѣ дымный табачище, въ присутствіи всѣхъ, присматривался къ волошскимъ танцамъ. Въ воскресенье молодежь и волошскія боярыни тоже танцовали; затѣмъ ихъ милости свою гордую Роксанду, возлюбленное свое дѣтище, отдали съ великою печалью, Богъ знаетъ кому, неотесанному, нѣмому мужику. Тимошъ ѣхалъ въ церковь на своемъ турецкомъ конѣ подъ китой въ дорогомъ платьѣ, которое подарилъ ему его милость господарь. Два паюки шли подлѣ него; бояре тоже провожали его, какъ что-нибудь путное. Тимошъ вернулся изъ церкви въ замокъ франтомъ, веселый, обнявши невѣсту. Собралось много народу; стрѣляли изъ пушекъ, пѣли; дочь его милости заливалась слезами, а прежде бывало нетерпѣливо выглядывала жениха и приказывала пѣть козацкія пѣсни. Потомъ сѣли за столъ. Послали за козачками, но ихъ не застали на квартирахъ, потому что всѣ онѣ угощались горѣлкой въ «карвасерахъ» (предмѣстье въ турецкихъ городахъ, гдѣ обыкновенно находились кабаки и жилъ чернорабочій народъ). Привезли ихъ въ замокъ, какъ какія-нибудь страшилища; все это были родственницы Хмельницкаго, очень безобразныя, въ жидовскихъ «гермакахъ», подбитыхъ,

однакожъ, соболями, съ большими воротниками; онѣ хотѣли, чтобы ихъ наряды соотвѣтствовали волошскимъ. Много о нихъ слѣдовало бы писать, но стыдъ удерживаетъ меня. Всѣхъ этихъ женщинъ угощала ея милость господарыня въ другихъ комнатахъ, а его милость господарь поминутно просилъ своего зятя Тимоша ѣсть, пить и веселиться. Только теперь, наконецъ, нагнувшись къ Котнарскому, онъ тихо проговорилъ: «спасыби дуже его милости господарови: есть всего досыть. Чого жъ билыше треба»! Далъ таки Богъ услышать отъ него хоть слово! Опять заиграла турецкая музыка; стали стрѣлять изъ гарматъ и пить за здоровье Хмельницкаго и за счастье новобрачныхъ. Тимошъ послалъ за своей музыкой: органистомъ, тремя скрипачами и пузанистомъ, и только теперь немного разошелся. Музыканты стали играть ему по польски, а онъ приказалъ своимъ козакамъ «идти въ танецъ». Тѣ, какъ скотъ, повалили въ комнаты. Пили за полночь, но козачекъ еще довольно рано учтиво отвели на квартиры, потому, что когда боярыни сказали имъ что-то непріятное, одна козачка, большая воструха, по имени Галька Карпыха, при княгинѣ отвѣтила: «чи це на смихъ мы до васъ прыихали? Коли вы пышнищи видъ насъ, чому жъ дочку свою за козака виддаете»? Спускаясь потомъ по лѣстницѣ, она свалилась не только отъ своей толстоты, но и потому, что пьяна была; едва ее довели до кареты. Другія козачки, однакожъ, держались на ногахъ, и всякій разъ, какъ отвозили ихъ на квартиры, возницы и логофеты его милости господаря получали отъ нихъ въ подарокъ орѣхи. Послѣ свадебнаго пира новобрачный, вставши изъза стола, отправился въ покои, отведенные для него и его жены, и два дня къ ряду не выходилъ оттуда. Въ среду выѣхалъ въ поле на прогулку. Въ четвергъ обѣдали въ покояхъ его милости господаря. На обѣдѣ присутствовали ихъ милости господарь и господарыня, гордая Роксанда и Тимошъ, а также бояры и боярыни; изъ постороннихъ мало кто былъ допущенъ; за столомъ ихъ милостямъ прислуживали камеръ-юнферы. Послѣ обѣда Тимошъ рѣшился уже самъ танцовать съ своей женой; при этомъ ему служили Выговскій и Тетеря. За такой трудъ его милость господарь подарилъ зятю штуку парчи, но послѣдній не съумѣлъ даже и поклониться. Того же дня рано Тимошъ дѣлалъ подарки его милости господарю и знатнѣйшимъ боярамъ. Его милости подарилъ сорокъ соболей,

своей женѣ адамашковую соболевую шубку, а боярамъ каждому по сто талеровъ левковыхъ. На такіе дары нѣкоторые гордые бояры не обратили почти вниманія. Въ свою очередь его милость подарилъ Хмельницкому четырехъ лошадей: двухъ турецкихъ съ сѣдлами и двухъ волошскихъ аргамаковъ. Посолъ господаря мультанскаго (валашскаго) тоже подарилъ ему коня съ сѣдломъ, а женѣ его коверъ и штуку парчи; другихъ пословъ не было. Его милость господарь далъ приданаго за дочерью 20 тысячъ талеровъ, кромѣ платья; сверхъ того, ей, какъ любимой дочери, еще особо подарилъ двѣ тысячи червонныхъ злотыхъ, карету и много возовъ со скарбомъ. Выговскій получилъ въ подарокъ 20 локтей атласу, 10 локтей бархату, рысій мѣхъ на шубу и 150 талеровъ левковыхъ. Другимъ изъ свиты Тимоша, есауламъ, сотникамъ, тоже дарили деньги, да тѣ безъ стыда сами домогались подарковъ. Въ пятницу 6-го сентября выѣхалъ Тимошъ изъ Яссъ. Его милость господарь провожалъ его до того мѣста, гдѣ встрѣтилъ его при въѣздѣ; провожали молодыхъ и ея милость господарыня съ боярынями. Сошли съ лошадей и стали прощаться. Прощаясь, его милость господарь долго разговаривалъ съ своимъ зятемъ; въ это время Роксанда, обливаясь слезами, обнимала мать, наконецъ, подошла къ отцу попрощаться. Его милость поцѣловалъ зятя, принимая веселый видъ, но на сердцѣ у него была печаль, едва дававшая ему возможность говорить; прощались также бояры и боярыни. Еще его милость стоялъ съ открытой головой, а Тимошъ уже сѣлъ на коня и, надѣвши шапку, уѣхалъ. Сбывши такого гостя, его милость господарь поѣхалъ обратно въ городъ».

V.

Тимошъ на своей свадьбѣ былъ однакожъ больше разговорчивъ, чѣмъ представляетъ его авторъ вышеприведеннаго разсказа. По другимъ свѣдѣніямъ, во время свадьбы въ княжескомъ дворцѣ часто сибирались на семейныя совѣщанія и на нихъ Тимошъ игралъ не послѣднюю роль. Бесѣды имѣли политическій характеръ; въ одной изъ нихъ Лупулъ сталъ уговаривать своего зятя относиться къ полякамъ миролюбивѣе. Тимошъ отвѣтилъ ему рѣзко на это: «поки ця шабля у мого боку, не перестану іи тупити на ляхахъ». Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ проглянули завѣтныя мечты

Хмельницкихъ—отца и сына, которыя они связывали съ устроившимся теперь бракомъ. Тимошъ сталъ дѣлать прозрачные намеки, что самъ желалъ бы стать господаремъ земли молдавской, а Лупула утѣшалъ тѣмъ, что съ батькомъ они достаточно вліятельны въ Стамбулѣ, чтобы выхлопотать или, наконецъ, купить валашское княжество. «Еще и Ракоцци достанется»! прибавилъ Тимошъ въ концѣ бесѣды. Опечалили Лупула такія рѣчи зятя, и онъ сейчасъ по отъѣздѣ Тимоша въ Украйну сталъ хлопотать въ Константинополѣ о валашскомъ господарствѣ, рѣшивъ въ крайнемъ случаѣ уступить молдавское зятю. Не знаю, чѣмъ бы эти хлопоты кончились, еслибъ ихъ не предупредили событія, которыя не дали самому Лупулу удержаться на молдавскомъ господарствѣ.

На свадебныхъ семейныхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ логофетъ, первый сановникъ княжества, самое довѣреніое лицо Лупула, Стефанъ Бурдуцъ (толстый, или Георгица, какъ называютъ его другіе). Онъ слышалъ всѣ планы и предположенія новыхъ родственниковъ и проболтался о нихъ предъ своей женой, которая была по происхожденію валашка и состояла въ близкомъ родствѣ съ Матвѣемъ Бессарабомъ. Понятно, что жена логофета не замедлила сообщить послѣднему полученныя ею отъ мужа свѣдѣнія. Матвѣй Бессарабъ, слыша объ угрозахъ Тимоша Ракоцци, котораго желалъ имѣть давно союзникомъ противъ Лупула, сообщилъ о семъ трансильванскому князю, предлагая ему заключить наступательный и оборонительный союзъ противъ Лупула и его зятя. Пошли дѣятельные переговоры. Новые союзники разожгли честолюбіе молдавскаго логофета обѣщаніемъ посадить его на мѣсто Лупула. Новый тріумвиратъ сталъ подготовлять почву къ осуществленію своихъ плановъ.

Пока все это происходило, въ Украйнѣ «барзо примерки великіе были въ Корсунѣ и по инныхъ городахъ въ тихъ повѣтахъ, также и на Заднѣпрю, въ Переясловлю и въ пригородкахъ его, въ Носовцѣ, въ Прилуцѣ, опрочъ Нѣжина, много вымерло людей, же пусты зостали дворѣ». Страхъ заразы заставилъ Тимоша, спустя нѣсколько недѣль послѣ своей свадьбы, искать убѣжища у своего тестя, и потому онъ просилъ Лупула позволить имъ переѣхать въ Яссы съ женой на то время, пока въ Украйнѣ свирѣпствуетъ чума. Лупулъ, скрѣпя сердце, пригласилъ зятя съ дочерью; но, кажется, былъ убѣжденъ, что у Тимоша это только предлогъ,

а умыселъ у него другой, и сталъ еще настойчивѣе хлопотать въ Стамбулѣ о валашскомъ господарствѣ. Между тѣмъ и супружеская жизнь молодыхъ, кажется, не ладилась; спустя два мѣсяца послѣ ихъ свадьбы, разнеслись слухи, что они живутъ очень немирно, и слухи эти такъ далеко распространились, что Шайноха нашелъ ихъ даже въ французской газетѣ (Gazette de France 1652 г. 15 ноября): «сынъ генерала Хмельницкаго Тимошъ уже два раза билъ свою молодую жену, дочь волошскаго князя, попрекая ее за дурное поведеніе съ великимъ визиремъ, еще въ то время, когда была заложницей въ серали и хотѣла при его помощи добиться свободы. Но отецъ молодаго Хмельницкаго, желая сохранить хорошія отношенія съ отцомъ невѣстки, удерживаетъ сына отъ дурного обращенія съ женой».

Не сидѣли, сложа руки, Бессарабъ и Ракоцци: они поспѣшили въ Стамбулъ и очернили Лупула предъ турецкимъ диваномъ. Хлопоты ихъ увѣнчались успѣхомъ, султанъ далъ разрѣшеніе союзникамъ низложить молдавскаго господаря. Въ то время, какъ въ Константинополѣ велась интрига противъ Лупула, въ Яссахъ Стефанъ логофетъ собиралъ недовольныхъ бояръ и подготовлялъ возстаніе при ихъ помощи. И когда въ Яссахъ умы были достаточно подготовлены, ожидая только сигнала къ возстанію, тогда 15 тысячъ трансильванцевъ, подъ начальствомъ Януша Кимени, вторглись съ одного конца Молдавіи, а гетманъ Дика съ волохами съ другого. Въ вербное воскресенье 6-го апрѣля 1653 г. оба союзныя войска внезапно напали на Яссы. Лупулъ въ ужасѣ убѣжалъ съ семействомъ изъ своей столицы въ Каменецъ и укрылся за его крѣпкими стѣнами, а въ Яссахъ побѣдители провозгласили господаремъ земли молдавской Стефана Бурдуца или Георгицу.

Лупулъ, очнувшись послѣ перваго страха, рѣшилъ, что его дѣла не такъ плохо стоятъ, какъ ему казалось, и поспѣшилъ изъ Каменца въ Украйну къ своему свату просить помощи. Тамъ ему хоть и не отказали въ ней, но онъ еще хотѣлъ испробовать легальныя средства, и поѣхалъ въ Стамбулъ, заручившись протекціей Хмельницкаго. Новоизбранный молдавскій господарь тоже явился въ Константинополь за хоругвію и утвержденіемъ въ своемъ достоинствѣ. Дивань блистательной Порты, въ виду двухъ претендентовъ на молдавское господарство, представлялъ настоящую аукціон-

ную камеру. Новый господарь подкупалъ всѣхъ турецкихъ сановниковъ и обѣщалъ Портѣ тройной гарачъ; Лупулъ тоже не скупился на подкупы, просьбы и посулы въ будущемъ и предложилъ отъ имени Хмельницкаго подчиненіе Украйны и сдачу Каменца туркамъ. Порта, въ виду столькихъ предложеній, не знала, что и дѣлать: одно было хорошо, но другое еще лучше, и она, ничего не сдѣлавъ, ограничилась только тѣмъ, что запретила Ракоцци вмѣшиваться въ чужую распрю, а Лупула обѣщала помирить съ Бессарабомъ. Вѣроятно, въ одно время съ Лупуломъ бѣжалъ изъ Яссъ и Тимошъ, только не въ Каменецъ, а въ Украйну, къ отцу, и сталъ дѣятельно приготовляться къ походу въ Молдавію, чтобы возвратить власть тестю. Послѣ Пасхи 1653 года «Богданъ выправилъ на помощь въ двѣнадцать тысячъ добрыхъ козаковъ (но въ отрядѣ были левенцы, карпатскіе горцы и татары) свату своему, господарю волошскому, Тимоша, сына своего, зъ Богуномъ полковникомъ, который, по отшествіи уже съ Яссъ логафетовомъ, туда прибувши и президіумъ (венгерскую пѣхоту), отъ логофета въ нихъ зоставленное, вирубавши, возвратилъ знову съ Каменца въ Яси на господарство волошское изгнаннаго отголь логофетомъ тестя своего». Вѣроятно, во время похода Тимоша въ Молдавію, Лупулъ уже возвратился изъ Константинополя въ Каменецъ, чтобы терпѣливо дожидаться мирнаго исхода своего дѣла, обѣщаннаго ему Турціей, но его зять, не дожидаясь результатовъ поѣздки тестя въ Константинополь, очистилъ ему дорогу въ Яссы, такъ что Лупулъ уже въ Каменцѣ получилъ извѣстіе, что власть возвращена ему, и, принявъ ее изъ рукъ Тимоша, не дожидаясь ни разрѣшенія Порты, ни примиренія съ своими врагами, по необходимости долженъ былъ слѣдозать и дальше за Тимошемъ, т. е. изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное. Пока Лупулъ возвращался изъ Каменца, Тимошъ, очистивъ Яссы отъ непріятеля, погнался за Кимени и, разбивъ его при деревнѣ Поприканахъ, заставилъ бѣжать въ Трансильванію. Послѣ такой блистательной удачи Тимошъ, не видя больше передъ собою враговъ и считая себя непобѣдимымъ, сталъ уговаривать тестя искать врага въ его собственной землѣ. Положеніе тестя было таково, что ему не оставалось ничего больше, какъ дать согласіе на это. Соединенныя молдавско-козацкія силы вторглись въ Валахію. Сначала дѣла ихъ

пошли хорошо, потому что, по словамъ г. Накко, они разбили Дику у Фокшанъ и направились къ Тырговицамъ. По дорогѣ снова разбили валаховъ при Шаплѣ. Тимошъ предавалъ все огню и мечу, не щадя даже и церквей, а козаковъ, не рѣшавшихся жечь храмы, убивалъ собственноручно. Но при рѣчкѣ Яловцѣ (Тележинѣ, а Накко говоритъ на рѣкѣ Галбинѣ при Флинтѣ) 17-го мая 1653 г. самъ Матвѣй Бессарабъ вышелъ имъ на встрѣчу, имѣя съ собой Януша Кимени съ венгерцами, и далъ имъ рѣшительную битву. Сначала фортуна отнеслась благосклонно къ нашему герою, но страшная буря въ лицо козакамъ и молдаванамъ повернула успѣхъ въ пользу Бессараба. Лупулъ, кажется, первый бѣжалъ съ поля сраженія и остановился только въ Галацѣ; за нимъ разбѣжались его молдаване, потомъ бѣжали Носачъ и Пушкаренко; Грицько съ частію левенцовъ палъ въ сѣчи, а остатки его отряда были изрублены по приказанію валашскаго генерала Андроника. «Тимошъ, по словамъ лѣтописца, герхнувши, заледво зъ меньшимъ числомъ того (войска) собрался и до Чигрина прибылъ зъ Богуномъ». А польскій современникъ прибавляетъ: «погнался было за нимъ Кондрацкій, но травленный заяцъ Тимошка пробрался на Украйну тропинками». Послѣ пораженія Тимоша и Лупула Стефанъ Георгица возвратился снова въ Яссы, а жена Лупула съ остатками богатства заперлась въ сильно укрѣпленномъ тогда замкѣ—Сочавѣ.

Вторженіе Тимоша въ Валахію произвело самое дурное впечатлѣніе на сосѣдей; даже Богданъ Хмельницкій чувствовалъ неловкость своего положенія, и въ письмѣ къ королю, не умѣя оправдать поведенія сына, отвергалъ самый фактъ вторженія его въ Валахію. «Видя низложеніе его милости господаря, мы двинулись было къ волошской границѣ, но, увидѣвши, что тамъ все успокоилось, мы, не сдѣлавъ никакого вреда въ владѣніяхъ вашего величества, возвратились назадъ и ожидаемъ на милостивую декларацію вашего величества и Рѣчи Посполитой»! Смѣлый поступокъ Тимоша обезпокоилъ даже Турцію, и по этому поводу визирь Аземъ-Магометъ писалъ къ Хмельницкому, требуя, чтобы онъ «своихъ ратныхъ людей держалъ въ уйму и въ господарство его государя входить не велѣлъ и о томъ учинилъ крѣпкій заказъ, а сына своего взялъ бы къ себѣ».

Послѣ пораженія Тимоша союзныя войска венгерцевъ, молдаванъ и валаховъ повернули къ Сочавѣ, древней столицѣ молдавскаго княжества; они рѣшили осадить эту крѣпость, чтобы принудить жену Василія Лупула выдать свои богатства. Должно быть, у Домны Тодоры было еще много состоянія, хотя она ушла въ Сочаву только съ остатками богатствъ Лупула. Современники говорятъ, что у него было до шести милліоновъ, не считая того, что онъ закопалъ въ боченкахъ въ землю и что Роксанда успѣла взять съ собой; притомъ у него были большія суммы въ банкахъ Венеціи, Константинополя и Данцига. Но Тимошъ предупредилъ союзниковъ, подоспѣвъ на помощь къ своей тещѣ съ восемью тысячами козаковъ и, запершись съ ней въ Сочавѣ, привелъ крѣпость въ оборонительное положеніе. Хотя сочавскій замокъ для своего времени былъ почти неприступнымъ и имѣлъ значительный гарнизонъ, но положеніе осажденныхъ было трудно. Съ самаго начала союзная армія въ числѣ 20 тысячъ окружила замокъ желѣзнымъ кольцомъ, лишивъ такимъ образомъ городъ возможности пользоваться подвозомъ съѣстныхъ припасовъ и фуража; потомъ силы осаждающихъ еще увеличились приходомъ пятитысячнаго польскаго отряда подъ командой Кондрацкаго. Правда, замокъ былъ достаточно крѣпокъ и у осажденныхъ было довольно храбрости. Будь малѣйшая надежда на помощь извнѣ, Тимошъ могъ бы продержаться и даже отбить осаду; но такой помощи ни откуда нельзя было ожидать, потому что самъ король польскій сталъ лагеремъ у Каменца, чтобы не допустить Богдана Хмельницкаго подать помощь сыну. Можетъ быть, Богданъ и не обратилъ-бы вниманія на это препятствіе, еслибъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы помочь своему первенцу; но это было послѣ постигшей его неудачи въ борьбѣ съ поляками; татары его оставили, а свои козаки протестовали противъ новаго похода въ Молдавію, такъ какъ надо было напречь всѣ силы противъ Польши для поправленія проиграннаго дѣла. «Напрасно, говоритъ современникъ, Лупулъ хлопоталъ въ Чигринѣ у стараго Хмельницкаго о помощи; гетманъ пилъ безъ просыпу цѣлую недѣлю, и говорить съ нимъ о дѣлѣ въ это время не было никакой возможности. Только на восьмой день замѣтилъ онъ господаря и, подавая ему чарку, сказалъ: «ото, брате, найлучша потиха въ смутку».

Не смотря на такой отчаянный отвѣтъ Лупулу, Хмельницкій все таки разослалъ универсалы козакамъ, чтобы они собирались въ Чигиринъ для похода въ Молдавію, а Лупулъ въ то время велъ переговоры, не безъ успѣха, съ бѣлогородской ордой о помощи и поселившись въ Рашковѣ, сталъ вербовать охотниковъ для будущаго похода въ Молдавію. Въ то время, какъ въ Украйнѣ собирали помощь осажденной Сочавѣ, осажденные стали чувствовать недостатокъ. «Въ Сочавѣ, говоритъ современникъ, Тимошка крѣпко окопался и продолжаетъ окапываться; у нихъ отвели воду, а ихъ все таки трудно добыть. Голодъ и вонь у нихъ ужасные; имѣютъ они много лошадей и воловъ, а кормить ихъ нечѣмъ, и скотъ издыхаетъ. Выслалъ было Тимошка пять тысячъ козаковъ достать корму для лошадей и скота: но вылазка не удалась, козацкій отрядъ не могъ пробиться; много убилъ онъ людей въ отрядѣ венгровъ и Кондрацкаго, захватилъ двѣ пушки, но при возвращеніи въ крѣпость пушки бросилъ и понесъ большой уронъ въ людяхъ».

Дѣйствительно положеніе осажденныхъ становилось очень труднымъ; многіе изъ гарнизона уходили къ осаждающимъ. Весь гарнизонъ падалъ духомъ; одна Домна Тодора, жена Василія Лупула, поддерживала мужество и бодрость осажденныхъ. «Она, говорятъ современные лѣтописцы, козаковъ задобряла деньгами, волоховъ поощряла обѣщаніями, словомъ: всѣхъ своею смѣлостію подбодряла, даже съѣстные припасы сама лично дѣлила и воду мѣрой раздавала. А когда не стало пороху, выставила всю посуду для приготовленія его; Тимошку обязывала бражничать съ козаками и побуждать ихъ къ неустанной оборонѣ, но на всѣ мирныя предложенія союзниковъ отвѣчала отказомъ».

Наконецъ въ лагерь осаждающихъ прибылъ давній соперникъ Тимоша, Дмитрій Вишневецкій. Узнавъ отъ бѣжавшихъ изъ Сочавы трехъ поляковъ, спасенныхъ нѣкогда Тимошемъ отъ смерти, гдѣ находился его соперникъ, онъ приказалъ навести въ это мѣсто «колюбрину» (родъ пушки). Выстрѣлъ оказался роковымъ: пушку разорвало и ея осколкомъ оторвало ногу у Тимоша. Раненнаго, въ безчувственномъ состояніи, подхватили козаки и долго трясли, желая привести въ чувство; но это ни къ чему ни при-

вело. Тимошъ прожилъ еще четыре дня въ страшныхъ мученіяхъ, у него развился антоновъ огонь, и онъ умеръ.

Постреляный, порубаный,
На раны смертельни знемаганый.
У головкахъ сивый кинь стоить,
А въ ниженькахъ слуга сидить,
А въ рученькахъ свича горить.

Теща долго скрывала смерть Тимоша; тѣло его въ гробѣ, покрытомъ двумя коврами, временно было поставлено въ лавкѣ. 9-го октября Сочава сдалась. Козакамъ позволено выйти съ оружіемъ и взять съ собою тѣло своего предводителя. Неустрашимая жена Лупула попала въ плѣнъ; за ней строго наблюдали, чтобы она не переписывалась съ друзьями и Константинополемъ; потомъ перевезли ее въ Трансильванію и тамъ держали въ какой-то глухой деревнѣ, впослѣдствіи-же и совсѣмъ о ней забыли. Новый господарь Молдавіи, Георгица, не желая имѣть соперника въ сынѣ Лупула, ошельмовалъ его, т. е. распоролъ ему носъ и обрѣзалъ уши. Старикъ Лупулъ успѣлъ было уговорить крымскаго хана идти на помощь Сочавѣ, обѣщая ему свои богатства; но лишь только ханъ тронулся въ походъ, какъ на пути явился къ нему посланникъ новаго молдавскаго господаря съ извѣстіемъ, что Сочава взята. Хану не трудно было сообразить, что и сокровища Лупула, на которыя онъ могъ разсчитывать, были въ рукахъ у новаго господаря; къ тому-же послѣдній преподнесъ и отъ себя богатые дары. Благоразумный обладатель Крыма счелъ за лучшее возвратиться во свояси, а бывшаго съ нимъ Лупула отправилъ въ Константинополь. Лупулъ попалъ въ Единкуль, откуда заключенные не возвращаются на свѣтъ Божій.

Впрочемъ, нѣкоторые молдавскіе историки говорятъ, что Лупулъ и послѣ всѣхъ этихъ несчастій своихъ долго еще жилъ и умеръ хотя въ крайней бѣдности, но на свободѣ.

Козаки съ тѣломъ Тимоша потянулись въ Украину. Но, вблизи Днѣстра, имъ заступилъ дорогу Могильницкій съ отрядомъ поляковъ. Завязалась отчаянная схватка. Козаки смяли польскій отрядъ и даже самого Могильницкаго взяли въ плѣнъ.

Печальная вѣсть о смерти Тимоша быстро разнеслась по Украйнѣ. Ломала руки въ отчаяніи молодая жена, заливаясь горючими слезами. Не такъ думала она встрѣтить милаго. Отчаяніе ея еще усугублялось, когда она глядѣла на двухъ своихъ малютокъ близнецовъ, которые лишились отца, прежде чѣмъ его увидѣли. Старый Богданъ былъ тоже неутѣшенъ, потерявъ въ сынѣ главную свою надежду; но его скорбь нѣсколько утихала при мысли, что любимый сынъ его не достался въ руки врагу и умеръ козакомъ.

22-го октября печальный кортежъ подъ предводительствомъ наказнаго кіевскаго полковника подходилъ къ Чигрину; на встрѣчу ему вышло духовенство въ полномъ облаченіи, съ образами и хоругвями. За нимъ слѣдовала семья гетмана, кромѣ Роксанды, которая встрѣтила процессію только въ Субботовѣ. Когда вносили тѣло въ чигиринскій соборъ, на всѣхъ колокольняхъ зазвонили уныло въ колокола.

Въ семипьядни пищали гримали,
У суремки жалибно выхваляли:
То ще добре козацька голова знала,
Що безъ війска козацького не вмирала!

А съ крѣпостныхъ валовъ въ честь покойнаго раздавались гарматные выстрѣлы. Батько Богданъ былъ далеко отъ Чигрина; онъ прислалъ распоряженіе, чтобъ тѣло убитаго сына оставалось въ церкви до его пріѣзда, такъ что только 27 декабря Тимоша похоронили въ Субботовѣ въ церкви, построенной Богданомъ.

Злая судьба преслѣдовала Тимоша и послѣ смерти: разоряя Субботовъ, Чарнецкій выбросилъ его кости изъ гроба.

А ляхи зъ своимъ Чарнецькимъ,
Зъ поганымъ Степаномъ,
Запалили церкву Божу,
И кости Богдана
И Тимошеви въ Субботови
Гарненько спалили.

Что же сталось съ вдовою гетманича, такъ много уже переиспытавшею въ тотъ бурный вѣкъ въ своей молодой жизни? Утѣшилась ли она въ своемъ горѣ? Полюбила ли новую свою отчизну,

родину преждевременно погибшаго своего мужа? И наши и польскіе историки не сохранили объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Знаемъ только, что по смерти Тимоша Богданъ Хмельницкій далъ своей невѣсткѣ во владѣніе м. Рашковъ надъ Днѣстромъ, гдѣ она и поселилась; но долго ли и какъ она тамъ жила и что испытывала по смерти стараго гетмана, неизвѣстно. Накко разсказываетъ, что въ 1659 г. вступилъ на молдавское господарство сынъ Василія Лупула Стефанъ и что первымъ дѣломъ его было послать войско за своею сестрою въ Рашковъ. Но козаки отбили молдаванъ отъ Рашкова и вслѣдъ за ними вторглись въ Бессарабію, вмѣстѣ съ Константиномъ Бессарабомъ, и отъ Сорокъ направились прямо въ Яссы. Стефанъ Лупулъ вышелъ имъ на встрѣчу и расположился у с. Колчекъ, на Прутѣ.

Отсюда онъ послалъ авангардъ своего войска къ р. Реуту, но козаки разбили его, и, узнавъ о мѣстѣ расположенія воеводы, пошли ему на перерѣзъ къ с. Загаранчѣ. Тогда Стефанъ отступилъ черезъ Яссы къ Томештамъ и, тѣснимый непріятелемъ, направился далѣе въ Буденакъ. Тамъ онъ подкрѣпился 3,000 татаръ и, вернувшись въ Яссы, изгналъ изъ него Константина Бессараба, заставивъ его удалиться за Днѣстръ вмѣстѣ съ козаками. Тѣмъ не менѣе Роксанда оставила злополучную Украйну и переселилась подъ покровительство своего брата въ его господарство.

Послѣдній печальный конецъ Роксанды такъ описываетъ Величко: «Домна на свои отчистіи добра зъ Украины, въ огнѣ военномъ тогда пылавшой, для тишины и покою въ землю Волошскую отъѣхавши, въ нихъ, яко достатная и богатая пани вдовствующая, господствовала ажъ до смерти своей, якая нечаянно постигнула ей отъ рукъ нестатковъ а гультяевъ козацкихъ, которіи, поворочаючи подобно зъ нѣякихсь затяговъ военныхъ, набрели въ Волощинѣ Домну въ нѣякойсь ей маетности, и тамъ на домъ ей разбойническо нападши, прочихъ скарбовъ схованихъ допитовалися Домни мученіемъ и тиранствомъ. Лечь она, будучи мужественною невѣстою, отповидѣла козакамъ такъ: лучше хощу, да владѣетъ земля бездушная, нежели вы, одушевленніе враги мои, скарбами моими,— при якихъ словахъ скончено, абіе скончала и животъ свой Домна Тимошиха».

Только и всего о молодомъ супружествѣ!

Роксанда оставила вещественный знакъ своего пребыванія въ Украйнѣ. Покойный Костомаровъ во время поѣздки въ Бѣлую-Церковь видѣлъ въ одной изъ томошнихъ церквей на иконѣ привѣску чистаго золота, густо усаженную драгоцѣнными камнями. Церковными записями удостовѣрено, что это было ожерелье жены Тимоша, а преданіе поясняетъ, что оно случайно досталось Семену Палію, который, построивши церковь Спаса въ Бѣлой-Церкви, принесъ ей въ даръ это ожерелье. Въ уцѣлѣвшемъ придѣлѣ этой церкви оно хранится и доселѣ. Точный снимокъ съ него при семъ прилагается.

Тимошъ также оставилъ память по себѣ въ Молдавіи: онъ, по словамъ Палаузова, построилъ церковь въ Яссахъ, которая и теперь извѣстна тамъ подъ именемъ «Фурмосъ» (Красивая) [1]).

Сергѣй Венгрженовскій.

[1]) Источники: Богданъ Хмельницкій, Н. Костомарова; Исторія Малой Россіи, ч. I, Маркевича; Лѣтопись Самуила Величка; Лѣтопись Самовидца; Акты, относящіеся къ южной и западной Россіи, т. 3; Исторія Бессарабіи, ч. II, Алексѣя Накко; Историческія пѣсни малорусскаго народа Антоновича и Драгоманова; Записки о Южной Руси. Изд. Кулишъ. Т. I; Славянская надпись въ килійской церкви св. Николая изъ „Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей". Т. III; Zabytki z dziejow, Jakuba Michalowskiego; Szkice historyczne. Skreslił Karol Szajnocha. T. IY; Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, par m-r Anatole de Demidoff; Książę Sarmacyi. Dr. Antoni I. Opowiadania historyczne; Kółko Domove. T. V. 1885 г., стр. 123—125

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

(Окончаніе) [1]).

Новгородъ-Сѣверскій.

Боже мой, съ какимъ восторгомъ, съ какою поспѣшностію я собрался въ путь 26 іюля! Я самъ гналъ лошадей, я упрашивалъ гнать лошадей, я платилъ, чтобъ гнали лошадей. Мимо летѣли версты, мелькали города и деревни, а мнѣ казалось, что мы ѣхали такъ медленно, невыносимо медленно, какъ ползутъ черепахи. Нетерпѣніе мое умножалось по мѣрѣ приближенія къ цѣли. И вотъ Десна. И вотъ Новгородъ-Сѣверскъ! Не стану описывать тѣхъ свѣтлыхъ, радостныхъ минутъ въ жизни нашей, которыя рождаются отъ свиданія съ семействомъ, надолго съ нами разлученнымъ, и которыя вполнѣ поймутъ только семейные люди, бывшіе на моемъ мѣстѣ!

Я пріѣхалъ домой 28 іюля, въ самую глухую полночь, а до восхода солнца уже всѣ граждане знали о моемъ пріѣздѣ. Вотъ особенности малыхъ городовъ! Въ нихъ гораздо больше необыкновенныхъ случаевъ, которые въ большихъ городахъ считаются обыкновенными. Тамъ вѣсти летаютъ съ одного конца города въ другой быстрѣе, чѣмъ въ послѣднихъ съ одного дома

---

[1]) См. апрѣльск. кн. „Кіев. Стар." 1887 г., стр. 650—666.

въ другой—сосѣдній. Словомъ, жители въ малыхъ городахъ любопытнѣе, чѣмъ въ большихъ, отъ скуки конечно, отъ нечего дѣлать.

И вотъ, на другой день, нахлынули ко мнѣ родственники, знакомые и бывшіе товарищи мои. Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ настояніемъ они желали знать о далекой, неизвѣстной странѣ, въ которой недавно кипѣли смуты и кровопролитіе. Я началъ разсказъ мой описаніемъ латинскаго богослуженія, а именно съ того момента, когда въ великую субботу, бискупъ каменецкій, въ сопровожденіи всего своего духовенства, обходя костелы, съ благоговѣйнымъ чувствомъ покланялся Распятію на крестѣ, положенномъ среди храма на полу, засланномъ богатымъ ковромъ, какъ онъ потомъ, взошедши въ свой каѳедральный соборъ, облекался въ богатую бискупскую одежду и отправлялъ резуррекцію, при пѣніи канониковъ, клериковъ, громогласныхъ звукахъ органа и звонѣ колокольчиковъ, повѣшенныхъ по разнымъ мѣстамъ костела. Этотъ священный, величественный обрядъ оканчивался не за долго до благовѣста въ православныхъ церквахъ. Я также разсказалъ имъ о моемъ впечатлѣніи, когда въ праздникъ Божія Тѣла бискупъ, въ сопровожденіи всего своего духовевства, «дзядовъ» съ исполинскими свѣчами и безчисленнаго множества жителей, шествовалъ изъ каѳедры на площадь, на которой были устроены, на-крестъ, четыре олтаря, какъ въ то время дѣвицы впереди бискупа несли на многихъ носилкахъ фигуры въ богатыхъ тканяхъ, величиною въ ростъ пятилѣтняго дитяти, фигуры, изображающія Спасителя, Матерь Божію, ангеловъ, апостоловъ и Іоанна Крестителя, какъ къ пѣнію духовенства примѣшивались мелодическіе голоса дамъ, иногда оглушаемые звучною полковою музыкою, слѣдовавшею обыкновенно за священною процессіею.

Съ большимъ вниманіемъ мои родные и знакомые слушали мой разсказъ о любопытномъ каменецкомъ бульварѣ, вырубленномъ на каменномъ утесѣ съ великимъ трудомъ и значительными издержками. Ихъ крайне удивило, когда я пояснилъ имъ, что на этомъ камнѣ успѣли выростить порядочнаго роста липы

и, сверхъ того, развести отличные цвѣтники и затѣйливыя рощи изъ кустарниковъ и деревъ, что самый утесъ, тѣ наклонныя скалы, на которыхъ невозможно стать ногою, чтобы не упасть въ пропасть, постепенно уменьшаясь, превращались мало по малу въ прелестныя дорожки, обсаженныя тополями, и что со временемъ каменецкіе охотники до гуляньевъ, разными зигзагами, обсаженными деревьями, не чувствительно, даже съ пріятностію, будутъ спускаться въ пропасть, по которой течетъ р. Смотричь..... Къ этому я добавилъ, что бульваръ ежедневно, въ вечернее время, оживлялся многочисленными посѣтителями и украшался ловко разодѣтыми дамами, ихъ стройною и легкою походкою.

Воспоминалъ я также и о томъ, что было для насъ и смутное время, а особливо въ половинѣ мая 1833 года, когда пронеслась ужасная молва, что Дверницкій съ десяти-тысячнымъ отрядомъ изъ Галиціи стремился ворваться въ Каменецъ и завладѣть его замкомъ и государственною казною. Вслѣдствіе того собрана была въ городъ вся внутренняя стража изъ окрестныхъ деревень и усилены караулы и ночью обходы. Въ то время бульваръ опустѣлъ, торговля прекратилась, но за то трактиры и многіе дома наполнились множествомъ молодыхъ людей, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ Подоліи, которые веселились, пировали, непомѣрно шумѣли. Такъ было грустно, не пріятно около двухъ недѣль! Потомъ молодые люди разъѣзжались, бульваръ и торговля оживились, и сумрачныя тѣни нашего воображенія разсѣялись..... Говорили, что Австрія сама управилась съ мятежниками.....

Могъ-ли я умолчать о привѣтливости и гостепріимствѣ поляковъ, о прекрасныхъ корчмахъ, въ которыхъ во всякое время можно найти покойный пріютъ и сытный обѣдъ и которыя устроены на всѣхъ проселочныхъ дорогахъ! Словомъ, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ были для меня и время и предметъ для моихъ разсказовъ о странѣ, которую позволила мнѣ судьба узнать подробно въ продолженіи осмимѣсячнаго моего въ ней пребыванія.....

Сборы мои въ дорогу были не продолжительны и коротки, потому что чиновники учебнаго вѣдомства обыкновенно имѣютъ не многосложное достояніе. И такъ 15 августа я былъ уже въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ моимъ семействомъ.

Кіевъ.

Чрезъ три дня семейство мое одно отправилось въ дальнѣйшій путь въ Каменецъ-Подольскій, а мнѣ и г. Мицкевичу поручено заняться разборомъ дѣла о немировскомъ училищѣ, для чего препровождена была къ намъ огромная связка бумагъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ Это дѣло поручено было сперва подольскому почетному попечителю, Держевецкому и префекту кременецкаго лицея Бокщанину, которые еще въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣздили для того въ Немировъ. Проживши тамъ напрасно болѣе двухъ недѣль и потерявши терпѣніе отъ уловокъ тамошняго адвоката, они возвратили это дѣло попечителю не исполненнымъ, донесши при томъ, что оно, по причинѣ запутанности своей, по ихъ мнѣнію, совершенно не разрѣшимо.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Графъ Феликсъ Потоцкій, онъ-же Щенсный, назначилъ ежегодную уплату съ каждой ревизской души своихъ крестьянъ по 5 коп. ассигн., съ тѣмъ, чтобъ устроить уѣздное училище о 6-ти классахъ въ Немировѣ. Пмѣніе его находилось въ кіевской и подольской губерніяхъ. Чацкій, принявши это обязательство, передалъ оное эдукаціонной коммисіи, которая немедленно препроводила въ кіевскую гражданскую палату на утвержденіе, о чемъ увѣдомлена была и подольская гражданская палата. Словомъ, приняты были всѣ надлежащія мѣры для огражденія законности акта. Спустя нѣсколько времени, графъ Феликсъ умеръ, а имѣніе его, съ лежащимъ на немъ обязательствомъ, поступило во владѣніе наслѣдниковъ его. Прошло много времени; наслѣдники ни денегъ не вносили по этому обязательству въ эдукаціонную коммисію, ни мѣръ не принимали къ устройству училища въ такой степени, какъ дозволяли средства. Вслѣдствіе этой неустойки, эдукаціонная коммисія, уставши отъ безполезной переписки съ

наслѣдниками, вошла въ переписку съ губернскими правленіями: кіевскимъ и подольскимъ, прося ихъ распоряженія какъ о взысканіи съ Потоцкихъ прежнихъ недоимокъ, такъ и о побужденіи ихъ къ исполненію обязательствъ, сдѣланныхъ графомъ Феликсомъ, и на будущее время. Земскія полиціи, по настоянію означенныхъ правленій, переписывались съ главною экономіею, которая была въ Немировѣ, часто туда пріѣзжали, настаивали на исполненіи условій и получали только хитрые отзывы тамошняго уполномоченнаго. Эти отзывы, какъ водится, возвращались обратнымъ путемъ въ эдукаціонную коммиссію, съ умышленнымъ замедленіемъ и со свѣденіями о чрезвычайной трудности къ исполненію. Эдукаціонная коммиссія вступила въ переписку уже съ казенными палатами для того, чтобы сперва привести въ извѣстность число ревизскихъ душъ въ бывшемъ имѣніи графа Феликса, а потомъ уже приступить къ дальнѣйшимъ мѣрамъ. Казенныя палаты прислали въ коммиссію требуемое расчисленіе, но уѣздныя казначейства представили другое расчисленіе, совершенно несогласное съ первымъ. Въ свою очередь немировская экономія жаловалась кіевскому военному губернатору, что казенныя палаты и уѣздныя казначейства сдѣлали расчисленіе крестьянъ совершенно не вѣрно, что число ихъ по экономическимъ книгамъ совсѣмъ другое, но какое, о томъ умолчала. Все это снова поступило на разсмотрѣніе эдукаціонной коммисіи. Пошли снова повѣрки, вкрадывались снова невѣрности въ числахъ и возникали снова жалобы. Между тѣмъ, одни члены эдукаціонной коммиссіи замѣнялись другими, новыми, которымъ нужно еще было время, чтобы присмотрѣться къ дѣламъ вообще, а потомъ уже приступать къ рѣшенію. Такъ дѣло о фундушахъ немировскаго училища тянулось долго, накоплялось, возросло до громадныхъ размѣровъ и наконецъ дождалось нашего разбора.

Я нарочно вошелъ въ подробное описаніе всѣхъ переписокъ, возникшихъ при производствѣ этого дѣла, затѣмъ, чтобы показать образчикъ ловкости тамошнихъ адвокатовъ, ихъ умѣніе выставить себя необходимыми въ глазахъ туземныхъ помѣ-

щиковъ, которые не знали ни русскихъ законовъ, ни языка. И, Боже мой, какой русскій языкъ эти адвокаты употребляли при своихъ перепискахъ! Это смѣсь нелѣпостей, умноженныхъ на нелѣпость. А между тѣмъ случались примѣры, что они умышленную путаницу, вздоръ, употребляли въ свою пользу и, въ случаѣ улики, извинялись незнаніемъ языка. Такимъ образомъ дѣло пускалось въ проволочку, а эта проволочка иногда помогала имъ и выигрывать дѣла, и наживать деньги.

Въ теченіи сентября мѣсяца мы окончили это запутанное дѣло, отдѣливши сущность его отъ плутней, составили о немъ докладную записку, съ изложеніемъ проэкта, какъ удобнѣе взыскать недоимки и побудить наслѣдниковъ къ исполненію въ будущемъ своихъ обязательствъ. Г. попечитель эту записку представилъ на усмотрѣніе г. министру просвѣщенія. Какъ скоро наслѣдники графа Феликса узнали, что продѣлки адвокатовъ ихъ ни къ чему уже не поведутъ и не помогутъ ослабить законность акта и правильность отъ того выводовъ, то рѣшились наконецъ приступить къ мировымъ сдѣлкамъ съ г. попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. Главныя статьи этого условія были слѣдующія: 1-е) устроить въ Немировѣ такой домъ, чтобы въ немъ могли помѣститься гимназія, директоръ, инспекторъ и всѣ учители; 2-е) наслѣдники принимаютъ на свой счетъ содержаніе всего дома, отапливаніе его и прислугу, и 3-е) принимаютъ также уплату жалованья всѣмъ чиновникамъ съ дополненіемъ отъ казны только трехъ тысячъ рублей серебромъ. Чрезъ три года потомъ послѣдовало открытіе немировской гимназіи, и первымъ директоромъ оной, по желанію владѣльца, былъ коллежскій совѣтникъ Миладовскій.

Послѣ говорили мнѣ, что эта мировая сдѣлка, по случаю устройства общихъ ученическихъ квартиръ, получила нѣкоторыя измѣненія.

Дѣятельность попечителя въ это время была изумительна. Независимо отъ занятій своихъ по канцеляріи, онъ ежедневно посѣщалъ гимназію, уѣздное училище на Подолѣ и два приходскія училища, а эти учебныя заведенія, кому извѣстно мѣсто-

положеніе Кіева, отстоятъ одинъ отъ другаго на нѣсколько верстъ; поспѣвалъ къ обѣду воспитанниковъ благороднаго пансіона и школы землемѣровъ, чтобъ узнать, какъ и какія изготовлены блюда; въ то же время назначалъ у себя свиданіе нѣсколькимъ чиновникамъ, которымъ или отдавалъ новыя приказанія, или выслушивалъ то, что они уже сдѣлали; собиралъ у себя извѣстныхъ ему чиновниковъ для составленія педагогическихъ совѣщаній о разныхъ предметахъ, въ особенности о мѣрахъ къ успѣшному движенію наукъ во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, въ числѣ какихъ мѣръ на этихъ совѣщаніяхъ родилась мысль о введеніи параллельныхъ классовъ въ учебныя заведенія; ежедневно посѣщалъ лицеальные кабинеты, наблюдалъ за постановкою въ нихъ предметовъ, даже на первый разъ самъ распоряжался разстановкою мебели въ гимназіи, для того, чтобъ учителю можно было удобнѣе обозрѣвать воспитанниковъ въ классѣ; придумалъ занятія бывшимъ профессорамъ кременецкаго лицея: Мѣховичу въ школѣ землемѣровъ, Якубовичу, Абламовичу, Гречинѣ и Плансону въ гимназіи; собственноручно писалъ инструкціи чиновникамъ, которыхъ отправлялъ въ виленскій университетъ для доставленія тамошнихъ учебныхъ пособій въ Кіевъ, и пр., и пр. Его неутомимая дѣятельность побуждала къ дѣятельности другихъ: всѣ суетились, работали весело, охотно, слѣдовательно успѣшно, потому что были увѣрены, что труды ихъ были извѣстны ему.

Кременецъ.

Г. попечитель поторопилъ насъ къ выѣзду изъ Кіева съ тѣмъ, чтобы мы снова продолжали наши занятія по устройству училищъ на Волыни. Профессоръ Мицкевичъ отправился прямо въ Кременецъ, я же, съ дозволенія его превосходительства, заѣхалъ прежде въ Каменецъ-Подольскій, желая сколько нибудь помочь моему семейству въ устройствѣ домашняго быта.

Въ Кременецъ я прибылъ 28 октября, пробираясь отъ Ланцкорона по проселочной дорогѣ, лежащей параллельно и близко австрійской границы, причемъ не рѣдко казачьи разъѣзды оста-

навливали меня и осматривали, нѣтъ ли со мною контрабанды. Г. Мицкевичъ уже съ недѣлю ожидалъ меня въ Кременцѣ. Съ пріѣздомъ моимъ, мы снова занялись разборомъ училищныхъ дѣлъ и выпискою изъ нихъ. Эта работа, скучная и заботливая, заняла насъ цѣлый мѣсяцъ.

Съ отъѣздомъ профессоровъ въ Кіевъ, умчались и всѣ лица, которыя были соприкосновенны лицею, а въ замѣнъ ихъ въ Кременцѣ водворились мертвенная тишина, скука и нищета. Бывало, въ большихъ домахъ кипѣли увеселенія аристократовъ, а домики и самыя отдаленныя лачуги были набиты биткомъ воспитанниками лицея, содержателями магазиновъ, торговцами и мастеровыми. Теперь всѣ лицеальные готическіе «муры» (зданія), которые ежедневно посѣщало до 700 воспитанниковъ, и всѣ почти лучшіе дома опустѣли, и только корчмы, наполненныя жидами, обнаруживаютъ еще, что Кременецъ не совершенно безлюденъ. Эти жиды, во время существованія лицея, живали изобильно; торговля, факторство и контрабанда доставляли имъ червонцы, богатую одежду, выгоды домашнія. Теперь они или сидятъ въ корчмахъ и охаютъ отъ недостатка, или толпами сходятся на лицеальную площадь вспоминать о быломъ, золотомъ вѣкѣ Кременца. Бывало, не легко найти выгодную квартиру за очень дорогую цѣну, а теперь каменные, огромные дома въ нѣсколько ярусовъ, съ фруктовыми садами, украшенными тополями и колоссальными деревьями волошскихъ орѣховъ, продаются за баснословно дешевую цѣну, за три, даже двѣ тысячи рублей серебромъ. Бывало, воспитанники лицея, цвѣтущіе молодостію, упоенные самодовольствіемъ, богатые, собирали своихъ товарищей и, пируя, строили воздушные замки, мечтали возстановить Польшу, возродить счастье страны, блистать въ свѣтѣ, въ совѣтахъ, создать науку, воскресить литературу.... Бывало, по лицеальному «огроду», т. е. ботаническому саду, красивыми группами мелькали юныя польки, одѣтыя въ дорогія ткани ліонскихъ фабрикъ, наполняя воздухъ веселымъ лепетомъ, смѣхомъ и благовоніями, и бросали меткіе, огненные взгляды на статную и ловкую молодежь. Бывало, въ богатыхъ магази-

нахъ блестѣло золото, серебро, бронза, ослѣпляли дорогія ткани, произведенія Востока. Съ переводомъ лицея въ Кіевъ все исчезло, какъ сновидѣнье, и изъ Аѳинъ Волыни Кременецъ сталъ лишь уѣзднымъ городомъ волынской губерніи.

Можно себѣ представить, какому грустному одиночеству, въ продолженіе мрачнаго ноября, мы подвергались въ Кременцѣ, гдѣ ноябрь несравненно мрачнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Утомясь отъ дѣловыхъ выписокъ, скучныхъ, запутанныхъ, и наглотавшись протухлой пыли, которою проникнуты архивныя дѣла, мы разнообразили наше тамъ пребываніе только тѣмъ, что выходили на лицеальную площадку подышать воздухомъ, или, спотыкаясь, бродили по улицамъ, прежде грязнымъ, а потомъ взборожденныхъ ноябрьскимъ морозомъ.

Въ Кременцѣ мы узнали, что всѣ лицеальныя зданія уступлены православному духовенству для помѣщенія въ нихъ духовной семинаріи, которая до этихъ поръ, какъ я уже сказалъ выше, помѣщалась въ мѣстечкѣ Аннополѣ, острожскаго уѣзда. Такимъ образомъ семинарія, ставъ ближе къ жилищу преосвященнаго, лучше сохранитъ православіе въ своихъ воспитанникахъ, удалитъ отъ нихъ вліяніе туземныхъ обычаевъ, пріемовъ, симпатій и языка, который малѳ по малу усиливался, особенно между нашимъ духовенствомъ. Дѣйствительно, я былъ неоднократно очевидцемъ, что священники наши и въ домахъ своихъ, и въ личныхъ сообщеніяхъ между собою говорили на польскомъ языкѣ; даже видѣлъ примѣры, что и переписка между ними велась на этомъ же языкѣ. Родное русское начало вкрадывалось въ это сословіе только вліяніемъ двухъ, или трехъ лицъ изъ высшаго духовенства, слѣдовательно незамѣтными атомами.

29 ноября мы совершенно окончили наши извлеченія изъ дѣлъ эдукаціонной коммисіи и донесли попечителю о томъ, что я принялъ мѣстный обзоръ приходскихъ училищъ въ уѣздахъ: дубенскомъ, луцкомъ, владимірскомъ, ковельскомъ, острожскомъ, ровенскомъ, новоградъ-волынскомъ и овручскомъ, а Мицкевичъ предоставилъ себѣ для той-же цѣли уѣзды: кременецкій, староконстантиновскій, заславльскій и житомирскій. Пунктомъ соеди-

ненія мы назначили Житоміръ и въ тотъ же день разъѣхались по своимъ участкамъ. Ни снѣгъ, ни дождь, чередовавшіеся въ одинъ день по нѣсколько разъ, не остановили насъ отъ такой рѣшимости. Такъ надоѣлъ намъ Кременецъ!

Кіевъ.

Въ одни сутки приплылъ я въ Луцкъ, въ сопровожденіи дождя и снѣга, которые очень много прибавили вѣсу къ моей верхней одеждѣ. Если Луцкъ въ самое жаркое лѣтнее время бываетъ грязенъ, начиная отъ жилища бискупа почти до каѳедральнаго костела, то можно себѣ вообразить, въ какомъ грязномъ, неопрятномъ видѣ представлялся Луцкъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, сыромъ и дождливомъ. Грязь, по самому вѣрному измѣренію, была по колѣни; домы раскисли, жалки, казалось, плачутъ, а валъ бывшей крѣпости часъ отъ часу распадался, являя взору кое-гдѣ исковерканный дернъ, пріятное время-препровожденіе нѣкоторыхъ животныхъ, употребляющихъ обыкновенно вмѣсто лапъ рыло.

Я вторично отдохнулъ и душею и тѣломъ, обмѣнявшись искреннею бесѣдою съ Кулжинскимъ. Бывши въ Кременцѣ, я цѣлый мѣсяцъ или молчалъ, или отмалчивался, считая невѣжливостію, даже жестокостію часто напоминать людямъ объ ихъ безразсудствѣ; а эта осторожность, затаенность душевныхъ помысловъ сильно тяготила, даже изнурила меня. Въ Кременцѣ мнѣ было нравственно холодно, какъ будто ледяная струя воздуха обдавала душу мою, скажу больше, мнѣ какъ то страшно было въ этомъ городѣ...

На другой день я снова представился бискупу Пивницкому затѣмъ, чтобы узнать, какія онъ сдѣлалъ распоряженія о взысканіи съ пробощей денегъ, принадлежащихъ разнымъ приходскимъ училищамъ, и о количествѣ которыхъ мы еще изъ Клевани, въ іюлѣ мѣсяцѣ, препроводили къ нему подробную вѣдомость. Его преосвященству угодно было показать мнѣ всю переписку по этому предмету, и онъ обѣщалъ, взыскавши немедленно, отправить эти деньги въ Кіевъ, въ лицеальное казначей-

ство. Бискупъ Пивницкій служилъ въ римско-католической коллегіи, въ Петербургѣ, гдѣ въ долговременное свое пребываніе замѣтилъ особенную способность у русскихъ —построеніе красивыхъ домовъ однимъ топоромъ и фабрикацію превосходныхъ картъ для игры, и только ...

Изъ Луцка я отправился по владимірской дорогѣ и ночевалъ въ Локачахъ, гдѣ, вслѣдствіе извѣстія о нашемъ визитѣ, было уже все приготовлено къ открытію училища, а именно: домъ выбѣленъ внутри и снаружи, полы вымыты, скамьи окрашены и такимъ образомъ порядочно меблированное жилище ожидало только учителя, или, какъ тамъ обыкновенно называютъ, пана директора, пана профессора. И подлинно, одинокому человѣку, который еще не былъ избалованъ честолюбіемъ и прихотями, эта должность доставляетъ приличное содержаніе. Онъ имѣетъ просторное помѣщеніе, огородъ прокормитъ его зеленью, овощами и плодами, ибо онъ обязанъ заводить садъ, для примѣра крестьянамъ; имѣетъ свое молоко, которое приноситъ ему корова, получающая кормъ изъ училищнаго сѣнокоса; поле доставляетъ ему въ изобиліи хлѣбъ; 600 злотыхъ даютъ ему средства для пріобрѣтенія предметовъ нѣсколько прихотливыхъ. Къ тому же, родители воспитанниковъ, въ знакъ благодарности, обсылали его разною провизіею, а иные приглашали его на все вакаціонное время и не даромъ. Такимъ образомъ приходскій учитель не только удовлетворялъ этими доходами всѣмъ своимъ потребностямъ, но были примѣры, что онъ составлялъ еще значительный капиталъ для будущаго времени. Во многихъ училищахъ, особенно при монастыряхъ, участь приходскихъ учителей еще лучше обезпечена.

Изъ Локачей я отправился въ Порицкъ. Съ чувствомъ особеннаго любопытства еще издали взглянулъ я на высокіе куполы порицкаго костела и потомъ въѣхалъ въ это мѣстечко, принадлежавшее Тадеушу Чацкому. Квартира назначена была мнѣ у каноника Шевалье, глубокаго старца, бывшаго французскаго эмигранта, который въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія сохранилъ свою голову отъ гильотины и нашелъ на

Волыни роскошный пріютъ. Ни лѣта, ни прошедшія бѣдствія не лишили этого бывшаго аббата любезности, живости и гостепріимства. Отъ него то я узналъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ урна, въ которой заключено было сердце Чацкаго, перенесена изъ кременецкаго лицея въ порицкій костелъ. Этотъ печальный обрядъ сопровождали и стройные ряды латинскаго духовенства, и множество окрестныхъ владѣльцевъ, съѣхавшихся для того, чтобы почтить память покойника. Сынъ и единственный наслѣдникъ его вотчины разсудилъ, что съ перенесеніемъ лицея въ Кіевъ сердце отца его можетъ успокоиться только въ порицкомъ костелѣ...

Я познакомился съ сыномъ Чацкаго, молодымъ, образованнымъ человѣкомъ, охотно изъявившимъ согласіе на немедленное открытіе училища въ Порицкѣ. Каменный домъ, красивый, просторный, назначенный для этого предмета, уже совершенно отдѣланъ. Въ искренней бесѣдѣ нашей онъ сознался, что заботы отца его, которыя онъ употреблялъ для образованія края, разорили какъ его собственное имѣніе, такъ и имущество прочихъ владѣльцевъ. При томъ, продолжалъ онъ, чрезъ него на всѣхъ почти имѣніяхъ лежитъ тягость, приводящая помѣщиковъ иногда къ затруднительному состоянію. Частныя взысканія и секвестры возбуждаютъ у нихъ не благословеніе отцу моему, но ропотъ, порицаніе, а можетъ быть и клятвы.

Въ Порицкѣ дали мнѣ лошадей для проѣзда въ мѣстечко Гороховъ, къ бывшему польскому сенатору Стройновскому, который во время смутъ послѣдней революціи удалился въ Галицію. Меня приняла привѣтливо его супруга, почтенная и образованная дама, и безъ всякаго прекословія изъявила готовность къ открытію въ мѣстечкѣ училища. Назначеніе учителя возложила на волю училищнаго начальства. При этомъ случаѣ она съ горестію воспоминала о бывшихъ смутахъ въ 1830 г., заставившихъ мужа ея удалиться въ Галицію. Молодежь польская, ворвавшись въ домъ ихъ, требовала отъ хозяина денегъ и гостепріимства; онъ не могъ отказать ни въ томъ, ни въ другомъ, потому что его лишили-бы жизни, какъ измѣнника

отчизнѣ. «Вотъ и все преступленіе мужа моего, навлекшее на него подозрѣніе мѣстной полиціи!» заключила она. Въ отвѣтъ я ей сказалъ: правительство наше милостиво и справедливо, оно разобрало бы проступокъ вашего супруга, невольный, вынужденный страхомъ, и потомъ возвратило бы ему всѣ права и свободу; а бѣгство за границу и уклоненіе его отъ суда усиливаетъ только подозрѣніе правительства, а слѣдовательно и увеличиваетъ его отвѣтственность предъ нимъ.

Оттуда я отправился въ Селецъ, мѣстечко принадлежащее Феликсу Чацкому, родственнику Тадеуша. Этотъ почтенный помѣщикъ, съ аристократическими манерами, очаровалъ меня и большою начитанностію, и опытною наглядностію въ свѣтѣ. Онъ много путешествовалъ по Европѣ и потомъ проживалъ на Волыни, съ упованіемъ, что въ мірѣ все идетъ къ лучшему. Но Дверницкій, ворвавшійся съ девяти-тысячною ватагою своею въ его вотчину Боремль, заставилъ его уйти въ Галицію, затѣмъ, чтобы избѣжать невольнаго участія въ смутахъ. Вслѣдствіе того имѣніе его было конфисковано. Однако, по зову правительства, онъ явился въ Кіевъ къ суду и былъ, какъ должно, оправданъ, съ возвращеніемъ ему всего имущества. Впрочемъ жена его съ тѣхъ поръ не могла еще поправиться въ здоровьи, разстроенномъ сильными душевными потрясеніями отъ бывшихъ событій. Сдѣлки мои съ нимъ объ устройствѣ въ Сельцѣ парафіальной школы окончены съ возможною скоростію, въ чемъ намъ помогъ бывшій начальникъ клеванскаго училища, Риндинскій.

Скоро окончились мои служебныя дѣла въ Устилугѣ, Турійскѣ, Ратномъ, Ковлѣ и я, измученный постоянными разъѣздами, въ гнилую зиму, спѣшилъ отдохнуть въ Голобахъ, у Вильги, молодаго, образованнаго человѣка, воспитывавшагося въ кременецкомъ лицеѣ. Онъ разсказалъ мнѣ драматическое приключеніе, случившееся съ нимъ въ глубокую осень 1830 г. Вотъ, сидитъ онъ одинъ въ домѣ, ночью, погруженный въ думу: что предпринять ему въ это смутное время? Остаться-ли дома, или выѣхать хоть въ Житомиръ, хоть въ Кіевъ? Въ первомъ

случаѣ сволочь, предводительствуемая Дверницкимъ, о приближеніи котораго въ Кіевѣ уже носилась молва, принудитъ его принять участіе въ смутахъ; а во второмъ она сожжетъ домъ и деревню его, какъ измѣнника отчизны, если узнаетъ о его бѣгствѣ. Среди этихъ размышленій, внезапно налетѣла на дворъ его толпа всадниковъ, разставила на всѣхъ выходахъ дома караулъ и вошла шумно, неистово къ нему въ залу. То были всѣ его лицеальные товарищи, въ нетрезвомъ видѣ, вооруженные съ ногъ до головы. Вильга наружно обрадовался ихъ посѣщенію, но внутренно былъ въ сильномъ смущеніи, догадываясь, что они прибыли къ нему, вѣроятно, съ цѣлью взять его въ ряды свои. И онъ не ошибся, потому что предложеніе было сдѣлано немедленно:

— Вильга, готовься съ нами, на защиту отчизны!

— Охотно, паны, сказалъ онъ имъ въ отвѣтъ, но сперва позвольте мнѣ угостить васъ, товарищи!

И вотъ сталъ онъ распоряжаться угощеніемъ, разсчитывая въ то же время, что въ самомъ разгарѣ пира можно будетъ какъ нибудь улизнуть отъ мятежниковъ. Но двое изъ гостей его по очереди слѣдили за нимъ съ пистолетами въ рукахъ. И разъ, въ часы искреннихъ изліяній бесѣды, они открыли ему свои подозрѣнія такими словами:

— Напрасно, панъ, заботишься отдѣлаться этимъ отъ насъ; не прогнѣвайся, панъ, если, при первой твоей попыткѣ къ побѣгу, или влѣпится въ твое тѣло десять пуль, или будешь тутъ-же въ залѣ повѣшенъ.

Вильга догадался, что съ нетрезвыми гостями шутить неловко, сталъ просить у нихъ не много времени, чтобы собрать денегъ и отдать приказъ по управленію имѣніемъ, прибавивъ, что тогда уже будетъ готовъ къ ихъ услугамъ. Мятежники, при этомъ отзывѣ Вильги, приступили къ нему съ остервененіемъ; одни кричали: повѣсить его, врага отчизны, другіе: разстрѣлять его! Одинъ, самый неистовый, навелъ даже пистолетъ прямо въ грудь Вильги и спустилъ замокъ; но къ счастію кремень осѣкся. При этомъ хозяинъ вскричалъ:

— Паны! Успокойтесь! Неужели я менѣе васъ люблю свою отчизну и не желаю ей счастія? У меня теперь нѣтъ денегъ. Не вѣрите?..... вотъ ключи! Ищите, гдѣ хотите: не найдете болѣе десяти червонцевъ. Найдете больше, тогда можете умертвить меня. Чтоже я буду дѣлать безъ денегъ, безъ вооруженной прислуги?

Такая энергическая рѣчь хозяина остановила мятежниковъ. Поставивъ стражу надъ нимъ, они стали дѣлать розыски по всѣмъ шкатулкамъ, комодамъ, столамъ и кладовымъ: нашли и деньги, но мало! Стало быть, хозяинъ правъ. Тогда велѣли ему призвать прикащика въ свое присутствіе, внимательно слѣдили за миною, за распоряженіями хозяина.

— Паны, ура! воскликнулъ потомъ Вильга; бокалы шампанскаго!

Снова пиръ закипѣлъ и продолжался около двухъ дней. Опьянѣлые гости, откинувъ въ сторону всякое подозрѣніе, стали уже убѣждаться въ искренности хозяина и ослабили надзоръ за нимъ; онъ этимъ воспользовался и ушелъ чрезъ паркъ, гдѣ, по догадливости его лакея, въ скрытномъ мѣстѣ, еще заблаговременно была приготовлена пара верховыхъ лошадей.

Переодѣвшись въ простую одежду, Вильга шатался потомъ двѣ недѣли въ окрестности, подвергаясь ежеминутно опаскости встрѣтиться съ шайкою мародеровъ. Наконецъ, въ одной корчмѣ отъ жида узналъ онъ, что боремльская битва окончилась не въ пользу Дверницкаго, что этотъ генералъ всякой сволочи ушелъ за границу. Вильга сдѣлалъ повѣрку въ другомъ и третьемъ мѣстѣ: одна и таже вѣсть. Тогда Вильга воротился въ Голобы, а за нимъ вслѣдъ явилась и земская полиція, которая провѣдала уже о наѣздѣ къ нему вооруженныхъ людей, двухъ-дневномъ ихъ пированіи, двухъ-недѣльномъ отсутствіи владѣльца... и караулила его. Чрезъ три мѣсяца потомъ военный судъ оправдалъ его.

И такъ, закончилъ свой разсказъ Вильга, справедливо, что въ смутное время событія въ своемъ стремленіи увлекаютъ и

людей спокойныхъ, преданныхъ законному порядку и не одобряющихъ безумныхъ предпріятій своихъ родаковъ, и тѣмъ накликаютъ на нихъ бѣды, разоренія и страданія.

Вильга, по причинѣ разстроеннаго своего состоянія, при разсчисленіи недоимокъ по училищу, сдѣлалъ ко мнѣ отзывъ о томъ, чтобы часть недоимокъ, числящихся на немъ, употребить на починку дома и устройство училищной мебели, а остальную простить. О томъ-же ходатайствовалъ у меня и почетный попечитель волынской гимназіи, камергеръ Скибицкій, въ бытность мою у него въ деревнѣ Вербѣ. Все это я представилъ на благоусмотрѣніе г. попечителя. Послѣдствія мнѣ неизвѣстны.

Отъ Голобовъ, по проселочнымъ дорогамъ и чрезъ дремучіе боры, пробрался я въ Седлецъ, скоро очутился на большой дорогѣ такъ, что Владиміръ остался за мною ужъ въ 7 верстахъ назади, и потомъ чрезъ Луцкъ, также проселкомъ, прибылъ вторично въ Клевань, мѣстечко, о которомъ я уже упоминалъ прежде.

Здѣсь я узналъ, что г. попечитель приказалъ перемѣстить луцкую гимназію въ Клевань, а клеванское уѣздное училище въ Луцкъ. Въ Клевани также узналъ я и о томъ, что къ луцкой гимназіи присоединенъ огромный фундушъ доктора медицыны Лернета, который завѣщалъ, чтобы на проценты сего капитала воспитывались ежегодно четыре воспитанника изъ волынянъ и тѣмъ изъ нихъ, которые окончатъ успѣшно курсъ наукъ въ этой гимназіи, выдавать сверхъ того каждому единовременно по три тысячи рублей серебромъ.

Уже настало 15-е декабря, но вмѣсто снѣга, на мою бѣду, лилъ постоянно дождь. Въ это-то ненастное время я проѣхалъ Деражно, Степань и Бережницу, гдѣ окончилъ довольно успѣшно всѣ мои обязанности по устройству въ нихъ училищъ.

На возвратномъ пути моемъ въ городокъ Степань сперва небо заволоклось снѣжными тучами, потомъ пошелъ снѣгъ, и вѣтръ, усиливаясь мало по-малу, произвелъ сильную вьюгу. Эта пурга заставила меня переждать цѣлый день въ Степани,

доставила мнѣ пріятнѣйшее знакомство съ графомъ Вурцелемъ, владѣльцемъ города Степани. Согбенный лѣтами графъ и его супруга великодушно переносили свое одиночество, въ которое повергли проступки дѣтей ихъ, вовлеченныхъ, по легкомыслію, въ недавнія смуты. Боже мой! буйныя головы, промотавшія все свое достояніе и желавшія мятежомъ противъ законнаго порядка или поправить свое состояніе, или насытить свое честолюбіе, сколько семействъ ввергли въ невыносимыя горести, отторгнувъ отъ нихъ или отцевъ, или сыновей, или супруговъ!....

Изъ Степани, чрезъ мѣстечко Казиміровку, я по санной дорогѣ прибылъ въ Ровно, вечеромъ, въ самый сочельникъ, предъ праздникомъ Рождества Христова. Признаюсь, послѣ осеннихъ поѣздокъ въ ненастье, ѣзда по зимней дорогѣ, сухой, не трудъ, а отдохновеніе! Князь Любомірскій, узнавши о моемъ пребываніи въ Ровно, просилъ меня къ себѣ провести цѣлый день. Однако, я уклонился отъ этого приглашенія, желая успокоиться въ чистой и теплой корчмѣ; безпрестанныя поѣздки, частыя перемѣны мѣстъ, лицъ, принужденность при форменныхъ свиданіяхъ съ ними, до того утомили меня, что я почелъ для себя самымъ большимъ наслажденіемъ уединеніе. Въ корчмѣ, въ которой я остановился, очень усердно прислуживалъ мнѣ молодой еврей, довольно бойкій и сметливый. Онъ дешево взялъ съ меня за труды, за то эта дешевизна стоила мнѣ весьма дорого, потому что онъ самъ себя наградилъ за свои услуги, тайно утащивъ часть моей одежды изъ чемодана въ то время, когда я весь почти день провелъ во снѣ.

Мигомъ пролетѣлъ я Шпаковъ, Корецъ, мѣстечко, извѣстное фабрикою фарфоровой посуды, Новоградъ-Волынскій, Овручь, бывшую столицу древлянъ, оттуда чрезъ Новоградъ прибылъ въ Житоміръ 30-го декабря. А это разстояніе не бездѣлица! оно составляетъ только 300 верстъ. Какъ? спросятъ меня, проѣхать 300 верстъ и о томъ сказать только нѣсколько словъ? Неужели на такомъ огромномъ разстояніи не встрѣтилось ничего любопытнаго, ничего новаго? Въ отвѣтъ такимъ вопроша-

телямъ доложу только, что не берусь разсуждать о причинѣ тому, ни объяснять той апатіи, того утомленія душевнаго, того отсутствія всякой наблюдательности, которыя завладѣли всѣмъ моимъ существомъ, особенно при концѣ моихъ странствованій. Помню только то, что все мнѣ надоѣло; знаю только то, что едва ли не всѣ дѣятели при концѣ своихъ дѣйствій спѣшатъ и скучаютъ....

Первымъ моимъ дѣломъ въ Житомірѣ было справиться, гдѣ квартируетъ г. Мицкевичъ, съ которымъ для свиданія назначилъ я этотъ городъ. Инспекторъ гимназіи Македонскій увѣдомилъ меня, что мой товарищъ уѣхалъ въ Кіевъ еще вчера, чтобъ успѣть проститься съ г. попечителемъ, спѣшившимъ выѣзжать въ Петербургъ, для личнаго совѣщанія объ устройствѣ лицея въ Кіевѣ. Не теряя нисколько времени и я поспѣшилъ съ отъѣздомъ въ Кіевъ, и въ одни сутки прибылъ въ этотъ городъ. Попечителя я уже не засталъ, исправленіе своей должности онъ поручилъ директору гимназіи Петрову, къ которому явился я съ донесеніемъ о томъ, что было мною до сихъ поръ сдѣлано.

Работа моя въ Кіевѣ квкъ-то не клеилась, пробудилось желаніе отправиться въ Каменецъ-Подольскій, тѣмъ болѣе, что и средства мои къ содержанію уже стали истощаться. Я отправился къ г. Петрову съ тѣмъ, чтобы увѣдомить его, что я уже собрался ѣхать въ Каменецъ-Подольскій, при этомъ я показалъ ему предписаніе г. попечителя, которымъ мнѣ предоставленъ былъ выборъ мѣста, гдѣ удобнѣе я могъ-бы заняться отчетностью порученнаго мнѣ дѣла. И подлинно, гдѣ-же могъ-бы я найти болѣе спокойствія, хорошее помѣщеніе и приличное содержаніе безъ излишнихъ издержекъ, какъ не въ Каменцѣ? И при томъ исполняя порученіе, я въ тоже время могъ-бы заняться и настоящею моею должностію.

Эти мои доводы совершенно убѣдили г. Петрова; онъ принялъ мой рапортъ и дозволилъ мнѣ уѣхать въ Каменецъ. Чрезъ три дня послѣ этого дозволенія я былъ уже тамъ.

Среди моихъ занятій отчетностію по устройству училищъ и заботъ по должности инспектора гимназіи, должности шаткой въ западныхъ провинціяхъ и требовавшей большой оглядки, особенно при первоначальномъ устройствѣ тамошнихъ учебныхъ заведеній, пронеслась молва о томъ, что въ Кіевѣ, вмѣсто лицея, будетъ основанъ университетъ. Съ возвращеніемъ г. попечителя въ Кіевъ, въ первыхъ числахъ февраля 1834 года, эта разнорѣчивая молва превратилась въ истинное событіе. Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, узнавши изъ личнаго донесенія попечителя, какими огромными пособіями владѣетъ лицей, объявилъ ему, что такъ какъ эти учебныя пособія совершенно удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ университета, то будетъ всеподданнѣйше ходатайствовать объ основаніи въ Кіевѣ университета. И вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Кіевѣ университета св. Владиміра, котораго краеугольный камень, девизъ, святая обязанность пролить свѣтъ истины и просвѣщенія, провести начала нашей русской жизни въ западныхъ провинціяхъ. Всѣ бывшіе преподаватели лицея предназначены занять каѳедры въ новомъ университетѣ. И такъ, мысль Екатерины Великой объ учрежденіи въ Кіевѣ университета осуществилась уже въ царствованіе внука ея, Николая I.

Среди огромныхъ приготовленій къ немедленному открытію университета, которое заняло всѣ умы въ западныхъ провинціяхъ, послѣдовало открытіе четырехъ дворянскихъ уѣздныхъ училищъ: въ Подоліи—немировскаго и меджибожскаго, а на Волыни—новоградъ-волынскаго и теофипольскаго.

Занятія мои по отчету о посѣщенныхъ училищахъ окончились. На эту отчетность я употребилъ три мѣсяца, начиная съ половины января до половины апрѣля. 17-го апрѣля я отправилъ къ г. попечителю окончательный мой рапортъ, въ которомъ изложилъ общій обзоръ всѣхъ нашихъ дѣйствій и занятій по устройству приходскихъ училищъ на Волыни, а именно: 1) причину моей поѣздки въ Кременецъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ; 2) занятія наши дѣлами эдукаціонной коммисіи, т. е.

справки и выписки изъ дѣлъ о тѣхъ училищахъ, которыя находятся вокругъ Кременца и о тѣхъ, которыя намъ встрѣтятся по пути отъ Луцка до Кіева; 3) мѣстный обзоръ выше означенныхъ училищъ, съ означеніемъ времени нашего съѣзда на мѣста, гдѣ существовали училища; 4) время прибытія нашего въ Кіевъ и занятія наши разборомъ спорнаго и запутаннаго дѣла о немировскомъ училищѣ; 5) вторичную поѣздку въ Кременецъ и предметъ нашего занятія въ этомъ городѣ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца; 6) причину раздѣленія труда между г. Мицкевичемъ и мною при мѣстномъ обзорѣ училищъ и мою поѣздку на мѣста, гдѣ существовали остальныя училища; 7) сложный счетъ, сколько нашими занятіями сохранено суммъ ежегоднаго взноса въ пользу училищъ (около 50 т. руб. сер. и недоимочныхъ суммъ около 25 т. руб. сер., происшедшихъ или отъ несвоевременнаго открытія училища, или отъ неполнаго взноса денегъ владѣльцемъ за прежнее время), сколько сохранено училищныхъ домовъ и морговъ пахатной, сѣнокосной и садовой земли въ пользу тѣхъ училищъ, а равно, сколько верстъ пути употреблено мною на мѣстный обзоръ (около 5,000 вер.), поѣздку самую мучительную, сверщенную по большой части по проселочнымъ дорогамъ, въ ненастное время, имѣвшую разрушительное дѣйствіе и на мое здоровье, и на мой путевой багажъ.

При этомъ рапортѣ моемъ приладилъ я также: 1) докладныя записки о каждомъ порознь училищѣ, со времени основанія до закрытія ихъ въ 1831 году; 2) копіи съ переписокъ моихъ съ училищнымъ начальствомъ и фундаторами училищъ и 3) вѣдомость о прогонныхъ деньгахъ, употребленныхъ мною при мѣстномъ обзорѣ училищъ.

За все это я, въ послѣдствіи времени, получилъ *(слѣдуетъ пробѣлъ съ цифрами 1, 2 и 3)* 4-е, *(снова пробѣлъ)* и 1,000 руб. ассигн. единовременнаго вознагражденія за потери, понесенныя въ пути.

Что сталось съ закрытыми приходскими училищами въ кіевской и подольской губерніяхъ, мнѣ не извѣстно; знаю только то, что дѣло это остановлено училищнымъ начальствомъ по причинѣ чрезмѣрныхъ занятій, которыми оно озаботилось при открытіи университета, наймѣ квартиръ для временнаго помѣщенія этого заведенія и составленіемъ проэкта о постройкѣ казеннаго зданія для университета.

РОДЪ ВИШНЕВСКИХЪ.

Царствованіе Петра В., помимо широкихъ реформъ, громкихъ побѣдъ и другихъ болѣе или менѣе важныхъ событій, памятно еще и большимъ наплывомъ къ намъ иноземцевъ. Голландцы, нѣмцы, французы и шведы, греки, сербы, волохи и армяне шли къ намъ, какъ въ обѣтованную землю, то въ одиночку, то цѣлыми партіями. Иныхъ звалъ самъ Петръ, другіе шли по собственному почину, а иныхъ тащили за собой единоземцы. Всѣмъ имъ жилось у насъ не дурно, лучше, чѣмъ на покинутой родинѣ; а тѣ, кого звалъ или зналъ самъ Петръ и кто имѣлъ случай прислужиться ему въ чемъ либо, быстро создавали себѣ иногда весьма завидную карьеру, благодаря его широкой натурѣ, столь же щедро награждавшей, какъ и жестоко наказывавшей. Не успѣвшіе составить себѣ фортуны при Петрѣ, создавали оную при его преемникахъ, такъ какъ его почины и симпатіи чтились долго и свято во всемъ, отъ заморскихъ наукъ до шлёнскихъ овецъ и венгерскихъ винъ. Иные изъ пришельцевъ выдвигались умомъ, знаніемъ, полезною дѣятельностію, другіе брали ловкостью, мелкими услугами, шли въ силу перваго толчка, или влекомые землячествомъ, кумовствомъ и т. п. Тѣмъ или инымъ путемъ люди иногда самаго простаго званія достигали генеральскихъ чиновъ, графскихъ и иныхъ титуловъ, оставляли большія состоянія и широко развѣтленное потомство. Измѣна Мазепы и казнь его единомышленниковъ открыли выходцамъ, южныхъ преимущественно странъ, широкій доступъ въ ряды козачей старшины и какой нибудь арендарь или крамаръ облекался въ званіе сотника, достигалъ полковничьяго уряда, наживалъ богатыя «маетности», роднился съ мѣст-

ною и обще россійскою знатью и полагалъ собою начало дальнѣйшему, богатому и знатному, дворянскому роду.

Къ числу произшедшихъ отъ такихъ выходцевъ родовъ, кромѣ фамилій Милорадовичей, Томаръ, Хорватовъ и многихъ другихъ, принадлежитъ и многочисленный нынѣ дворянскій родъ Вишневскихъ.

Родоначальникомъ Вишневскихъ былъ у насъ Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій, сербъ, уроженецъ Бѣлграда, вышедшій изъ такъ называемой рагузской республики, славившейся въ XIV и XV в. на берегахъ Адріатики. Раньше его вышелъ оттуда же другой сербъ, Савва, принявшій, какъ кажется, прозваніе отъ своей родины по переходѣ въ Россію, составившій себѣ большую карьеру при Петрѣ В., получившій графство при Екатеринѣ I-й и давшій начало роду графовъ Владиславичей. Савва торговалъ разнымъ товаромъ въ Константинополѣ; Вишневскій, по всей видимости, состоялъ у него повѣреннымъ или прикащикомъ сперва вообще, а потомъ по винной торговлѣ. Савва открылъ ему путь въ Россію, а его спеціальность составила дальнѣйшую его карьеру. Но прежде о Саввѣ.

Торгуя на глазахъ у нашихъ пословъ въ Константинополѣ, онъ вошелъ съ ними въ сношенія около 1700 года [1]) и не разъ оказывалъ чрезъ нихъ услуги нашему правительству своими свѣдѣніями и сообщеніями о томъ, что творилось въ турецкомъ и юго-славянскомъ мірѣ. Охотно пользовались наши послы, князь Голицынъ и Украинцевъ, услугами его, какъ человѣка бывалаго, по самому роду своихъ занятій способнаго на всякаго рода развѣдки и непривлекавшаго на себя особыхъ подозрѣній. Въ 1702 г. Савва, подъ предлогомъ развѣдать путь Чернымъ моремъ въ Россію, явился въ Азовъ съ деревяннымъ масломъ, кумачами и хлопчатою бумагою, откуда уже въ 1703 году поѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ его приняли хорошо. Петръ далъ ему жалованную грамоту на десять лѣтъ свободно торговать во всѣхъ городахъ россійскихъ, при чемъ далъ ему и порученія въ Константинополь къ послу Толстому. Въ 1705 году Савва возвращается опять въ Москву уже съ тайными бумагами отъ Толстаго изъ Константинополя, а Петръ В., помимо щедрой денежной заплаты, второю жалованною грамотою на его имя предоставляетъ ему торговать въ Малороссіи, въ Азовѣ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 14, стр. 327.

и вездѣ всякими товарами, кромѣ запрещенныхъ, а также имѣть свободный съ оными проѣздъ въ окрестныя державы. Въ просмотрѣнной нами рукописной книгѣ «Опись дѣламъ господина графа Гаврила Владиславича.... 1750 году генваря сочиненная», входящей въ составъ домашняго архива княгини Марьи Павловны Долгоруковой (с. Великая Топаль новозыбковскаго уѣзда), перечислена масса бумагъ 1705—1715 года, относящихся къ Саввѣ Рагузинскому, изъ которыхъ открывается, что помимо тайныхъ дипломатическихъ услугъ, за которыя Петръ В. щедро награждалъ его чинами и имѣніями, онъ велъ обширную торговлю внутри и внѣ Россіи и былъ однимъ изъ главныхъ поставщиковъ на армію и флотъ того времени. Въ 1711 году Рагузинскій сопровождалъ Петра въ прутскомъ походѣ и, какъ видно, имѣлъ миссію поднимать недовольныхъ турецкимъ владычествомъ молдаванъ, угро-руссовъ и другихъ славянъ [1]). Въ послѣдствіи, именно въ 1715 г. [2]), всѣ эти молдаване, венгры и славяне, поднятые противъ турокъ, безъ различія ихъ подданства цесарю или султану, были приняты въ русскую службу; въ числѣ ихъ находимъ и Ѳ. С. Вишневскаго. Въ описи бумагъ самаго Рагузинскаго, съ 1715 г. до самой смерти Петра В., мы нашли массу порученій, которыя давались Рагузинскому и лично императоромъ и его приближенными по части пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ вещей за границею,—преимущественно въ Италіи. Въ роли агента Рагузинскаго по части закупки вина въ Венгріи для поставки ко двору Петра встрѣчаемъ и Вишневскаго. Какъ извѣстно, Петръ еще во время карлсбадскаго своего лѣченія вошелъ во вкусъ венгерскаго вина и потреблялъ его цѣлыми кувшинами одновременно съ *шпруделемъ*. Поставка этого вина къ императорскому двору началась еще въ 1714 г. Какъ рано пріобрѣлъ въ ней Вишневскій самостоятельную роль, сказать не можемъ; но эта крупная и прибыльная операція стала не только постоянною его профессіею, но даже какъ бы монополіею, переходила то въ подрядъ, то въ спеціальную коронную службу и доставляла ему деньги и чины. Въ «Дневныхъ Запискахъ» Якова Маркевича подъ 1731 годомъ упоминается о проѣздѣ Вишневскаго че-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 16. стр. 87.

[2]) Тамъ же, стр. 132.

резъ Глуховъ изъ Венгріи съ винами. Въ 1733 г. онъ выхлопоталъ себѣ весьма крупную и выгодную поставку на десять лѣтъ, прямо изъ Венгріи, «про обиходъ императорскаго двора, венгерскаго вина по 150 анталовъ въ годъ», съ тѣмъ, чтобы придворная контора выдала ему впередъ 20,000 руб., которые онъ обязывался возвратить черезъ 10 лѣтъ, и чтобы вино, остающееся отъ поставки ко двору, отдавать въ его «диспозицію» для вольной продажи въ Россіи [1]). Придворная контора приняла эти условія; но еще не окончился срокъ этого контракта, какъ онъ придумалъ въ 1740 г. иной способъ доставки венгерскаго вина, болѣе выгодный для него и болѣе убыточный для казны. Высочайшимъ указомъ 1745 г. учреждена была для этого въ Токаѣ особая коммисія. Вишневскій былъ ея творцемъ и онъ же сталъ ея предсѣдателемъ, съ огромнымъ по тогдашнему содержаніемъ въ 2000 руб. ежегодно. Коммисія завела свои виноградники и винодѣльни, покупала и готовое вино. О размѣрѣ операцій коммисіи можно судить по тому, что однихъ высшихъ сортовъ венгерскаго вина доставлялось ко двору въ годъ иногда до 100,000 бутылокъ. Вишневскій имѣлъ помощника, секретаря, 15 драгунъ, много мастеровыхъ, личной прислуги, особую церковь и причтъ, съ нищенскимъ жалованьемъ для священника 120 р. въ годъ [2]).

Особое обстоятельство, быть можетъ даже и случайное, приблизило Вишневскаго къ цесаревнѣ, впослѣдствіи императрицѣ Елисаветѣ. Еще въ 1731 г., сопровождая транспортъ винъ изъ-за границы въ Петербургъ, онъ зашелъ въ селѣ Чемерѣ (нынѣ козелецкаго уѣзда, черниговской губерніи) въ церковь, плѣнился тамъ голосомъ и наружностью молодаго козака Алексѣя Розума и уговорилъ дьячка чемерской церкви отпустить съ нимъ его воспитанника въ Петербургъ. Алексѣй охотно согласился на предложеніе Вишневскаго и съ нимъ вмѣстѣ отправился туда. Въ Петербургѣ Вишневскій представилъ Розума тогдашнему оберъ-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольду, который помѣстилъ его въ придворный хоръ. Красивый и голосистый хохленокъ оставался здѣсь недолго;

---

[1]) Карновичъ, Очерки русск. прав. и быта въ XVIII в. Истор. Вѣст. 1881 г., № 7.

[2]) Кіевск. Стор. 1883 г., январ. кн., стр. 95—96.

спустя нѣсколько дней послѣ его поступленія въ хоръ, цесаревна Елисавета Петровна, присутствовавшая при богослуженіи въ дворцовой церкви, была поражена его голосомъ и пожелала его видѣть. Красота Розума еще болѣе плѣнила великую княгиню, чѣмъ голосъ его, почему она просила Левенвольда уступить ей молодаго пѣвчаго; тотъ согласился и Алексѣй Розумъ перешелъ ко двору цесаревны [1]). Дальнѣйшая судьба Алексѣя Григорьевича Разумовскаго слишкомъ извѣстна, чтобы нужно было говорить объ ней. Понятно, что съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, занявъ при ней выдающееся и исключительное положеніе ея наперсника, Разумовскій не могъ забыть того, кому обязанъ былъ случайнымъ своимъ возвышеніемъ, и старался отблагодарить его. И дѣйствительно съ этого времени Вишневскій возвышается въ чинахъ, закрѣпляетъ и улучшаетъ свое профессіональное положеніе поставщика винъ и становится особо близкимъ ко двору и столь же необходимымъ при немъ, какъ и привозимые имъ «анталы». Въ ту пору было съ обычаѣ награждать военными чинами людей, ничего общаго въ военнымъ дѣломъ не имѣвшихъ, и если первоначальный хозяинъ Вишневскаго, торговецъ Савва, давно облекся графскимъ титуломъ, то ничего удивительнаго не было въ томъ, что его прикащикъ, при особой къ тому протекціи, достигъ генеральскихъ чиновъ. 5 февраля 1741 г. Ѳедоръ Степановичъ награжденъ рангомъ полковника и отправленъ къ генералу Кейту для опредѣленія къ дѣламъ Малороссіи, т. е. въ составъ членовъ малороссійской коллегіи, 6-го апрѣля 1745 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, 24 апр. 1748 г. въ бригадиры. Въ тоже время Вишневскій продолжаетъ заниматься въ Венгріи заготовленіемъ и закупкою винъ для двора, а на указахъ [2]) о доставкѣ того или другаго сорта вина императрица дѣлаетъ собственноручныя приписки, въ которыхъ просвѣчивается ея благосклонность къ поставщику. Такъ къ указу 8 ноября 1745 г. она приписываетъ: «А ежели возможно, хотя три антала по почтѣ прислать, что сдѣлалась нужда, что нигдѣ сыскать невозможно, а я обойтиться безъ онаго не могу, что и вы извѣстны»; къ указу

---

[1]) Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 3, 4, 42.

[2]) Подлинники указовъ въ моемъ семейномъ архивѣ; напечатаны въ Русск. Арх. 1870 г., т. II, стр. 274—279.

же 4 ноября 1743 г. дѣлаетъ такую прибавку: «И когда вы распорядите, то желаю васъ въ Москвѣ здоровыхъ видить». Особое вниманіе явила императрица Вишневскому при пожалованіи его орденомъ св. Анны 2-й степени. Посылая ему знаки этого ордена, она написала ему собственноручно слѣдующее письмо:

«Господинъ генералъ-маіоръ.

Поздравляю васъ неоцѣненнымъ наступающимъ празникомъ, съ великимъ Христовимъ воскресеніемъ, которихъ желаю вамъ многихъ такихъ еще торжествъ видитъ во всякомъ благополучіи; при семъ посилаю къ вамъ кавалерію светия анни, которая въ дороге васъ охранять будетъ светими своими молитвами, и желаю носить на здорове и видить васъ въ ней.

Елисаветъ.

Сей часъ идемъ въ церковь съ вербой стоять: сожелею, что васъ нету, то бы можно бы вербою старые кости поправить».

О близости Вишневскаго къ Разумовскому и говорить нечего; въ дневникахъ малороссіянъ того времени его имя то и дѣло появляется, какъ только рѣчь заходитъ о любимцѣ государыни. Императрица Елисавета дарила Вишневскому много дорогихъ вещей, которыя частью сохраняются и теперь у его потомковъ. Послѣдній, найболѣе цѣнный даръ ея заключался въ надачѣ ему имѣнія въ переяславскомъ полку села Фарбованаго. Случилось это такимъ образомъ. У Ѳедора Степановича родился внукъ. Извѣщая о семъ императрицу, хитрый сербъ писалъ: родился у меня внукъ Иванъ, да такой богатырь, что все кричитъ: «дай папки»! Императрица догадалась, на что мѣтитъ счастливый дѣдушка и шутливо отвѣчала: «для вашего внука Ивана-богатыря жалую *на папку* село Фарбовано». Объ этомъ пожалованіи въ семьѣ Вишневскихъ долго хранился указъ или письмо Елисаветы. Къ сожалѣнію, документъ этотъ утерянъ и сохранилась только память объ немъ.

Достигши значительныхъ для своего происхожденія почестей и составивъ порядочное состояніе, Ѳ. С. Вишневскій скончался при отправленіи своихъ обязанностей въ Токаѣ; но гдѣ погребенъ, мнѣ неизвѣстно.

Въ старыхъ бумагахъ моихъ сохранилась надгробная его надпись, писанная гдѣ-то и кѣмъ-то въ Малороссіи, изъ чего должно заключить, что прахъ его былъ перевезенъ изъ Венгріи въ его ма-

лороссійское помѣстье. Надпись не лишена историческаго интереса, и я приведу ее здѣсь цѣликомъ.

Епитафіонъ, сіе есть надгробное надписаніе.

Всякъ приходяй зри, кто въ семъ гробѣ положися
и, сотворше молбу о немъ Богу, прослезися.
Сей объявитъ истинну чтущему не ложно,
ибо въ его силѣ есть вся признать возможно.
Федоръ Степановичъ Вишневскій съ природы
былъ отъ странъ Трансильваніи сербскія знатный.
Въ Россіи-же онъ труда показалъ доволны:
пятьнадесятъ во флотѣ морскомъ лѣтъ исполни,
Посемъ въ армейскихъ полкахъ трудился же нелицемѣрно,
ревностно служилъ во всемъ монарху своему вѣрно,
Былъ на штурмахъ, приступахъ и баталіяхъ разныхъ
съ шведи и турки, въ палбахъ и огняхъ преужасныхъ.
Вѣрно служилъ сей внутръ и внѣ государства,
нелестный былъ ревнитель россійскаго царства.
Посилаемъ всюду отъ Петра, всероссійска императора славна,
перва, велика, въ имени всему свѣту главна,
Къ разнымъ посылкамъ себя готовійша ставилъ.
Какъ Петръ Великій славно Россію правилъ,
Потомъ Елисаветы видѣлъ дни преславны.
Едвали гдѣ есть въ свѣтѣ толь монархъ благонравный,
Къ вѣрнымъ отечества дѣтямъ та зѣло милосердна,
храбра сердцемъ, премудра дѣломъ и во вѣрѣ тверда.
Сей мимошедшій его вѣкъ гдѣ окончися,
дѣло бо ему тогда въ Токаѣ случися.
И такъ въ службѣ россійской лѣтъ пятьдесятъ живяше,
день ото дня трудовъ болше являше.
Службы же проходилъ онъ тѣ не безъ награды,
генералъ-маіоромъ учиненъ тѣмъ ради,
Былъ и кавалеръ ордена святыя Анны знатный,
имѣлъ бо сея чести и знакъ всепріятный.
А какъ щасливо ленту получилъ онъ алу
(Богъ бо и монархи являли похвалу:)
Жизнь временно премѣнилъ въ скорѣ на ину,
идѣ же лицы святыхъ торжествуютъ вину.
Можетъ бо въ вѣчной жизни быть сей несумнѣнно,
ибо въ вѣрѣ православной стоялъ неизмѣнно,

Отъ рожденія своего всѣхъ шестьдесятъ семь лѣтъ сей живяше,
во истину, о во истинну болше не имяше.
Былъ годъ тысяча сем-сотъ сорокъ девятій,
мисяця генваря день седмый двадесятій.
Ты же, сія прочетши, серцемъ умилися,
всеприлежно о немъ къ Богу помолися.
Рцы: преставленнаго сего, Христе, не забуди,
а отъ насъ на землѣ въ родъ и родъ вѣчная память буди (2).

Если въ ту пору простодушный посѣтитель могилы Вишневскаго приходилъ, быть можетъ, въ умиленіе отъ этого напыщеннаго воспѣванія его подвиговъ и добродѣтелей, то современный читатель останется въ недоумѣніи, не слышавъ ничего подобнаго о такомъ великомъ героѣ, равно не найдя и въ нашемъ предшествовавшемъ изложеніи какого либо указанія на военные его подвиги. Объясняется же это недоумѣніе не тѣмъ, чтобы напр. современники упустили изъ виду военные подвиги Вишневскаго и забыли занести ихъ на страницы нашей исторіи, а тѣмъ, что Вишневскій въ походахъ противъ непріятеля и сраженіяхъ съ нимъ бывалъ, такъ сказать, на особомъ положеніи и въ особомъ смыслѣ; говоря иначе, составитель эпитафіона зачислилъ Вишневскому въ службу во флотѣ и въ полкахъ армейскихъ все то время, что онъ состоялъ при Саввѣ Рагузинскомъ въ качествѣ его торговаго агента или прикащика, Рагузинскій же, какъ извѣстно, держалъ въ арендѣ такъ называемую *индукту* въ Малороссіи, между прочимъ, въ шведскую войну, занимался поставками на армію и сопровождалъ Петра В. въ прутскомъ походѣ. Въ этомъ смыслѣ должно понимать присутствіе и Вишневскаго «на штурмахъ, приступахъ и баталіяхъ разныхъ» и участіе его «въ палбахъ и огняхъ преужасныхъ».

У Ѳедора Степановича Вишневскаго былъ единственный сынъ Гавріилъ, о которомъ извѣстно, что онъ былъ полковникомъ гвардіи, служилъ въ Петербургѣ и женился тамъ на дочери генералъ-поручика князя Ѳедора Васильевича Мещерскаго, княжнѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ Мещерской [1]). Оба они, и мужъ и жена, скоро умерли, оставивъ сыновей Ивана и Федора и дочь Елену на попеченіи своей родственницы Анны Никитишны Нарышкиной.

---

[1]) Кн. Долгоруковъ, Россійская Родослов. Книга, ч. 2, стр. 24.

Оба они были уже полковниками, когда имп. Екатериною II дана была знаменитая жалованная грамота россійскому дворянству и когда свѣже народившемуся въ Малороссіи дворянству надо было приводить въ извѣстность свои права. Владѣльцамъ с. Фарбованого въ доказательствѣ своихъ правъ на дворянское званіе повидимому не предстояло трудности, въ виду высокихъ военныхъ чиновъ ихъ дѣда и отца; но ихъ соблазнялъ вѣроятно примѣръ Рагузинскаго, добывшаго на родинѣ какія-то свидѣтельства, удостовѣрявшія его якобы графское отъ предковъ достоинство и успѣвшаго при Екатеринѣ I добиться признанія и за собою сего титула. И вотъ старшій внукъ бывшаго прикащика Рагузинскаго, тотъ самый, что еще въ люлькѣ кричалъ: «дай папки!», заключаетъ съ іеродіакономъ какого-то введенскаго монастыря Івковичемъ, очевидно сербомъ, договоръ объ отысканіи въ сенатѣ рагузской республики диплома на графское достоинство его дѣда за вознагражденіе въ 300 руб. Характерная черта времени и лица! Какъ будто этого не могъ сдѣлать самъ дѣдъ, лучше внука знавшій свое происхожденіе, такъ часто и по долгу живавшій за границей и видѣвшій живой примѣръ успѣха въ такомъ дѣлѣ на своемъ хозяинѣ. Приводимъ дословно этотъ любопытный документъ.

«1784 года генваря 30 дня я нижеподписавшейся повѣрилъ отыскать дипломъ на графское достоинство, какъ я узналъ точно, что покойный дедъ мой, Феодоръ Стефановичъ Вишнѣвскій, россійской генералъ-маіоръ и ордена святыя Анны кавалеръ, родился въ сербскомъ городѣ Белградѣ, на Дунаѣ, какъ и его отецъ Стефанъ (и предки его), а Феодоръ родилъ сына въ Россіи Гавріила, и оной находясь въ россійской же службѣ полковникомъ, а по кончинѣ его остается нынѣ въ живыхъ два сына, Иванъ и Феодоръ Гавриловы дѣти, также и дочь Елена; и оба мы находимся въ россійской же службѣ арміи полковниками; и потому естли по сему извѣренію отыщетъ предъявитель сего, свято-веденскаго монастыря іродіаконъ Софроній Івковичъ, означенный дипломъ найдостовѣреніе изъ сенату рагузской республики, то я и обязываюся за доставленіе онаго намъ съ братомъ, и наслѣдники наши, естли стоить будѣтъ, не свыше трехсотъ рублевъ ему господину Івковичу, или отъ него кому извѣрено будѣтъ, въ доставленіи онаго же диплома мнѣ и потомкамъ, то и удовольствованъ будѣтъ отъ насъ или нас-

лѣдниковъ нашихъ означенною суммою денегъ, въ чемъ и подпишусь съ приложеніемъ герба моего печати».

Дипломъ ли завѣтный не отыскался, или съ помощію его нельзя было ничего добиться, только внукъ пресловутаго винодѣла такъ и остался безъ своего рагузинскаго графства и долженъ былъ удовольствоваться россійскимъ дворянствомъ, менѣе громкимъ, но болѣе прибыльнымъ. Малороссія съ измѣны Мазепы стала обѣтованною землею для многихъ желавшихъ создать себѣ фортуну, устроить благополучіе своего потомства. Лучше всѣхъ смекали это югославянскіе пришельцы и ютились по преимуществу здѣсь. Знаменитый патронъ Вишневскаго Рагузинскій, по пожалованію благоволившаго къ нему Петра, обѣими руками подбиралъ «маентности» измѣнниковъ и что лежало о бокъ ихъ. Если его протеже явился въ семъ дѣлѣ болѣе скромнымъ, то быть можетъ быть потому, что центръ его дѣятельности былъ въ Токаѣ. Но одновременно съ нимъ выступали и дѣйствовали въ томъ же направленіи Милорадовичи, Владиславичи, Божичи, Богъ вѣсть откуда налетѣвшіе грузинскіе царевичи и князья, потомъ Хорваты, Депрерадовичи, Шевичи, Зоричи, а между ними случайные также нѣмцы и французы, рядомъ съ коренными русскими, отъ которыхъ не отставала и которыхъ подъ часъ перегоняла мѣстная козачья старшина. Во всей странѣ съ начала и до конца почти столѣтія шла невѣроятная пертурбація, чрезвычайная, радикально мѣнявшаяся ломка и смѣна одного порядка другимъ: коллегія смѣнялась единоличнымъ режимомъ, канувшее въ вѣчность гетманство генералъ-губернаторствомъ, послѣднее намѣстничествомъ съ примѣненіемъ и увеличеніемъ общихъ правъ и льготъ для одного класса и ограниченіемъ ихъ для другихъ. Въ это переходное, такъ благопріятное для многихъ время Иванъ Гавриловичъ Вишневскій, благодаря своей тетушкѣ скоро дослужившійся до чина полковника, поддаваясь, быть можетъ, общему теченію, поѣхалъ въ 1771 году въ благословенную Малороссію осмотрѣть свое имѣніе,—поѣхалъ, какъ говоритъ семейное преданіе, на короткое врема, такъ какъ тетка его Нарышкина, при своихъ связяхъ въ Петербургѣ, имѣла въ виду лучше устроить его тамъ. Но тутъ вышелъ казусъ, измѣнившій его карьеру, вопреки намѣреніямъ покровительницы. Въ Малороссіи, вблизи своего имѣнія, молодой полковникъ познакомился съ семействомъ Степана Васильевича Томары и въ тотъ же годъ женился

на дочери его Ульянѣ. Хотя Томара также былъ внукомъ греческаго выходца, начавшаго свою карьеру въ скромной роли «крамаря», но онъ вошелъ уже въ ряды знатной малороссійской старшины, имѣлъ значительныя помѣстья, былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Кочубей [1]), состоялъ въ родствѣ съ выдвинувшимся теперь Безбородкомъ, по женитьбѣ брата своей жены Павла Васильевича на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородковнѣ. И однако Нарышкина, какъ гласитъ преданіе, осталась крайне недовольна этимъ бракомъ. Лишившись ея расположенія, Иванъ Гавриловичъ не продолжалъ уже службы въ Петербургѣ и изъ Петербурга выѣхалъ сначала въ свои тверскія помѣстья, доставшіяся ему по матери, а послѣ въ свое полтавское имѣніе с. Фарбованое. Получивъ затѣмъ мѣсто предсѣдателя кіевской уголовной палаты, онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ и выстроилъ себѣ домъ на Печерскѣ по Миліонной улицѣ. При проѣздѣ Екатерины II въ домѣ этомъ, по семейному преданію, останавливалась А. Н. Нарышкина и по вечерамъ принимала въ немъ государыню. Наступило тихое время для края и такая же жизнь для давняго полковника, мечтавшаго когда-то объ иной карьерѣ. Все послѣдующее время Иванъ Гавриловичъ дѣлилъ между однообразными дѣлами службы и мирными занятіями книгой, мало мѣшаясь въ хозяйство и предоставивъ его вполнѣ заботамъ своей жены. А онъ, не смотря на малограмотность приведеннаго выше договора съ іеродіакономъ Івковичемъ, былъ очень образованнымъ человѣкомъ своего времени. Отзывы объ немъ въ этомъ смыслѣ находимъ въ Запискахъ Вигеля; тоже подтверждаютъ находящіеся у насъ каталоги его библіотеки, а также нѣкоторыя принадлежавшія ему книги, въ особенности его замѣтки на тѣхъ и другихъ, говорящія о его любознательности, обширной начитанности и живѣйшемъ интересѣ, съ какимъ онъ относился къ вопросамъ богословскимъ и философскимъ, историческимъ и юридическимъ и во-

[1]) Намъ передавалъ Валеріанъ Андреевичъ Ивановъ (пасынокъ дочери Ивана Гавриловича Вишневскаго, Надежды Ивановны) разсказъ о бракѣ С. В. Тамары на А. В. Кочубей. Браку этому сильно препятствовали родные невѣсты, гордившіеся своею знатностью; Томара же, заручившись согласіемъ невѣсты, увезъ ее изъ родительскаго дома, причемъ какъ онъ, такъ и невѣста, верхомъ на коняхъ, окруженные верховыми козаками того полка, въ которомъ служилъ Томара, на случай обороны отъ преслѣдованія, прискакали въ намѣченную заранѣе деревню и едва успѣли обвѣнчаться до прибытія родителей.

обще къ ходу современной ему русской и иностранной литературы. Этимъ разностороннимъ образованіемъ и любовію къ книгѣ объясняются и заботы Ивана Гавриловича о воспитаніи своихъ дѣтей, изъ которыхъ дочерямъ онъ далъ солидное воспитаніе дома, а сыновей, по примѣру дяди ихъ Василія Степановича Томары (по матери), воспитаннаго за границею, посылалъ для окончанія ихъ образованія въ львовскій университетъ [1]). Скончался Иванъ Гавриловичъ 7 мая 1800 года и погребенъ въ родовомъ своемъ имѣніи, въ с. Фарбованомъ.

По нѣкоторымъ даннымъ изъ дѣла, происходившаго между дѣтьми его за наслѣдство, видно, что послѣ него оставались записки, на которыя ссылались сыновья его Степанъ и Гавріилъ Вишневскій, доказывая, что сестры ихъ Анна Туманская, Надежда Ганжа и Варвара Муссманъ были выдѣлены изъ отцевскаго имѣнія приданымъ при выходѣ ихъ въ замужество за жизни отца. Нѣкоторые отрывки изъ этихъ записокъ вошли въ печатную сенатскую записку по названному дѣлу, обязательно сообщенную намъ А. М. Лазаревскимъ. По нимъ видно, что записки ведены на манеръ общераспространенныхъ тогда въ Малороссіи домашнихъ записныхъ книгъ, писаны подъ названіемъ календаря и обнимаютъ собою 1801, 1805, 1807 и 1808 годы. Въ отрывкахъ, между прочимъ, значится слѣдующее:

»1801 года октября 15 го писалъ я къ дочери Аннѣ Туманской съ увѣдомленіемъ, что данную на владѣніе дворовыхъ людей въ приданое получить имѣетъ она отъ генералъ маіора Егора Кузанова,—къ нему оная теперь отправлена.

1805 года января 15-го получилъ отъ свояченицы Надежды Зильбергарнишевой черезъ почту письмо съ увѣдомленіемъ о сговорѣ дочери моей Софіи, при ней находящейся. за генералъ-маіора Петра Ганжу, также и дочь моя пишетъ о рѣшеніи и согласіи выходить замужъ за него и отъ 29 декабря 1804 года и отъ 5 января 1805 года письма изъ Херсона получены.

16-го послалъ письмо чрезъ почту въ Херсонъ къ свояченицѣ моей Надеждѣ Зильбергарнишевой и дочерѣ моей Софьи съ посылкою образа въ окладѣ серебренномъ съ позолотою.

---

[1]) Изъ письма И. Г. Вишневскаго къ женѣ своей 15 сентября 1791 года видно, что сыновья его вели журналъ за границею своего время-препровожденія, который и высылали къ нему.

Маія 20-го отправилъ подводы въ Херсонъ къ дочери моей Софьѣ съ приданымъ, съ тремя служителями: парикмахеромъ Кузьмою Дубасенкомъ, Петромъ башмачникомъ и кучеромъ Михайломъ Кляшенкомъ и пятью дѣвками: Аксиньею, Екатериною, Аграфеною, Вассою и Марьею, подъ смотрѣніемъ деревни моей Сосновы старосты Бревенка, да съ дочерью моею находится также дѣвка Аграфена Дикая.

Іюня 6 писалъ черезъ почту въ Херсонъ къ свояченицѣ мой Надеждѣ Зильбергарнишевой съ приложеніемъ вѣновнаго реэстра, даннаго дочери моей Софьѣ, при выходѣ ея въ замужество за генералъ-маіора Ганжу, для его подпису.

Іюня 23 отправлены деньги черезъ переяславскую почту ассигнаціями 2,500 руб. въ Одессъ къ Надеждѣ Зильбергарнишевой къ числу приданаго дочери моей Софьи.

Іюля 7 получено черезъ переяславскую почту съ ящиками серебро столовое для дочери моей Софьи отъ зятя моего Григорія Туманскаго изъ Москвы, какъ выше показано въ полученномъ письмѣ отъ него жь предъ симъ.

10-го писалъ черезъ почту въ Одессъ къ свояку моему Фролу Зильбергарнишеву и женѣ его Надеждѣ съ посылкою денегъ 500 р. въ приданое дочери моей Софьѣ.

1808 года сентября 14 пріѣхалъ зять Михаилъ Мусманъ. 20-го обвѣнчана дочь Варвара за онаго Михаила Мусмана, въ деревнѣ моей село Фарбованое, священникомъ Нестеровскимъ.

27-го отправлена дочь моя Варвара съ мужемъ своимъ Мусманомъ въ городъ Дубны. 29-го отправленъ обозъ съ людьми въ Дубны къ дочери моей Варварѣ.

Въ печатной сенатской запискѣ, изъ которой мы привели эти выдержки, имѣется повсюду ссылка на листы записокъ И. Г. Вишневскаго [1]), а это даетъ возможность предполагать, что самыя записки находятся при дѣлѣ выше нами названномъ, которое окончательно рѣшено осенью 1833 года въ общемъ собраніи правительствующаго сената 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ, по всеподданнѣйшей жалобѣ Мусмана на опредѣленіе 2 отдѣленія 3-го департамента сената.

Въ нашихъ семейныхъ бумагахъ мы нашли исписанный рукою Ив. Гавр. Вишневскаго полулистъ бумаги, заключающій въ себѣ

---

[1]) Дочери И. Г. Вишневскаго въ своей отвѣтной бумагѣ говорятъ, что за жизнь свою отецъ ихъ имѣлъ обыкновеніе заносить въ эту записку всякую всячину.

его чисто семейныя замѣтки. Полулистъ вырѣзанъ, кажется, изъ евангелія или другой священной книги, куда наши предки имѣли обыкновеніе вписывать обстоятельства своей семейной жизни. Привожу здѣсь эту запись, какъ автобіографическій памятникъ о самомъ Иванѣ Гавриловичѣ и его потомствѣ, снабдивъ ее нѣкоторыми своими замѣтками, въ надеждѣ, что онѣ вызовутъ дополненія и поясненія, а быть можетъ и поправки отъ членовъ многочисленнаго рода Вишневскихъ.

«1771 года іюня 29 дня женился я (И. Г. Вишневскій), въ бытность мою въ Малороссіи, на дочерѣ коллежскаго совѣтника Степана Васильевича Тамары Ульянѣ Степановнѣ, и вѣнчался я въ деревнѣ тестя моего, называемой селѣ слободкѣ Бубновской, золотоношскаго уѣзда. 1773 года сентября 3-го дня, во вторникъ, родился у меня сынъ Александръ въ Санктъ-Петербургѣ, по полуднѣ половинѣ седьмаго часу, а скончался въ 1776 году апрѣля 2-го дня въ великороссійской моей деревнѣ, твѣрскаго намѣстничества, краснохолмскаго уѣзда, селѣ Божоничахъ, гдѣ и погребенъ.

1774 года августа 6 дня, въ среду, родился у меня сынъ Феодоръ, въ Санктъ-Петербургѣ, по полуночи въ девятомъ часу половинѣ (а имянинникъ онъ того же мѣсяца 11 дня). Скончался въ Малороссіи, золотоношскаго уезду, въ деревнѣ тестя моего, селѣ Ковровѣ, 1777-го году генваря 8 дня, гдѣ и погребенъ.

1775 года октября 13 дня, во вторникъ, родился сынъ мой Стефанъ въ Малороссіи, золотоношскаго уѣзду, въ деревнѣ тестя моего, называемая Новая-Гребля, по полуночи въ началѣ десятаго часу, имянины его того же мѣсяца октября 28 дня».

Послѣдній, оставшійся въ живыхъ сынъ, Степанъ, получилъ образованіе въ львовскомъ университетѣ и, окончивъ въ немъ курсъ, опредѣлился на службу въ гвардію, но служилъ очень недолго, съ чиномъ подпоручика гвардіи вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи сперва въ тверской губерніи, гдѣ женился на Аннѣ Шубинской, а послѣ перешелъ въ полтавское свое имѣніе, село Фарбованое. Здѣсь онъ, по смерти первой жены, вторично женился на отданной было въ приданое за его сестрой Надеждою Ивановою горничной дѣвушкѣ Авдотьѣ.

Степанъ Ивановичъ обращалъ на себя вниманіе своими странностями и причудами, изъ которыхъ нѣкоторыя попали, отчасти въ извращенномъ видѣ, въ печать (Лѣсковъ. Разсказы кстати. Новь. 1885 г. № 8 и 9). Скончался онъ въ началѣ 1850 года.

Отъ перваго брака съ Анною Шубинскою у С. И. Вишневскаго было двѣ дочери: Ульяна и Анна. Дочерей этихъ онъ не любилъ и стѣснялъ ихъ въ средствахъ къ жизни, послѣдствіемъ чего была съ ихъ стороны жалоба на высочайшее имя, которая была вручена ему, какъ отцу ихъ. Положеніе бѣдныхъ дѣвушекъ въ семьѣ отъ этого нисколько не измѣнилось, выдавъ же ихъ замужъ, Степанъ Ивановичъ лишилъ ихъ всякаго наслѣдованія по себѣ.

Первая изъ этихъ дочерей, Ульяна Степановна, была въ первомъ бракѣ за Акимомъ Акимовичемъ Сулимою (род. 1780, † 1840). Въ сулимовскомъ архивѣ, изданномъ А. М. Лазаревскимъ, приведены семь писемъ Акима Акимовича къ отцу о слушаніи имъ лекцій въ московскомъ университетѣ, о посѣщеніи голицынской больницы, о частныхъ занятіяхъ архитектурою и садоводствомъ, о работахъ по приготовленію зданія для царскосельскаго лицея и о желаніи ѣхать за границу—продолжать образованіе. Письма эти относятся къ 1804—1812 г. и рисуютъ намъ человѣка, заинтересованнаго философіею и математикою, пристрастившагося къ архитектурѣ и садоводству. Такимъ, по разсказамъ, и былъ А. А. Сулима, женившись уже совсѣмъ пожилымъ человѣкомъ на Ульянѣ Степановнѣ. Вся жизнь его проходила въ постройкахъ, которыя онъ затѣвалъ то въ имѣніяхъ своихъ, то въ Кіевѣ на своихъ усадьбахъ. Особенно старался онъ выказать свой архитектурный вкусъ и познанія при постройкѣ своего дома въ Кіевѣ на Лютеранской улицѣ; но при жизни своей онъ этой постройки не кончилъ, не докончила ея и Ульяна Степановна и въ такомъ недостроенномъ видѣ домъ отданъ былъ ею, по завѣщанію 1859 г., на благотворительныя цѣли.

По разсказамъ, Акимъ Акимовичъ былъ еще очень скупъ, отъ чего много терпѣла Ульяна Степановна. Умирая, онъ отписалъ ей все свое состояніе, но она имѣла неосторожность выдать довѣренность на утвержденіе духовнаго завѣщанія и вводъ ея во владѣніе племяннику своего мужа Войцѣховичу, а тотъ, оставивъ эти бумаги безъ движенія, поспѣшилъ самъ утвердиться въ правахъ наслѣдства по Акимѣ Акимовичѣ. Ульяна Степановна затѣяла процессъ, который удалось окончить ея второму мужу, артилерій-

скому генералу Ловцову, мировою сдѣлкою, по которой она отдала Войцѣховичу родовыя сулиминскія имѣнія, а благопріобрѣтенныя (м. Мотыжинъ въ кіевской губерніи, село Рогозово въ полтавской губерніи и кіевскіе дома) оставила за собою. Выйдя вторично замужъ, Ульяна Степановна не поѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, гдѣ онъ обязанъ былъ жить по службѣ, а осталась жить въ Кіевѣ, въ небольшомъ кружку родныхъ и знакомыхъ. Состояніе свое, за исключеніемъ дома, отданнаго на благотворительныя учрежденія въ Кіевѣ, она передала, по духовному завѣщанію,—меньшую часть (с. Рогозово въ полтавской губерніи) второму своему мужу, остальное же все дочери своей родной сестры Кандыбиной, Марьѣ Николаевнѣ, по мужу Савицкой [1]).

Вторая дочь отъ перваго брака С. И. Вишневскаго, Анна Степановна, вышла замужъ за помѣщика черниговской губерніи, отставного поручика Николая Кандыбу. У ней были: сынъ Николай и дочь Марія, вышедшая замужъ за генералъ-маіора В. Ю. Савицкаго.

Отъ втораго брака С. И. Вишневскаго съ дѣвицею Авдотьею были дѣти: сынъ Николай, рожденный до брака,—его отецъ надѣлилъ капиталомъ, послѣ чего онъ поселился въ Москвѣ, и дочь Ольга Степановна, вышедшая замужъ за барона Э. К. Штромберга,—ей С. И. передалъ все свое имѣніе какъ въ полтавской, такъ и въ тверской губерніяхъ.

«1777 года іюня 8 дня, въ четвертокъ, родился у меня сынъ Гавріилъ, въ Малороссіи, уѣзда переяславскаго, селѣ Фарбованнѣ, по полудни одинадцатаго часу, имянины его іюля 13 дня».

Коллежскій асессоръ Гавріилъ Ивановичъ Вишневскій, окончивъ свое образованіе за границею въ львовскомъ университетѣ, при посредствѣ своего дяди по матери, Томары, поступилъ на службу въ Петербургъ въ иностранную коллегію; но на службѣ оставался не долго, такъ какъ, пріѣхавъ въ Малороссію и женившись здѣсь противъ воли родителей своихъ на Мареѣ Михайловнѣ Волховской (дочери кременчугскаго городничаго), лишился средствъ

---

[1]) Въ родѣ Савицкихъ, у дѣтей М. Н. и В. Ю. Савицкихъ, должны сохраняться бумаги А. А. Сулимы, не вошедшія въ сулимовскій архивъ. Интересно было бы познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

къ продолженію петербургской жизни. При жизни отца и первое время послѣ его смерти онъ проживалъ въ нѣжинскомъ уѣздѣ, у родственниковъ своей жены Петра и Татьяны Волховскихъ, а послѣ въ имѣніяхъ своихъ тверской и полтавской губерніи. Умеръ Гавріилъ Ивановичъ въ концѣ 1840-хъ годовъ.

Отъ брака Гавріила Ивановича Вишневскаго съ Марьею Михайловною Волховскою были дѣти:

1. Сынъ Иванъ Гавриловичъ; сначала служилъ въ военной службѣ, а послѣ по выборамъ дворянства, былъ женатъ на Аделаидѣ Дмитріевнѣ Селецкой. У нихъ дѣти: Иванъ, Гавріилъ, Дмитрій, Митрофанъ, Варвара и Вѣра.

2. Дочь Ульяна Гавриловна, въ замужествѣ за артиллерійскимъ генераломъ Глинкою.

3. Дочь Елизавета Гавриловна, въ замужествѣ за генераломъ Пичугинымъ.

4. Дочь Александра Гавриловна, въ замужествѣ за Безручко-Высотскимъ.

5. Дочь Вѣра Гавриловна, въ замужествѣ за княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Долгорукимъ. У нихъ было два сына и три дочери; изъ нихъ извѣстны: сынъ Василій Михайловичъ, нынѣ витебскій губернаторъ и дочь свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская.

6. Дочь Софья Гавриловна, извѣстная красавица, бывшая въ замужествѣ за Писаревымъ, правителемъ канцеляріи у кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, впослѣдствіи олонецкимъ губернаторомъ.

7. Дочь Надежда Гавриловна, бывшая въ замужествѣ за Карпачевымъ и

8. Дочь Варвара Гавриловна, бывшая въ замужествѣ за извѣстнымъ богачемъ и библіофиломъ Иваномъ Яковлевичемъ Лукашевичемъ.

«1778 года мая 19 дня въ субботу родилась у меня дочь Анна, въ Малороссіи, уезда переяславскаго, въ деревнѣ моей селѣ Фарбованнѣ, по полуднѣ одинадцатаго часу. Имянины ее іюля 15 дня».

Анна Ивановна Вишневская вышла замужъ 12 февраля 1799 г. за генералъ-маіора Григорія Туманскаго, рано овдовѣла и жизнь свою провела то въ Петербургѣ, то въ Кіевѣ, то въ своихъ имѣніяхъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Будучи женщиною

умною и очень строгою, она въ кругу своей родни имѣла громадный авторитетъ; скончалась въ Кіевѣ въ 1858 году.

Дѣти ея:

1. Дочь Ульяна Григорьевна, бывшая замужемъ за прапорщикомъ артиллеріи Дмитріемъ Александровичемъ Санковскимъ. Умерла бездѣтной.

2. Дочь Софья Григорьевна замужемъ за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Александромъ Григорьевичемъ Милорадовичемъ. У нихъ дѣти:

1. Графъ Григорій Александровичъ Милорадовичъ.

2. Леонидъ Александровичъ Милорадовичъ.

3. Александра Александровна въ замужествѣ за тайнымъ совѣтникомъ В. Д. Дунинъ-Борковскимъ.

4. Анна Александровна въ замужествѣ за Грековымъ.

5. Софья Александровна (†) въ замужествѣ за Казнаковымъ.

«1779 года, іюля 20 дня въ субботу, родилась у меня дочь Софья въ Малороссіи, уезда переяславскаго, деревнѣ моей селѣ Фарбованнѣ, по полуночи въ началѣ перваго часу (имянины въ сентябрѣ 17 дня)».

Софья Ивановна Вишневская въ октябрѣ 1805 года вышла замужъ за генералъ-маіора Петра Осиповича Ганжу; проживала въ имѣніи мужа кобеляцкаго уѣзда полтавской губерніи.

У нихъ дочь Ульяна Петровна въ замужествѣ за Александромъ Владиміровичемъ Юзефовичемъ.

«1781 года октября 27 дня, въ среду, родилась у меня дочь Екатерина въ Малороссіи, уезда переяславскаго, селѣ Фарбованнѣ, по полуночи въ началѣ осмого часа. Скончалась въ Кіевѣ отъ воспы по полуночи въ шестомъ часу 1786 года апрѣля 27 дня и погребена въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ».

«1783 года маія 16 дня во вторникъ родилась у меня дочь Елена въ Кіевѣ по полудни втораго часу половинѣ (имянины ея мая 21 дня)».

Елена Ивановна Вишневская, послѣ смерти отца своего, въ апрѣлѣ 1818 г. вышла замужъ за коллежскаго совѣтника Михаила Семеновича Бардакова († 1850) и проживала то въ иолтавской губерніи въ своемъ имѣніи с. Фарбованомъ, то въ Кіевѣ. Скончалась 21 ноября 1862 г.

У нихъ одна дочь Ульяна Михайловна (род. 1820, скончалась 1853 г.) въ замужествѣ за коллежскимъ совѣтникомъ Степаномъ

Ивановичемъ Лашкевичемъ (1809—1872). У нихъ дѣти Иванъ († 1869), Александръ, Сергѣй († 1877) и Анастасія.

«1785 года сентября 22 дня, въ понедѣльникъ, родилась у меня дочь Варвара въ Кіевѣ, по полудни девятаго часу въ началѣ (имянины въ декабрѣ 4 дня)».

Варвара Ивановна Вишневская вышла замужъ 20 сентября 1808 года за коллежскаго асессора Михаила Родіоновича Мусмана († 1848 г.). Жила въ Кіевѣ при мужѣ, считавшемся однимъ изъ кіевскихъ богачей того времени.—О странностяхъ его ходитъ и теперь еще много разсказовъ.

У нихъ сынъ Михаилъ Михайловичъ Мусманъ († въ 1880 г.), женатый на дочери генералъ-маіора Олимпіадѣ Андреевнѣ Ивановой († въ 1856 г.), и отъ нихъ дѣти: Борисъ, Варвара и Александра.

«1786 года сентября 30 дня, въ среду, родилась у меня дочь Надежда, по полуночи третьяго часа половинѣ, въ городѣ Кіевѣ (имянины ея сентября 18 дня».

Надежда Ивановна Вишневская вышла замужъ за начальника кіевскаго арсенала генералъ-маіора Андрея Захарьевича Иванова—проживала то въ Кіевѣ, то въ имѣніи мужа своего въ полтавской губерніи. Скончалась въ концѣ 1840-хъ годовъ бездѣтной; родовое имѣніе ея перешло къ Ульянѣ Михайловнѣ Лашкевичъ.

«1788 года маія 6 дня, въ субботу, родилась у меня дочь Александра, по полудни въ одинадцатомъ часу, въ пятнадцатой минутѣ, въ Кіевѣ (имянины ее маія 18 дня). Скончалась въ Кіевѣ 1791 года маія 19 дня по полудни въ одинадцатомъ часу и погребена въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ.

А. Лашкевичъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА УКРАЙНЫ КОНЦА XVIII В.

I.

Сожженіе вѣдьмы [1]).

I.

Нерадостно встрѣтило Пасху 1799 г. населеніе мѣстечка *Жашкова* [2]). Шла уже вторая половина апрѣля, а до сихъ поръ не выпало ни одной капли дождя. Стояли жаркіе, даже удушливые дни, какіе бываютъ здѣсь только въ самомъ разгарѣ лѣта. Поля и лѣса давно уже зазеленѣли, но безъ влаги растительность медленно развивалась. Недоброе чуялось въ этомъ знойномъ не по времени воздухѣ: и люди, и скотъ ходили опустя голову. Точно такая же весна была и въ прошломъ году, и въ запрошломъ, и раньше: вотъ уже шестой годъ стоитъ въ этомъ благодатномъ прежде краѣ невѣроятная засуха. Особенно сильна она была въ послѣдніе три года, когда полные неурожаи совсѣмъ измучили крестьянъ. Кто могъ, тотъ ушелъ на дальніе заработки—на Донъ, въ Слободскую Украйну, или поближе—на Волынь и въ Полтавщину. Оставшіеся съ нетерпѣніемъ ждали весны, надѣясь, что одинъ годъ урожая

---

[1]) Очеркъ основанъ на дѣлѣ *таращанскаго* уѣзднаго суда, хранящемся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи (по описи 1-й № 94).

[2]) М. Жашковъ—нынѣ таращанскаго уѣзда кіевской губерніи, на ручьѣ Торчѣ—принадлежитъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ края. Памятно оно и въ новой исторіи Малороссіи. Жашковскія поля занимаютъ часть извѣстнаго *Дрыжи—поля* (около дер. *Баївы*), гдѣ 20 генваря 1656 г. происходила знаменитая битва Богдана Хмельницкаго съ Лянцкоронскимъ, Потоцкимъ и Чарнецкимъ и гдѣ такъ отличился Богунъ (см. *Л. Похилевича* „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіев. губ.“, стр. 465).

поправитъ все испорченное предъидущимъ трехлѣтіемъ. Правда, голода и полной нужды еще не было: до этихъ послѣднихъ годовъ жилось тамъ привольно, о неурожаяхъ не было и помину, такъ что у населенія скопились значительные запасы хлѣба и скота. Но теперь они близились къ концу. Еще одинъ неурожайный годъ и— всѣ остатки прежнихъ запасовъ будутъ доѣдены. Чувствовалось приближеніе настоящаго голода...

Оттого и ждали въ Жашковѣ такъ боязливо весны 1799 г. Она пришла и, къ ужасу крестьянъ, грозила тѣмъ же, что и въ прошломъ году. Будущее вставало предъ встревоженными ихъ умами во всемъ своемъ грозномъ величіи и волновало безконечно. Всѣ думы и разговоры жашковцевъ были направлены на одну эту тему о будущемъ неурожаѣ. Каждый день съ первой зари и до поздняго вечера ихъ взоры невольно тянулись къ небу въ томительномъ ожиданіи, не покажется-ли гдѣ хотя небольшое облачко, которое теперь было для нихъ дороже всего на свѣтѣ. Но съ самаго ранняго утра и до темной ночи видѣли они тамъ одинъ раскаленный солнечный шаръ, медленно плывущій по безоблачному небу и обдававшій своими горячими лучами все живое.

Скучно и тихо тянулись дни Пасхи въ м. Жашковѣ. Днемъ никого не видно было на улицѣ, кромѣ самыхъ малыхъ дивчатокъ и хлопчиковъ, которымъ еще непонятно было горе ихъ отцовъ и матерей. А въ былые годы какъ шумлива и оживлена была съ самаго ранняго утра эта улица въ этотъ любимѣйшій изъ праздниковъ! Сколько тутъ было живого смѣху, сколько милыхъ пѣсень и бойкихъ игръ! Теперь все какъ рукой сняло. За стариками пріуныла и молодежь. Всѣ больше хоронились по угламъ, а если и сходились, то только для того, чтобы перемолвить другъ съ другомъ о проклятой жарѣ и о надеждахъ на благодатный дождь.

Только вечерами, съ наступившей прохладой, когда скрывалось это ужасное солнце, а вмѣсто него выплывала спокойная луна, нѣсколько оживлялось и старое, и молодое поколѣніе. Старики подбадривали молодыхъ, да тѣ и сами чувствовали потребность разогнать живыми играми и смѣхомъ одолѣвавшія всѣхъ недобрыя предчувствія въ близкомъ будущемъ. Южная кровь и эгоизмъ молодости брали свое. Въ тиши роскошныхъ лунныхъ но-

чей затягивалась пѣсня, заводились игры и—грядущее горе хотя на время забывалось.

Но днемъ было не то. Днемъ опять появлялось солнце, опять жгло, раскаляя и воздухъ и землю, опять нагоняло на людей тоску и страхъ за будущее.

Только на 3-й день праздника, 19 апрѣля, улица Жашкова неожиданно оживилась и днемъ. Послѣ полудня, когда старики, пообѣдавши, выспались и хозяйки покончили съ домашними хлопотами, народъ понемногу сталъ высыпать на улицу, сосредоточиваясь главнымъ образомъ около одного пункта—у корчмы жида Сруля.

Не весело было въ эти дни и жидовской душѣ Сруля. Плохо пили въ эти праздники его горилку. Только самые домовитые хозяева Жашкова, у которыхъ водились еще въ скрыняхъ остатки турецкихъ лиръ и польскихъ червонцевъ—воспоминанія о недавнемъ прошломъ гайдаматчины...—только они, ради Великодня, позволяли себѣ угостить пріятелей срулевской горилкой. Но такихъ было немного, а большинство сходилось къ корчмѣ только ради того, чтобы повидаться съ односельчанами и поговорить о наболѣвшей злобѣ дня. Къ хозяевамъ льнули и жинки, за ними тянулись къ корчмѣ и парубки съ дивчатами—«послухать, що балакають диды» у Сруля. Мелкимъ бѣсомъ извивался послѣдній передъ своими гостями, успокоивая ихъ всячески, передавая вѣсти проѣзжавшихъ жидовъ о дождяхъ, выпавшихъ будто бы въ окрестныхъ селахъ. Но плохо вѣрили жидовскимъ росказнямъ напуганные жашковцы и не тянуло ихъ къ горѣлкѣ, не смотря на то, что Сруль охотно предлагалъ ее всѣмъ въ кредитъ.

Народу прибывало къ корчмѣ все больше и больше. Пришли туда и Микола *Коваль* съ Панасомъ *Литвиненкомъ*, первые хозяева и самые «розумныя головы» въ селѣ, главные коноводы жашковцевъ во всѣ рѣшительные моменты ихъ жизни. Коваль былъ высокій, сухой старикъ, 55 лѣтъ, съ задумчивымъ и серьезнымъ лицомъ, внушавшимъ большое довѣріе. Онъ и пользовался имъ вполнѣ у своихъ односельчанъ, какъ человѣкъ бывалый, много повидавшій на своемъ вѣку. Ходили разные слухи о его прошломъ. Припоминали старики, что молодость свою Коваль провелъ не то въ Запорожьѣ, не то у гайдамакъ. Вернулся онъ въ Жашковъ

послѣ страшныхъ дней Коліивщины, поселился сначала у отца, а тамъ скоро женился и сразу зажилъ богатымъ козакомъ. Разныя были догадки о происхожденіи его богатства, но самъ Коваль видимо избѣгалъ всякихъ разговоровъ о своихъ прошлыхъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту. Это-ли неясное прошлое, или что другое наложило на Коваля печать задумчивости. Не любилъ онъ много говорить, и тѣмъ больше вѣсу было въ его рѣчахъ, когда обстоятельства вынуждали его высказываться. Его охотно слушали и еще охотнѣе исполняли его совѣты. Въ описываемое время Коваль былъ счастливымъ семьяниномъ, имѣлъ 4 сыновей и 7 дочерей.

Панасъ Литвиненко представлялъ совершенную противоположность своему пріятелю Ковалю. Небольшаго роста, крѣпкій, плечистый старикъ, ровесникъ Ковалю, съ веселымъ, подвижнымъ лицемъ, съ веселымъ смѣхомъ и шутками на устахъ. Это былъ первый говорунъ въ селѣ и большой руки юмористъ. Въ молодости онъ верховодилъ жашковскими парубками, да и теперь Панасъ хотя былъ уже почтеннымъ семьяниномъ, въ веселыя минуты по прежнему льнулъ къ молодежи. Та охотно принимала его въ свое общество, зная, что гдѣ повернется Опанасъ, тамъ смѣхъ и шутки. Даже въ описываемое, тяжелое для Жашкова, время Литвиненко былъ бодрѣе другихъ и не забывалъ чаще другихъ навѣдываться къ Срулю и пробовать его горѣлку. Сруль чувствовалъ теперь не обычайное расположеніе къ Панасу, хотя тотъ по прежнему болѣе всего жартовалъ надъ «бидным жидкомъ» и его племенемъ. Самъ Опанасъ значительно обѣднѣлъ за послѣдніе неурожаи и потому не столько самъ тратился на срулевскую горѣлку, сколько понуждалъ къ тому своего друга Коваля. Послѣдній по своей степенности избѣгалъ корчмы и, если заходилъ туда, то только ради Панаса и другихъ пріятелей.

И въ описываемый день, 19 апрѣля, Коваль не думалъ идти на собраніе жашковцевъ у корчмы. Послѣ обѣда пришелъ къ нему панскій «козакъ» Грицько и позвалъ его на панскій дворъ, къ экономy *Мочульскому*. Коваль обѣщалъ ему принести для панскаго баштана «кавунное насіння», хорошо уродившееся у него въ прошломъ году. Отнеся сѣмя къ Мочульскому, Коваль шелъ домой. Но путь лежалъ мимо корчмы, а тамъ уже засѣдали Панасъ Литвиненко съ Савеліемъ *Ракомъ*, Гарасымомъ *Дехтяремъ*, Осипомъ

Корнѣйчукомъ и другими жашковцами. Они кликнули Коваля и тотъ долженъ былъ подойти къ пріятелямъ.

Въ значительной уже толпѣ, собравшейся у корчмы, шелъ оживленный разговоръ, переходившій мѣстами въ горячій споръ. Болѣе всѣхъ горячились старики Литвиненко и Ракъ. поддерживаемые молодыми хозяевами—Корнѣйчукомъ и Дехтяремъ. Они въ чемъ-то горячо убѣждали хлопцевъ и чего-то требовали отъ нихъ. Во главѣ молодежи стоялъ 20-ти лѣтній Ѳедоръ *Рачокъ* (племянникъ Савелія Рака), самый энергичный изъ жашковскихъ парубковъ, такой же подвижный и веселый, какимъ былъ въ молодости, да и доселѣ отчасти остался Панасъ Литвиненко. Бывшія у корчмы бабы и дивчата держали сторону стариковъ, а надъ хлопцами зло подсмѣивались. Особенно жестоко подтрунивалъ надъ ними Панасъ. Они были задѣты за живое и стали мало по-малу склоняться на убѣжденія стариковъ. Приходъ Коваля и его рѣшительный голосъ окончательно повліялъ на парубковъ. На сколько Ѳедоръ Рачокъ противился сначала старикамъ, на столько теперь онъ отдалъ себя съ товарищами въ полное ихъ распоряженіе и сталъ главнымъ орудіемъ задуманнаго ими предпріятія.

О чемъ-же шелъ споръ у срулевской кврчмы? на какое предпріятіе толкнули свою молодежь Коваль и другіе жашковскіе старики?

II.

Подходя къ корчмѣ, Коваль ясно услышалъ много разъ повторяемое имя «бабы *Магдалены*»..... Онъ невольно вздрогнулъ: это имя и у него самого въ послѣднее время не выходило изъ головы, и не разъ уже заводилъ онъ о Магдалинѣ рѣчь съ своей старой бабой *Татяной* и съ пріятелемъ Опанасомъ. Ковалиха давно уже не давала мужу покоя и вѣчно тараторила про бабу Магдалину, требуя отъ Коваля принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ противъ козней этой «*видьмы*»..... А Татяна самая опытная въ селѣ баба по части всякихъ повѣрій и обычаевъ. Ужъ если она такъ рѣшительно заговорила о Магдалинѣ, значитъ, пришла пора Ковалю встрять въ это дѣло и энергично повести его во имя блага роднаго села.....

Коваль, какъ и другіе односельчане, хорошо помнилъ *покойную* Магдалину, небольшаго роста и страшной худобы старушонку.

А когда то, вспоминали жашковскія старыя бабы, это была юркая, веселая, прехорошенькая дивчина. Родители ея рано умерли и сироту взяли въ панскій домъ. Жашковъ принадлежалъ тогда ротмистру панцырной хоругви, пану Францишку-Антонію *Ледуховскому*. Бѣдную Магдалину взяли въ комнаты къ самой пани, которая очень привязалась къ ней. Но, на несчастье обѣихъ, привязанность къ Магдалинѣ почувствовалъ вскорѣ и красавецъ-мужъ некрасивой пани... Опозоренную имъ дѣвушку выгнали изъ панскаго дома и насильно выдали замужъ за немилаго человѣка. Недолго, впрочемъ, она помучилась съ нимъ: вскорѣ умерли и мужъ ея, и единственный ребенокъ. Молодая вдова ушла изъ Жашкова. Гдѣ она бродила, что дѣлала на чужой сторонѣ, никто не зналъ. Жашковцы стали уже забывать о ней, какъ вдругъ, лѣтъ черезъ 20 послѣ исчезновенія изъ села, Магдалина вновь появилась на родинѣ, но уже совершенною старухою. Это совпало какъ разъ со смертію жены Ледуховскаго... Словно нарочно ждала Магдалина, пока исчезнетъ изъ роднаго села ея соперница пани... Магдалина поселилась въ своей запустѣвшей хатѣ, поправила ее, завела корову и птицу. Ея землей давно уже пользовались родственники и она не стала требовать ее обратно. Видимо, у ней были кое-какіе достатки, заработанные на чужой сторонѣ.

Жила она одиноко въ своей хатѣ, но съ односельчанами сходилась охотно и совсѣмъ не чуждалась ихъ. Напротивъ: всякое горе и несчастіе жашковцевъ, особенно женской половины, вызывало самое теплое участіе и дѣятельную помощь доброй бабы Магдалины. Заболѣетъ-ли кто, Магдалина сейчасъ является въ хату больнаго, ухаживаетъ за нимъ, подаетъ совѣты, лечитъ разными приготовленными ею снадобьями. Не одного больнаго подняла она на ноги. А умретъ больной, она и на похоронахъ всегда первая: и за дѣтьми посмотритъ, и по хозяйству поможетъ, и все укажетъ, какъ слѣдуетъ по дѣдовскимъ обычаямъ снарядить человѣка въ дальній путь... По вопросамъ домашняго и полевого хозяйства, даже по общественнымъ дѣламъ громады ея совѣты также высоко цѣнились. Всегда и во всемъ она давала знать въ себѣ человѣка большой житейской опытности и разума. Къ ея совѣтамъ стали прибѣгать, кромѣ жашковцевъ, и жители сосѣднихъ селъ. Всѣмъ она охотно служила и всѣ смотрѣли на нее только какъ на добрую,

знающую и умную женщину, многому научившуюся въ 20 лѣтъ своей скитальческой жизни.

Въ ея лечебныхъ познаніяхъ никто не видѣлъ ничего чуднаго: рѣдкое село обходилось безъ подобной бабы-лекарки, представительницы вѣковаго опыта народной медицины. Притомъ же Магдалина чуждалась всякихъ шарлатанскихъ пріемовъ и таинственной обстановки. Совѣты свои она давала просто, откровенно, не выдавая составляемыхъ ею лекарственныхъ снадобій за свой секретъ и изобрѣтеніе. Во всемъ ссылалась она на завѣтъ «старихъ людей», на опытъ «билого свиту», къ которому не даромъ присматривалась въ своихъ долголѣтнихъ и дальнихъ странствованіяхъ. Когда ни въ томъ, ни въ другомъ Магдалина не находила отвѣта на предлагавшіяся ей задачи, она прямо отказывала въ помощи, не прибѣгая ни къ какому надувательству. Что знала она, то и дѣлала, а за большее не бралась. Да и то внушало къ ней особое довѣріе, что за свою помощь и совѣты она не брала ничего, кромѣ спасибо и ласковаго слова.

Въ одномъ только чуждалась Магдалина своихъ односельчанъ. На ихъ горе она всегда откликалась очень живо, но въ дни веселья отходила въ сторону, пряталась отъ людей въ своей хатѣ. Ее не видали ни на свадьбахъ, ни на «бесѣдахъ», ни на «собраніяхъ» у корчмы и т. п. Не зависть къ чужому счастью и веселью заставляла ее уклоняться въ подобныя минуты отъ людскаго общества, но тутъ было другое. Ея личную жизнь такъ исковеркала судьба, такъ давно уже и навсегда она забыла о возможности для себя личнаго счастья, такъ отвыкла отъ самой мысли о немъ, что всякая встрѣча съ чужимъ счастьемъ пугала ее своею неожиданностію, она терялась передъ нимъ, не знала, какъ повести себя тутъ. Но она умѣла и издали входить въ интересы счастья другихъ. Не только дивчата, даже парубки охотно выкладывали передъ нею свои несложные романы, спрашивая совѣта и разрѣшенія разныхъ недоумѣній. Иногда, на первыхъ порахъ пребыванія Магдалины въ Жашковѣ, односельчане обращались къ ней и съ разными таинственными просьбами: то дать какое нибудь зелье, чтобы приворожить неподдающееся любви сердце, то пошептать надъ чьимъ либо именемъ для той или иной цѣли и т. п. Но въ подобныхъ случаяхъ Магдалина всегда отдѣлывалась неизмѣннымъ отвѣтомъ,

что такихъ средствъ она не знаетъ и помочь тутъ не можетъ. На первыхъ порахъ ей не вѣрили, приписывая ея отказы разнымъ побужденіямъ, но въ концѣ концовъ перестали обращаться къ ней за различными таинственными пособіями. Вообще, на нее смотрѣли только какъ на «*знахарку*», знающую, опытную женщину, но никто даже въ шутку никогда не величалъ ее вѣдьмой, кольдуньей....

Такъ тихо прожила Магдалина въ Жашковѣ около 10 лѣтъ, пользуясь всеобщею любовью. Состарѣвшійся панъ ротмистръ Ледуховскій если и не забылъ о своей прежней привязанности къ Магдалинѣ, то теперь уже не обращалъ на нее особаго вниманія. Но онъ простилъ ей побѣгъ изъ села и дозволилъ спокойно доживать вѣкъ въ своей хатѣ.

Нѣсколько разъ Магдалина уходила лѣтомъ изъ Жашкова, но куда и зачѣмъ—никому не говорила и не любила разспросовъ о томъ. Послѣ одной изъ такихъ отлучекъ, въ 1793 г., она вернулась домой необыкновенно задумчивою, еще болѣе постарѣвшею и какъ-то совсѣмъ опустившеюся. Что-то особенное мучило ее, не давало ей покоя. Такъ прожила она около двухъ недѣль. Новое-ли какое горе сломило ея и до того надломленныя силы, или вся ея безрадостная жизнь истомила ее въ конецъ, но она не выдержала этой внутренней борьбы и въ одну ночь «сама собою *обвѣсилась*» въ своей «коморѣ»..... Пришедшая по утру къ Магдалинѣ ея пріятельница Татяна Ковалиха—первая наткнулась на похолодѣвшій трупъ бѣдной женщины и дала знать о семъ своимъ односельчанамъ.

Всѣ искренно пожалѣли о доброй, полезной женщинѣ и о ея «загубленной душѣ»..... Какъ ни благоволили къ ней всѣ жашковцы, начиная съ мѣстнаго батюшки о. *Гвоздіевскаго*, считавшаго Магдалину чуть-ли не самою достойною изъ своихъ прихожанокъ, но такой ужасный конецъ не давалъ ей права ни на христіанское отпѣваніе, ни на погребеніе на кладбищѣ. Приходилось похоронить ее безъ священника и гдѣ нибудь въ полѣ, на перекресткѣ, по мѣстному обычаю. Но тутъ неожиданно вступился за Магдалину самъ панъ А. Ледуховскій, вѣроятно вспомнившій теперь свои былыя отношенія къ покойной..... Онъ настоялъ, чтобы похоронили ее «на *цвинтарѣ*, между христіанами». Тамъ родственники Магдалины и положили ее, но, понятно, безъ обряда отпѣванія.

Какъ ни любили Магдалину въ Жашковѣ, но это невольное вторженіе ея послѣ смерти въ такое мѣсто, гдѣ, по народному вѣрованію, она не должна была лежать, сильно не понравилось жашковцамъ, особенно старикамъ. Помня хорошую добрую душу Магдалины, они ничего не высказывали въ началѣ противъ распоряженія Ледуховскаго, даже какъ будто сочувствовали ему отчасти (многіе, напримѣръ, охотно помогали родичамъ Магдалины во время похоронъ ея). Но въ душѣ у многихъ стариковъ и бабъ залегло какое-то смутное неудовольствіе противъ панскаго распоряженія, нарушавшаго одинъ изъ дѣдовскихъ завѣтовъ. Быть можетъ, это смутное чувство со временемъ улеглось-бы окончательно, замерло, но тутъ подошли эти тяжелые неурожайные годы, какъ разъ вскорѣ послѣ несчастной смерти Магдалины и въ народѣ пошли бродить разные слухи и толки на тему этой смерти и этого незаконнаго погребенія удавленницы среди мирно опочившихъ христіанъ..... Народная фантазія нашла себѣ тутъ богатую пищу.

Негаданное несчастіе, свалившееся на Жашковъ въ видѣ трехлѣтняго неурожая, невольно возбуждало въ умахъ крестьянъ вопросъ о причинахъ этого бѣдствія. Откуда оно пошло? Оглядывались вотругъ, допытывались другъ у друга и у сосѣдей, раскидывали умомъ и такъ и сякъ—отвѣта нигдѣ не было! А тутъ у стариковъ давно уже готовился отвѣтъ..... Недаромъ они такъ знаменательно покачивали головами и тяжко вздыхали въ то время, какъ панъ Антоній приказалъ похоронить Магдалину на цвинтарѣ! Чуяли они и тогда, что добра отъ этого не будетъ. Такъ оно и вышло: съ самого года ея смерти (1793 г.) пошли въ Жашковѣ сильныя засухи, чѣмъ дальше—все хуже и хуже. Этого мало: за послѣдніе три года люди въ Жашковѣ стали какъ-то «слабѣть» и чаще умирать. И въ томъ и въ другомъ старики явно винили именно Магдалину: зачѣмъ она легла не тамъ, гдѣ ей положено лежать? Зачѣмъ такимъ своимъ поступкомъ она нарушила вѣковѣчный завѣтъ дѣдовъ? Развѣ не знала она, что нарушеніе его повлечетъ за собою должное возмездіе, которое всею силою своею обрушится на неповинныхъ односельчанъ?...

Да и кто тамъ ее знаетъ, что такое она была? Жила она не совсѣмъ обычно, не такъ, какъ всѣ обыкновенные, простые люди. Эта безвѣстная двадцати-лѣтняя отлучка, эти послѣднія исчезнове-

нія ея изъ Жашкова невѣдомо куда и зачѣмъ, ея одинокая жизнь въ своей хатѣ, ея отчужденіе отъ нехитрыхъ развлеченій роднаго села—все теперь казалось страннымъ и подозрительнымъ. Даже ея хорошія стороны: огромная житейская опытность, стремленіе подѣлиться ею съ другими, всегдашняя готовность помочь, чѣмъ можетъ, каждому, спокойный нравъ—даже это теперь ставилось ей въ вину! Откуда ея знанія, опытность? особенно это ея лечебное искусство, не разъ оканчивавшееся хорошими результатами? Почему она такъ льнула къ людямъ преимущественно во дни ихъ несчастья: гдѣ горе, тамъ—глядишь и Магдалина! И то даже, за что прежде не хватало словъ у людей для благодарности, то самое теперь вдругъ показалось имъ страннымъ, необъяснимымъ!

Сначала старики, а тамъ и молодежь загудѣла, что Магдалина знялась съ «нечистымъ»... Отъ него и достатки ея, и знанія. За обладаніе тѣмъ и другимъ продала она ему свою душу, а какъ пришелъ срокъ расплаты—она и удавилась. А теперь вотъ и мститъ своимъ односельчанамъ и этими неурожаями, и преждевременными смертями стараго и молодаго поколѣнія. Не стало теперь для Магдалины другого имени, какъ «бисова колдунья» да «видьма». Всякое доброе слово о Магдалинѣ, какимъ раньше неизмѣнно сопровождались всѣ воспоминанія о ней, теперь стало немыслимымъ. Прежняя добрая Магдалина какъ-то незамѣтно стушевалась, куда-то исчезла на вѣки изъ отуманенныхъ очей жашковцевъ, а на ея мѣсто вдругъ выплыла откуда-то новая личность—злой мстительной бабы, чуть не жаждущей людской крови. Даже представленія о внѣшности Магдалины стали иныя: всѣ какъ-то словно забыли маленькую, худощавую, добродушную и незлобивую старушонку. Магдалина въ народномъ представленіи вдругъ выросла, исхудала еще болѣе, явилась съ непріятнымъ лицемъ, искаженнымъ злобою и мстительностію. Именемъ Магдалины стали пугать дѣтей...

Искали виновника засухи—и онъ былъ найденъ! Что же теперь дѣлать? неужели нѣтъ средствъ остановить козни этой новой Магдалины? Старики утверждаютъ, что такія средства есть. Что пришла пора прекратить причиняемое якобы Магдалиною зло, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Мысль эта съ прошлаго года, если не раньше, бродила въ умахъ жашковцевъ, а многими изъ нихъ и высказывалась открыто и часто обсуждалась во всеу-

слышаніе. Особенно она была распространена у женщинъ, которыя усердно пропагандировали ее среди мужскаго населенія. Уже въ прошломъ году многихъ подмывало привести эту мысль въ исполненіе, но какая-то нерѣшительность и протесты нѣкоторой еще не убѣжденной части жашковцевъ останавливали дѣло. Теперь же, когда новая весна опять разбивала надежды на возможность урожая, протестантовъ совсѣмъ не оказывалось и старики, побуждаемые женщинами, рѣшительно высказались за немедленное выполненіе созрѣвшей уже вполнѣ мысли...

III.

Когда Коваль подошелъ къ горячо спорившей у корчмы толпѣ, пренія шли именно о средствахъ и орудіяхъ борьбы съ Магдалиной. Особенно на счетъ первыхъ долго не могло придти къ соглашенію. Каждый, считавшій себя авторитетнымъ по этому вопросу, рекомендовалъ именно свое средство и всѣми силами возставалъ противъ предложеній другихъ. Большинство, однако, склонялось на сторону мнѣнія Татяны Ковалихи, когда-то первой пріятельницы Магдалины, а сейчасъ самаго яраго врага ея. Недаромъ она слыла теперь самой знающей бабой въ Жашковѣ: при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ Татяна смѣло могла разсчитывать, что со временемъ жашковцы и ее сопричислятъ къ сонму вѣдьмъ.....

Эта кандидатка на мѣсто Магдалины авторитетно, чуть не ссылаясь на завѣты своей покойной пріятельницы, требовала принятія такой мѣры: выкопать изъ «гроба» (могилы) «труну» (гробъ) Магдалины, отвести ее въ поле и тамъ *сжечь*, а пепелъ развѣять. Для удобнѣйшаго сожженія своей пріятельницы Ковалиха великодушно предлагала лежавшую у ней на дворѣ безъ дѣла пустую смоляную бочку, куда можно было вложить «труну» и спалить все безъ остатка. Отъ этого пріема она пророчила самые утѣшительные результаты: Магдалина будетъ тогда истреблена въ конецъ и лишится возможности вредить людямъ. Жашковъ наконецъ дождется, что «пидуть *дожжи* и люди не будуть слабыи»...

За это предложеніе стало большинство. Но Ковалю почему-то сначала не пришлась по душѣ мысль жены: можетъ быть, хозяйственному мужику было жаль своей дегтярной бочки, о которой

проболталась въ своемъ усердіи его жена. Онъ рѣшительно возсталъ противъ жены и предложилъ свое средство: выкопать Магдалину, «занести труну ея *въ болото* и тамъ утопить». Коваля привыкли слушаться во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ, послушались и на этотъ разъ: всѣ бросили мысль Ковалихи и порѣшили сдѣлать по совѣту ея мужа. Его усердно поддержали друзья—Опанасъ Литвиненко, Гарасымъ Дехтярь и др.

Изъ другихъ предложеній выдавались и находили нѣкоторыхъ сторонниковъ еще два мнѣнія. Скромный старикъ Савелій Ракъ предложилъ самое мирное средство: перенести «труну» Магдалины съ «цвинтаря» куда нибудь на поле и вновь *закопать* тамъ, но непремѣнно *на перекресткѣ*. А молодой хозяинъ Осипъ Корнѣйчукъ, напротивъ, совѣтовалъ очень жестокую мѣру: откопать Магдалину и трупъ ея «*коньми* въ поли *ростаскать*»... Но и эти предложенія не были приняты и громада осталась при рѣшеніи Коваля.

Когда этотъ вопросъ былъ порѣшенъ, старикамъ пришлось вынести немалую борьбу съ молодыми жашковцами изъ-за того, кому быть исполнителями затѣяннаго дѣла. Хотя старики болѣе молодежи вѣровали въ несомнѣнную пользу этого предпріятія, но самимъ имъ страшно не хотѣлось браться за него и они поспѣшили цѣликомъ свалить его на плечи парубковъ. Тѣ упорно отбоярились отъ этого тяжелаго и страшнаго порученія, но должны были уступить дружному напору всей громады и голосу такихъ уважаемыхъ лицъ, какъ Коваль, Литвиненко, Ракъ и др.

Когда и съ этимъ вопросомъ покончили, осторожный Коваль вспомнилъ, что исполнить задуманное нельзя безъ разрѣшенія мѣстной панской власти; ея согласіе онъ считалъ нужнымъ и для того, чтобы обезопасить себя и товарищей отъ возможныхъ въ будущемъ придирокъ начальства. Жашковъ, по смерти (въ 1796 г.) Фр. Ледуховскаго, принадлежалъ въ описываемое время бригадиршѣ Антонинѣ *Тарновецкой*. Но самой «дѣдички» въ данную минуту не было въ мѣстечкѣ: по случаю праздниковъ она уѣхала на нѣсколько дней къ своимъ роднымъ. Въ мѣстечкѣ оставался «управляющій», панъ «ловчій» Тарновецкій, родственникъ владѣлицы. Крестьяне знали, что панъ «управляющій», встревоженный не менѣе ихъ неурожаями послѣднихъ лѣтъ и новымъ ожидаемымъ неурожаемъ 1799 г., такъ же готовъ принять, Богъ знаетъ, какія мѣ-

ры, что бы поднять падавшее съ каждымъ годомъ хозяйство. По части суевѣрій и предразсудковъ тогдашніе паны польскіе, какъ и малороссійскіе, недалеко ушли отъ своихъ «подданныхъ». Панъ ловчій скрывалъ это и только смѣялся, когда ему разсказывали о намѣреніи крестьянъ сжечь или разнести кости Магдалины; но въ минуты досады на страшную засуху онъ полушутя говорилъ, что не прочь даже приказать крестьянамъ, чтобы они произвели задуманный ими опытъ, и вообще нерѣдко заговаривалъ съ ними на эту тему и какъ бы самъ наталкивалъ ихъ на борьбу съ Магдалиной.

Коваль зналъ о такомъ настроеніи Тарновецкаго и задумалъ воспользоваться имъ. Онъ предложилъ громадѣ отправить депутацію къ пану ловчему, чтобы взять его разрѣшеніе на отрытіе «труны» Магдалины и на дальнѣйшія дѣйствія. Всѣ согласились. Депутатами были выбраны Коваль, Литвиненко и Корнѣйчукъ.

Было уже 4 часа по полудни, когда депутація направилась къ господскому дому. Пришла она къ Тарновецкому не впопадъ. Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, Тарновецкій вмѣстѣ съ экономомъ Мочульскимъ пошелъ освѣжиться въ винный погребъ. Только что онъ тамъ расположился спокойно, какъ дворовый сторожъ Даныло Холодъ доложилъ ему о приходѣ крестьянъ. Не хотѣлось пану бросать прохладный погребъ, старые меды и вина, а звать туда крестьянъ было неудобно: пришлось вести переговоры съ ними черезъ Холода.

Разгоряченный хмѣлемъ, панъ ловчій не безъ удовольствія узналъ о цѣли прихода крестьянъ. Если въ трезвомъ состояніи его останавливала нѣсколько мысль объ отвѣтственности за участіе въ этомъ дѣлѣ, то теперь онъ смѣло махнулъ на все рукою, хорошо зная, что ему, пану, всегда явится возможность обѣлить себя и всю вину свалить на крестьянъ. Такъ онъ и повелъ дѣло: разрѣшилъ крестьянамъ вырыть Магдалину и поступить съ нею, какъ имъ желательно, но съ строгимъ наказомъ, что если дѣло дойдетъ до суда, то всю вину крестьяне берутъ на себя, а его выгораживаютъ цѣликомъ. Онъ даже строго на строго приказалъ депутатамъ никому не говорить объ этомъ разрѣшеніи, напротивъ, велѣлъ идти къ корчмѣ и объявить крестьянамъ, что панъ не дозволитъ вскрывать могилу Магдалины, если-жъ это не понравится громадѣ, то говорить, что задуманное дѣло можно покон-

чить и безъ панскаго разрѣшенія: мѣшать-де панъ не станетъ—не до того ему теперь, чтобы смотрѣть за крестьянами...

Хотя такое рѣшеніе Тарновецкаго и не по душѣ было осторожному Ковалю, ожидавшему, что панъ прямо встрянетъ въ ихъ дѣло и что главная отвѣтственность будетъ на немъ, но—дѣлать нечего—приходилось или принять панское предложеніе, или отказаться отъ задуманнаго плана. Коваль и его товарищи недолго колебались, особенно послѣ того, какъ Тарновецкій объявилъ, что если дойдетъ дѣло до суда, то онъ приметъ всѣ мѣры къ облегченію участи крестьянъ. А у пана сила большая—онъ съумѣетъ отстоять ихъ. Эта мысль успокоила депутатовъ и они пообѣщали Тарновецкому исполнить всѣ его приказанія.

Когда Коваль съ товарищами вернулись къ корчмѣ и объявили, что Тарновецкій запрещаетъ вырывать Магдалину, толпа возбужденно, съ негодованіемъ выслушала ихъ. Всѣ были убѣждены, что средство противъ засухи найдено, оно у нихъ подъ руками, стоитъ только протянуть и взять.... А тутъ панъ мѣшаетъ, хочетъ въ конецъ загубить обездоленныхъ людей! Коваль, Литвиненко и другіе старики усердно подливали масло въ огонь и прямо требовали «не слухать» пана. Колебавшихся было немного и скоро вся почти толпа пришла къ единодушному рѣшенію—идти сейчасъ же на «могилки», вырыть «труну» Магдалины и забросить въ болото, т. е. поступить по совѣту Коваля.

Старики, съ Ковалемъ во главѣ, сейчасъ же стали давать наставленія Ѳедору Рачку, ставшему во главѣ партіи молодыхъ парубковъ, исполнителей задуманнаго плана. Не всѣ они охотно шли за Рачкомъ, но требованіе стариковъ было непреклонно, нельзя было отказаться.... Выбрали 9 хлопцевъ—бойкихъ, не трусливаго десятка, сильныхъ. Кромѣ Ѳ. Рачка, это были: его двоюродный братъ Кирыло Рачокъ (сынъ Савелія Рака), Иванъ Дремлюга, Михайло Галянчукъ, Яковъ Литвинюкъ, Матвій Жоганъ, Кирыло Бузенчукъ, Андрій Басарабчукъ и Грицько Романюкъ. Все это были молодые люди 20—25 лѣтъ, старше всѣхъ былъ М. Жоганъ—28 лѣтъ, а Романюку было всего 18 л. Его даже не пускали старики, но онъ самъ такъ настоятельно просился подъ команду Ѳ. Рачка, что отказать ему было невозможно. Романюкъ показывалъ необыкновенное усердіе, первый побѣжалъ за заступами и метлами и

больше другихъ торопилъ товарищей идти на кладбище. Тѣ и сами торопились, «поки сонце не сило». Дѣйствительно, шелъ уже 7-й часъ дня и нужно было покончить съ этимъ страшнымъ дѣломъ засвѣтло; а то вѣдь ночью не нашлось бы и 9 человѣкъ, готовыхъ идти на кладбище и вырывать мертвеца....

Теперь же всѣ эти 9 человѣкъ довольно смѣло тронулись за мѣстечко, на поля, гдѣ находилось кладбище. За ними посыпала большая часть бывшей у корчмы толпы. Дорогою къ ней присоединялись другіе жашковцы, не приходившіе «подъ корчму» и только теперь узнавшіе о походѣ противъ Магдалины. Изъ панской усадьбы также высыпала прислуга и потянулась за толпою. Одни только жидки (ихъ не мало уже было въ мѣстечкѣ) жадно выспрашивали о намѣреніяхъ проходившей толпы, но сами не трогались съ мѣста, а собирались въ кучки и горячо тараторили о чемъ-то на своемъ жаргонѣ. Жиденята сунулись было за массою крестьянскихъ дѣтей, бѣжавшихъ съ толпою, но матери заставили ихъ вернуться назадъ.

Коноводы предпріятія не пошли на кладбище. Всѣ они, Коваль, П. Литвиненко, Корнѣйчукъ, Савелій Ракъ, остались у корчмы, ожидая вѣстей съ кладбища. Руководительство Ѳ. Рачкомъ и его товарищами они ввѣрили старухамъ, которыя почти въ полномъ составѣ, съ Татяной Ковалихой во главѣ, сопровождали партію исполнителей. Но старикамъ и страшно не хотѣлось идти туда, и боязно было за будущее: довольно съ нихъ и того, что они сняли съ Тарновецкаго на свои плечи всякую отвѣтственность предъ судомъ.... Да и Магдалину они знали ближе своихъ хлопцевъ, больше съ нею жили. Возможно-ли имъ своими руками раскапывать ея могилу? какими глазами взглянуть на вставшій изъ гроба ея трупъ?... Набѣгало сомнѣніе: а что если бабы «брешуть»? если Магдалина неповинна въ засухѣ?... за что же тогда нарушать ея покой, ругаться надъ ея прахомъ?!...

Задумались старики, даже Опанасъ примолкъ. Всѣ чувствовали торжественность наступившей минуты, мысли ихъ были тамъ— на кладбищѣ... Магдалина стояла, какъ живая, предъ ихъ глазами... Тошно имъ показалось сидѣть у корчмы. Они отошли въ сторонку и молча усѣлись подъ вербами, надъ ручьемъ Торчемъ. Гарасымъ Дехтярь не выдержалъ и убѣжалъ домой.

IV.

Между тѣмъ, толпа уже прибыла на кладбище. Яковъ Литвинюкъ, родственникъ Магдалины, помнившій ея похороны, живо отыскалъ могилу, но память о ласкахъ къ нему покойной заставила его наотрѣзъ отказаться отъ участія въ предстоявшей работѣ, къ которой принуждали его старики. Товарищи не настаивали. Ѳедоръ Рачокъ и остальные 7 человѣкъ немедленно принялись за дѣло. Татьяна Ковалиха и другіе старухи заставили напередъ хлопцевъ помолиться на виднѣвшуюся старую церковь Жашкова. Молились и сами бабы, нашептывая какія-то не то молитвы, не то заклинанія. За ними стала креститься и вся толпа. Затѣмъ бабы перекрестили со всѣхъ сторонъ могилу Магдалины и сказали, наконецъ, хлопцамъ: «рушайте»!...

Рачокъ разставилъ товарищей вокругъ могилы. Застучали заступа, лопаты. Ѳедоръ держалъ себя бодро и ничѣмъ не выдавалъ своего внутренняго волненія. Важность порученной ему миссіи очень льстила ему и онъ всѣми силами старался оправдать оказанное ему довѣріе. Поддерживая бодрость товарищей и подгоняя ихъ, онъ самъ работалъ больше всѣхъ. Флегматичный Иванъ Дремлюга также спокойно копалъ и оказался самымъ полезнымъ помощникомъ Рачка. Но всѣ остальные были очень взволнованы... Лица поблѣднѣли, выступилъ холодный потъ, глаза испуганно смотрѣли на взрываемую землю, руки дрожали. Всѣ какъ-то неловко толпились и жались другъ къ другу, задѣваемые другъ за друга заступа звенѣли, мѣшая работѣ. У иныхъ они выпадали изъ рукъ. Выпала лопата и у Романюка, вдругъ потерявшаго теперь всю свою прежнюю бойкость и расторопность. Онъ нагнулся за ней, но отъ волненія не устоялъ на ногахъ и тутъ же, у края могилы, присѣлъ на землю, да такъ и остался въ неподвижной позѣ, безсмысленно глядя на постепенно разверзавшуюся могилу. Чтобы поддержать видимо падавшую энергію товарищей, Рачокъ громко обругалъ Романюка и отогналъ его прочь. Чтобы остальные не тѣснились безъ толку у могилы и не мѣшали другъ другу, Ѳедоръ приказалъ работать въ двѣ смѣны: пока одна рыла и выбрасывала землю, другая стояла тутъ же и отдыхала. Дѣло пошло правильнѣе и живѣе.

Нахлынувшая на кладбище толпа стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи. Только самые малые хлопчики и дивчатка смѣло подсту-

пили поближе къ могилѣ и расположились сейчасъ же за работавшими, представляя живописно опоясывавшую могилу живую гирлянду бѣлыхъ и черныхъ головокъ, съ разгорѣвшимися отъ бѣготни и любопытства глазенками. Какъ не отгоняли ихъ подальше отъ могилы и Рачокъ съ товарищами, и осторожныя матери, но дѣти такъ и льнули туда, наивно толкуя между собою о томъ, что происходило предъ ихъ любопытными очами. Не боялись они никакой Магдалины... Видно, чуяли они, что покойница сильно любила дѣтей.

За группою дѣтей, подальше отъ могилы, толпились взрослые жашковцы, впереди бабы и диды, а за ними остальные. Всѣ были возбуждены и молчали. По временамъ лишь иная мать въ полголоса прикрикивала на разгулявшихся или заплакавшихъ дѣтей. Только это да глухой стукъ лопатъ нарушали торжественную тишину. Всѣ сосредоточенно смотрѣли на центральную группу, среди которой уже темнѣлась яма. Старики и старухи что-то шептали вздрагивавшими губами и учащенно крестились. Молодые жались къ нимъ и другъ къ другу, не сводя глазъ съ одной точки. Нѣкоторые не выдержали такого напряженія и убѣжали домой, въ село.

Солнце совсѣмъ закатывалось и послѣдними лучами золотило испуганную толпу, не вѣдавшую, что она творитъ... Рачокъ торопилъ товарищей, боясь, что быстро наступающіе сумерки отнимутъ у нихъ послѣднюю энергію. Легкій вѣтерокъ пробѣгалъ по толпѣ, освѣжая измученныя волненіемъ лица.

Работа быстро шла впередъ. Скоро чья-то лопата стукнулась объ «труну»... Въ наступившей тишинѣ этотъ звукъ услышали всѣ. Разомъ вздрогнули копавшіе, а за ними и вся толпа. Она колыхнулась и ближе подвинулась къ могилѣ. Еще усерднѣе зашептали старыя губы, еще чаще стали класть кресты дрожавшія руки. Испугомъ старшихъ стали заражаться и дѣти: они отодвинулись отъ могилы и прятались въ толпѣ. Бабы, сдерживая послѣдними силами охватившее ихъ волненіе, подвинулись къ самому краю могилы и жадно, едва переводя дыханіе, смотрѣли вглубь ея. Всѣ копавшіе тамъ быстро вылѣзли оттуда, кромѣ Ѳ. Рачка и Дремлюги. Оба они остались въ ямѣ, хотя и у нихъ поблѣднѣли лица и задрожали руки. Они быстро очистили «труну» отъ земли, затѣмъ выскочили

на верхъ и осторожно стали приподымать заступами верхнюю доску «труны»...

Послѣ шести лѣтъ покоя снова выглянула Магдалина на свѣтъ Божій... Трупъ Магдалины былъ совершенно *цѣлъ*, лицо сохранило всѣ свои очертанія, «тыльки нисъ бувъ трохи спорченъ» и вся она «якъ бы мохомъ поросла». Платье—спидныця, очипокъ, чоботы и пр.—все было цѣло. Всѣ узнали ее сразу и сразу какъ-то успокоились, убѣдившись, что Магдалина мирно дается имъ въ руки и ничего не предпринимаетъ въ защиту себя. Толпа тѣснилась къ могилѣ и, усердно крестясь и нашептывая заклинанія, заглядывала внизъ. Но не всѣ могли хорошо разсмотрѣть Магдалину и стали требовать, чтобы хлопци тащили гробъ на верхъ.

Рачокъ и Дремлюга закрыли Магдалину доскою, опустились въ могилу и, при помощи стоявшихъ на верху, стали тащить труну вверхъ. Толпа отшатнулась и расчистила площадку около могилы. Здѣсь снова открыли верхнюю доску и уже всѣ могли разсмотрѣть трупъ и убѣдиться, что это была именно Магдалина, а не другая женщина. Хорошо узналъ Магдалину и родственникъ ея Яковъ Литвинюкъ.

Вдругъ потянулъ вѣтерокъ и—Магдалины какъ не бывало во гробѣ!... Сейчасъ только что цѣлый трупъ съ вполнѣ сохранившимися очертаніями Магдалины и въ нетронутомъ платьѣ куда-то *исчезъ* и перепуганная толпа увидѣла вмѣсто него «одни *кости* и якъ бы налято въ труну *чорного болота* (грязи) зъ смолянымъ *дёхтёмъ*»! [1])...

Толпа страшно перепугалась и отшатнулась отъ «труны», нѣкоторые же просто схватились съ мѣста и дали тягу съ кладбища. Даже Рачокъ съ Дремлюгой не выдержали и отбѣжали въ сторону.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ трупы цѣлыми вѣками лежатъ, сохраняя всѣ наружныя очертанія человѣка, всѣ цвѣта и формы его одѣяній и украшеній, но при соприкосновеніи со свѣжимъ воздухомъ эти трупы мгновенно разсыпаются въ пепелъ. Археологамъ, занимающимся раскопками древнихъ гробницъ, знакомы подобныя исчезновенія сохранившихся на первый взглядъ вполнѣ труповъ. У насъ такіе случаи нерѣдко имѣли мѣсто при раскопкахъ скиѳскихъ гробницъ черноморскаго побережья. Жашковскій случай показываетъ, что недавно схороненные трупы сохраняютъ свой внѣшній видъ до соприкосновенія съ свѣжимъ воздухомъ, который превращаетъ ихъ въ кучу жидкой какъ бы грязи.

Толпа загудѣла, что Магдалина ушла изъ рукъ, убѣжала изъ труны... Всѣ допытывались другъ у друга, не видѣлъ-ли кто выпорхнувшей изъ труны *птицы*, или выбѣжавшаго *звѣря*, во что могла превратиться Магдалина; но никто ничего подобнаго не видѣлъ, хотя инымъ «побачилось щось таке», чего они и объяснить не умѣли... Болѣе смѣлые стали подходить къ трунѣ и всматриваться вокругъ. Оказалось, что Магдалина «не вся утикла»: кромѣ «болота зъ дегтемъ», ясно разсмотрѣли въ «трунѣ» и всѣ крупныя кости Магдалины, начиная съ черепа. Это значительно успокоило толпу: Магдалина, разсуждали крестьяне, не успѣла захватить всѣхъ костей и вернется за ними, значитъ—есть надежда задержать ее и уничтожить въ конецъ. Нужно только зорко смотрѣть за оставшимися костями.

Что же дальше дѣлать?—Всѣ вдругъ возстали противъ принятаго раньше предложенія Коваля—утопить труну Магдалины въ сосѣднемъ болотѣ. Для всѣхъ было ясно, что если Магдалина на глазахъ такого множества народа съумѣла незамѣтно скрыться и только отъ поспѣшности позабыла прихватить свои кости, то ужъ въ болотѣ она нисколько не растеряется: живо соберетъ всѣ свои косточки, поставитъ каждую на свое мѣсто и вновь цѣлою Магдалиною заляжетъ въ старой могилѣ на еще горшую погибель Жашкова... Нѣтъ, средство Коваля теперь никуда не годится! Сама Ковалиха обругала мужа «лысымъ дурнемъ», который смѣло берется не за свое дѣло! Она опять стала развивать свое прежнее предложеніе, какъ самое дѣйствительное въ данномъ случаѣ, въ виду обнаружившихся подвоховъ Магдалины. Ничего лучше нельзя придумать, какъ взять у мужа смоляную бочку и цѣликомъ спалить въ ней «труну» Магдалины, со всѣми ея косточками безъ остатка!

Толпа единодушно одобрила Ковалиху, но все таки порѣшила еще разъ посовѣтоваться съ Ковалемъ и другими стариками. Немедленно отправили къ нимъ Ѳ. Рачка, Жогана и Бузенчука. Но только что они тронулись съ мѣста и побѣжали къ мѣстечку, какъ вдругъ сквозь разступавшуюся толпу протискался жашковскій священникъ о. Гвоздіевскій и подбѣжалъ къ раскрытой могилѣ. Всѣ встрепенулись, понявши, что явилась неожиданная помѣха ихъ планамъ...

V.

Все мѣстечко уже знало о томъ, что происходило на кладбищѣ. Соцкій Григорій Письменный, только передъ вечеромъ вернувшійся въ мѣстечко, сунулся было съ докладомъ по дѣлу Магдалины къ пану Тарновецкому и эконому Мочульскому, продолжавшимъ засѣдать въ винномъ погребѣ. Но захмѣлѣвшіе паны его не приняли. Соцкій розыскалъ Коваля и его пріятеля, сидѣвшихъ по прежнему недалеко отъ корчмы. Они остановили рвеніе соцкаго, разсказавши ему о всѣхъ предъидущихъ событіяхъ дня. Тотъ успокоился и самъ усѣлся съ ними въ ожиданіи вѣстей съ кладбища.

Одинъ о. Гвоздіевскій попробовалъ пойти противъ своихъ духовныхъ чадъ и остановить ихъ безразсудную затѣю. Узнавши, что кощунственная работа на кладбищѣ уже началась, онъ поспѣшилъ туда. Но было поздно: какъ мы знаемъ, «труну» Магдалины въ это время уже вынули изъ могилы наверхъ, гдѣ она и стояла раскрытою. Находившаяся подлѣ толпа вздрогнула отъ неожиданности, когда запыхавшійся батюшка растолкалъ народъ и подбѣжалъ къ нарушителямъ покоя Магдалины, которую онъ очень уважалъ при ея жизни. Товарищи Рачка, стоявшіе около могилы, невольно подались назадъ. Но остальная толпа колыхнулась, загудѣла и ближе придвинулась къ могилѣ, какъ бы на защиту этихъ жалкихъ остатковъ Магдалины, попавшихъ въ ея руки. Она боялась теперь, что батюшка отниметъ у нея эти остатки... Всѣ были возбуждены въ высшей степени.

Взволнованныя лица окружавшихъ невольно бросались въ глаза, но о. Гвоздіевскій былъ не робкаго десятка и смѣло сталъ громить своихъ прихожанъ, упрекая ихъ въ нарушеніи покоя мертвеца.

Однако, толпа не дала ему много говорить. Всѣ разомъ стали возражать ему, возбужденно перебивая другъ друга. Слышались только отрывочныя фразы о томъ, что гробъ Магдалины былъ «*непечатаный*», а такой гробъ не грѣхъ-де тронуть...., его даже необходимо было тронуть, чтобы прекратить козни лежавшей тамъ «видьмы», по милости которой 6-й годъ уже все нѣтъ въ Жашковѣ дождя и урожая, да и люди какъ-то «слабѣютъ и умираютъ»... Крестьяне прямо говорили батюшкѣ, что ни за что на свѣтѣ не отдадутъ теперь ни ему, ни кому либо другому трупъ Магдалины,

а сожгутъ ее и тогда пойдутъ у нихъ дожди, настанутъ урожаи и люди окрѣпнутъ и поздоровѣютъ.....

Напрасно пытался о. Гвоздіевскій разубѣдить крестьянъ и уговорить, чтобы они оставили трупъ Магдалины въ покоѣ, напрасно онъ доказывалъ, что Магдалина была настоящей христіанкой, а совсѣмъ не вѣдьмой, крестьяне не слушали его и въ одинъ голосъ заговорили о ея послѣдней продѣлкѣ, которую всѣ они «своими очами бачили»: бачили, какъ Магдалина лежала въ трунѣ, «якъ жива, а потимъ кудысь збигла, покинувъ въ труни свои кистки... а чи птахомъ вона вылетила, чи звирюкой пробигла мижъ нигъ, того нихто не забачивъ.,....» Всѣ такъ живо и единодушно рисовали эту картину, что ошеломленный толпою батюшка не могъ вставить ни одного слова и, махнувъ рукою, ушелъ домой. Но онъ все таки успѣлъ подѣйствовать на иныхъ, такъ что слѣдомъ за нимъ двинулось нѣсколько человѣкъ.

Толпа вздохнула, довольная, что съумѣла отстоять свое дѣло. Дожидаясь депутаціи, отправленной къ Ковалю, товарищи Рачка отодвинули подальше отъ ямы «труну» Магдалины, а пустую могилу ея принялись забрасывать землею.

Между тѣмъ Рачокъ, Жоганъ и Бузенчукъ добѣжали до корчмы и неподалеку отъ нея нашли группу стариковъ: Коваля, Опанаса Литвиненка, Корнѣйчука, Савелія Рака, соцкаго Письменнаго и другихъ. Всѣ вскочили на встрѣчу бѣгущимъ и забросали ихъ разспросами. Прерывающимся голосомъ Ѳедоръ и его товарищи принялись разсказывать, какъ они открыли гробъ Магдалины и какъ она неожиданно исчезла изъ труны, забывши захватить свои кости. Старики были смущены, но вмѣстѣ съ тѣмъ и облегченно вздохнули, что Магдалина оказалась дѣйствительной вѣдьмой.... Въ заключеніе своего разсказа Рачокъ упомянулъ, что весь народъ отвергъ предложенную Ковалемъ мѣру и склоняетси на предложеніе Татяны. Пріятели Коваля тотчасъ поддержали послѣднее, но самъ Коваль нѣсколько колебался сначала, а потомъ уступилъ и разрѣшилъ Рачку взять съ своего двора пустую смоляную бочку. За нею отправились Опанасъ Литвиненко съ Рачкомъ и Жоганомъ, а Бузенчукъ пошелъ на дворъ Ивана Дремлюги, чтобы взять у него воловую подводу, для отвоза бочки на кладбище.

Коваль съ пріятелями поспѣшилъ взглянуть на Магдалину. Уже темнѣло—сумерки быстро спускались на землю. Но все таки старики успѣли разсмотрѣть остатки Магдалины и теперь выслушивали массу разсказовъ о всемъ происходившемъ тамъ въ ихъ отсутствіе. Ковалиха уже клялась всѣми печерскими и другими угодниками, что она «сама бачила», какъ Магдалина пролетѣла надъ ея головой «малымъ птахомъ», чуть-чуть не задѣвши крыломъ.... Съ нею сцѣпилась другая баба, также клявшаяся на весь свѣтъ, что она, напротивъ, ясно почувствовала, какъ «промижъ ногъ у неи шмыгнуло щось таке, неначе мышъ»..... Ковалиха не вынесла такого явнаго поруганія надъ своимъ авторитетомъ и бабы схватились въ рукопашную. Мужья едва растащили ихъ. Бабы на вѣкъ остались врагами.

Между тѣмъ прибыли съ подводою Литвиненко и Рачокъ. Коваль сталъ торопить Рачка, чтобы скорѣе забиралъ «труну» Магдалицы и трогался съ нею въ поле. Уже стемнѣло порядкомъ, всѣмъ было жутко оставаться на кладбищѣ, хотѣлось вонъ оттуда, подальше отъ мертвецовъ и всякихъ мерещившихся тутъ на каждомъ шагу страховъ.....

Возъ съ волами съ трудомъ пробрался среди могилокъ къ «трунѣ» Магдалины. Рачокъ, Дремлюга, Жоганъ и другіе подняли нетяжелую «труну» и вложили ее въ смоляную бочку, бокомъ лежавшую на возу. Дремлюга тронулъ своихъ воловъ. За возомъ пошли Ѳедоръ и Кирило Рачки, Яковъ Литвинюкъ и Грицько Романюкъ, уже оправившійся отъ предъидущихъ страховъ и снова суетившійся по прежнему. По приказу стариковъ онъ съ другими хлопцами приволокъ на кладбище нѣсколько вязанокъ соломы и очерету. Часть ихъ положили на подводу, а другую разобрали по рукамъ Рачокъ съ товарищами. Кромѣ того, у каждаго было въ рукѣ по метлѣ.

Когда отдѣлилась отъ толпы эта группа въ 5 лицъ, Коваль и Опанасъ Литвиненко остановили ее, замѣтивши, что не хватаетъ еще 4 хлопцевъ, взявшихся докончить все дѣло съ Магдалиной. Стали искать ихъ. Бузенчука и Бесарабчука такъ и не нашли—они сбѣжали съ кладбища; но пригаившимся въ толпѣ Жогану и Галянчуку не удалось скрыться. Страшно не хотѣлось имъ идти за Рачкомъ, отговаривались они всячески, ссылаясь и на свою ус-

талость, и на то, что уже довольно поработали для общаго дѣла—пусть теперь идутъ другіе на смѣну ихъ! Но Коваль и Литвиненко не слушали никакихъ резоновъ, срамили ихъ, убѣждали, что больше некому идти: не имъ-же старикамъ съ «слипыми очми» и не бабамъ съ дивчатами отправляться на помощь Рачку?! Дѣйствительно, всѣ взрослые мущины порасходились съ кладбища, кто отъ страха, кто послѣ уговариваній батюшки, а кого кликнули домой по дѣламъ хозяйства, или на панскую усадьбу. На кладбищѣ остались только старые да малые. Какъ ни чесали свои потылицы Жоганъ съ Галянчукомъ, а таки принуждены были уступить Ковалю и общему требованію: взяли по вязанкѣ соломы и очерету, захватили меглы и присоединились къ Рачку. Онъ посмѣялся надъ ними, что, будучи старше всѣхъ остальныхъ членовъ партіи, они бросили ее въ самую трудную минуту. Тѣ молча перенесли заслуженныя насмѣшки.

Такимъ образомъ собралось здѣсь семь человѣкъ у подводы съ «труной» Магдалины. Выслушавши послѣднія наставленія Коваля, Ковалихи и другихъ, Рачокъ съ товарищами двинулись аъ путь. Они скоро выѣхали съ кладбища, повернули на проѣзжую дорогу и потянулись межъ зеленѣвшихъ полей, направляясь къ виднѣвшемуся вдали дубовому лѣсу. Рѣшено было отвезти Магдалину подальше отъ мѣстечка и сжечь ее на перекресткѣ двухъ дорогъ.

Оставшіеся на кладбищѣ слѣдили за удалявшеюся группою, пока она не скрылась съ глазъ въ быстро насунувшейся темнотѣ. Всѣ заторопились тогда уходить домой. Всѣ крестились и осторожно обходили то мѣсто, откуда сейчасъ подняли бѣдную Магдалину. Сзади всѣхъ, степенно и молча, но невольно озираясь по сторонамъ, выступалъ Коваль. Войдя въ мѣстечко, бабы съ дитворою разсѣялись по своимъ хатамъ—давно пора уже было вечерять, да и отдохнуть послѣ всѣхъ сегодняшнихъ волненій.

Но Коваль и его друзья не пошли домой. Дѣло съ Магдалиной еще не было кончено: кто знаетъ, какъ еще тамъ управятся съ нимъ хлопцы! Старикамъ необходимо было остаться на сторожѣ, чтобы въ случаѣ нужды подать Рачку совѣтъ и помощь. Они опять отправились къ срулевской корчмѣ, гдѣ поджидали ихъ вернувшіеся раньше съ кладбища старики. Хлопцы пока пряталисі отъ нихъ, опасаясь, чтобы ихъ насильно не выслали къ Рачку на по-

мощь, подобно Жогану и Галянчуку. Старики усѣлись у корчмы, отказываясь и теперь отъ угощенія Сруля. Изрѣдка перекидывались отрывочными фразами другъ съ другомъ и съ собравшимися туда-же жидками, крестьяне посматривали въ ту сторону жашковскихъ полей, гдѣ виднѣлся старый дубовый лѣсъ, около котораго долженъ былъ въ скоромъ времени вспыхнуть завѣтный огонекъ. Отъ корчмы предположенное мѣсто сожженія Магдалины было на виду.

VI.

Подвода съ Магдалиной медленно подвигалась впередъ по дурной дорогѣ. Впереди, у ярма воловъ, шелъ хозяинъ ихъ, Иванъ Дремлюга, усердно подгоняя ихъ и невольно озираясь назадъ, на большую бочку, съ какимъ-то, чудилось ему, стономъ колыхавшуюся изъ стороны въ сторону на его скрипѣвшемъ возу. Отверстіе бочки было обращено къ воламъ и Дремлюгѣ все казалось, что что-то ползетъ изъ бочки, цѣпляется за его воловъ и лѣзетъ на него..... Мурашки пробѣгали по его вздрагивавшей спинѣ. Разъ онъ даже остановилъ воловъ и предложилъ товарищамъ перевернуть бочку отверстіемъ къ заднимъ колесамъ воза, но тѣ напустились на него за остановку изъ-за такого пустяка и настоятельно потребовали продолжать путь. Тяжело вздохнулъ Дремлюга, но—дѣлать нечего—усердно замахалъ кнутомъ надъ головами воловъ и двинулъ ихъ впередъ. На кладбищѣ онъ держалъ себя молодцомъ, но тамъ было свѣтло, да и народу много. А здѣсь всего 7 человѣкъ, а кругомъ такая темь. Луна уже взошла надъ горизонтомъ, но была скрыта отъ этой маленькой группы людей виднѣвшимся впереди темнымъ дубовымъ лѣсомъ. Только верхушки старыхъ большихъ дубовъ были освѣщены луною, а поля передъ лѣсомъ еще лежали въ темнотѣ. По неволѣ Дремлюгѣ мерещилась всякая чертовщина и проклятая бочка не давала ему покоя. Онъ чувствовалъ ее сейчасъ у себя за плечами и невольно ускорялъ шагъ, таща за поводъ своихъ воликовъ.

Остальные 6 человѣкъ шли полукругомъ около воза и были спокойнѣе Дремлюги. Бочка была на глазахъ у нихъ и меньше тревожила ихъ. Но окружающая темнота и ихъ смущала не мало. Всѣ невольно оглядывались кругомъ и по сторонамъ, всѣмъ каза-

лось, что что-то идетъ сзади ихъ, кто-то не то кличетъ ихъ, не то стонетъ... Звукъ переломанной чьими либо ногами сухой вѣтки на дорогѣ, или шуршанье споткнувшейся ноги заставляли всѣхъ вздрагивать и озираться кругомъ.

Спокойнѣе всѣхъ былъ опять Ѳедоръ Рачекъ. Удачное начало даннаго ему поручен!я очень радовало его и побуждало съ той же энергіей вести дѣло и дальше. Онъ надѣялся благополучно довести его до конца и вновь услышать тѣ похвалы своей распорядительности, твердости и храбрости, какія уже слышалъ сейчасъ отъ стариковъ на кладбищѣ и у корчмы. Онъ чувствовалъ себя героемъ дня, на котораго обращены взоры всего роднаго села. Всѣ доселѣ смотрѣли на него только какъ на веселаго товарища, любившаго погулять съ дивчатами и хлопцями, попѣть, поплясать. Его знали только по «улицѣ», и не считали способнымъ на что либо серьезное. А тутъ вдругъ онъ сразу выступилъ головою въ такомъ дѣлѣ громадной важности, отъ котораго зависѣло благосостояніе всего села. Доведетъ онъ дѣло до конца—не забудутъ его жашковцы!... И онъ поторапливалъ Дремлюгу, чтобы поскорѣе добраться до этого конца.

Когда партія подошла къ перекрестку, луна уже вышла изъза лѣса и облила своимъ свѣтомъ поля. Страхи хлопцевъ стали уменьшаться. Теперь ужъ нечего было бояться, что «щось таке» пробѣжитъ или пролетитъ около людей и «здорово перелякае» ихъ. Все было ясно видно на далекое пространство, даже выплыло изъ тѣни не близкое мѣстечко, окутанное бѣлесоватой дымкой тумана. Только недалеко высившіяся темныя стѣны дубоваго бора смущали крестьянъ: имъ мерещилось, что словно какія-то фигуры выглядываютъ оттуда, что-то пробѣгаетъ тамъ между деревьями, кто-то тяжко вздыхаетъ... Но и оттуда скоро понеслись полные звуки роскошныхъ соловьиныхъ трелей и темный лѣсъ переставалъ казаться страшнымъ.... Вслушиваясь невольно въ эту бодрившую всѣхъ музыку, хлопцы живо принялись за свое печальное дѣло.

Они осторожно сняли бочку съ воза и положили ее на самой срединѣ перекрестка. Дремлюга отвелъ подводу въ сторону, крѣпко прижался къ теплымъ мордамъ своихъ воловъ, да такъ и застылъ въ этой позѣ, пугливо озираясь на бочку и не рѣшаясь сдѣлать

шага къ ней, не смотря на всѣ призывы и ругню Рачка. Молодой Романюкъ также держался у воза и безтолково перебиралъ руками лежавшую тамъ солому и очеретъ. Остальные довольно бодро толпились у страшной бочки; но и ихъ пугало зіявшее темное отверстіе ея: что происходило тамъ, внутри бочки, они не видѣли, и имъ все казалось, что тамъ, Богъ знаетъ, что творится...

— «Може Магдалына зновъ вернулась до бочки, думали они, и седыть тамъ въ труни, та перебирае свои кистки... А ну якъ вона кинеця звиттыля»?!... Чтобы успокоить себя, они порѣшили перевернуть бочку «до горы дномъ», лишь бы не видѣть этого проклятаго отверстія и не дать Магдалинѣ возможности снова убѣжать отъ нихъ.

Такъ и сдѣлали: перевернули бочку и поставили ее дномъ вверхъ. Затѣмъ обложили ее соломой и очеретомъ, «добули кресаломъ огня» и стали «пидпалювать». Солома и очеретъ быстро загорѣлись и сгорѣли, но бочку огонь не бралъ..... Она всю зиму лежала на дворѣ Коваля, дерево совсѣмъ было сырое и не поддавалось огню. Однако, хлопцы сразу этого не сообразили и пугливо стали шептаться, что Магдалина не дается сжечь себя.... Совсѣмъ перетрусившій Дремлюга прямо предложилъ уходить назадъ и сталъ уже заворачивать своихъ воловъ. Насилу Рачокъ остановилъ его и предложилъ попробовать еще другой пріемъ.

Бочку снова перевернули и положили бокомъ на землю, такъ что опять глянуло на хлопцевъ темное отверстіе ея съ высунувшеюся оттуда «труною» Магдалины..... Быстро забросали они всю бочку соломою и очеретомъ, снова добыли огня и зажгли. На этотъ разъ удача была полная: внутренняя поверхность бочки обильно была смазана и пропитана смолою, которая быстро разгорѣлась, а за нею вскорѣ затрещало и дерево бочки, и «труна» Магдалины со всѣми ея остатками!.... Поднялись удушливые клубы дыма, заставившіе хлопцевъ отпатнуться отъ костра, затѣмъ высоко взвилось пламя и освѣтило все окружающее: и взволнованныя лица Рачка съ товарищами, и спокойно жевавшихъ и равнодушно смотрѣвшихъ на огонь воловъ Дремлюги, и сосѣдній лѣсъ..... Романюкъ усердно подбрасывалъ въ огонь оставшуюся солому съ очеретомъ, пламя росло больше и больше, раздуваемое легкимъ вѣтеркомъ.

Пламя увидѣли и тамъ, у корчмы, гдѣ сидѣли Коваль и его друзья. Они замѣтили и первую вспышку огня. Когда огонь потухъ, крестьяне очень встревожились, предполагая, что у хлопцевъ что-нибудь неладное случилось и что они разбѣжались отъ Магдалины..... Осипъ Корнѣйчукъ предложилъ идти сейчасъ же туда, на помощь хлопцамъ. Коваль неохотно согласился на это, но готовъ уже былъ уступить, какъ вдругъ зоркіе глаза Сруля и другихъ жидковъ замѣтили, что на перекресткѣ у дубоваго лѣса снова вспыхнулъ маленькій огонекъ. Всѣ стали всматриваться: огонекъ росъ, а затѣмъ вскорѣ перешелъ въ большое пламя. Всѣ радостно вскрикнули, крестьяне стали креститься и шептать молитвы, жиды тоже что-то всѣ сразу забормотали. Панасъ Литвиненко не выдержалъ и закричалъ: «Срулю, давай горилки!» Все заликовало у корчмы.

Между тѣмъ партія Рачка заканчивала свое дѣло. Помня наставленія стариковъ, Рачокъ разставилъ всѣхъ съ метлами въ рукахъ вокругъ жарко горѣвшаго костра и приказалъ «обметывать» края его, куда валились изъ середины перегорѣвшія головни и скатывались уголья. Въ тоже время хлопци зорко посматривали, чтобы «Магдалина часомъ не вылетила зъ огня птахомъ, або не выбигла якимсь звиромъ»... Для того и были припасены метлы, чтобы, въ случаѣ нужды, придушить на мѣстѣ то или другое, во что могла превратиться Магдалина. Все, однако, обошлось благополучно: никто не замѣтилъ никакихъ птицъ или звѣрей.

Не удалось Магдалинѣ уйти отъ нихъ: ярко сгорѣли тутъ до конца ея послѣдніе остатки! Родныя поля приняли къ себѣ прахъ новой жертвы въ прибавку къ тѣмъ, которыя лежали уже въ нѣдрахъ этихъ полей съ того дня, какъ полтора вѣка назадъ въ этомъ самомъ углу *Дрыжи-поля* шелъ кровавый бой Богдана съ ляхами. Магдалина при жизни слышала объ этомъ боѣ, но никогда не подозрѣвала она, что послѣднею могилою для нея будетъ этотъ глухой перекрестокъ у дубоваго лѣса, гдѣ буйный вѣтръ разнесетъ прахъ ея по этимъ полямъ, а чего не осилитъ онъ унести, то растопчетъ проходящій скотъ и люди. И развѣ только соловьи, видѣвшіе эту картину и напутствовавшіе это второе погребеніе Магдалины своимъ пѣніемъ, будутъ поминать ее въ своихъ страстныхъ звукахъ....

VII.

Хлопци долго еще простояли у костра съ остатками Магдалины, пока они совсѣмъ не сгорѣли и огонь окончательно не потухъ. Горячія уголья они затоптали, чтобы усиливавшійся вѣтеръ не занесъ огня въ панскій лѣсъ. Все было покончено! Ѳедоръ Рачокъ и его товарищи разомъ почувствовали полное облегченіе и быстро направились въ мѣстечко. Дремлюга съ своимъ возомъ едва поспѣвалъ за ними, по прежнему шагая впереди воловъ и не рѣшаясь усѣсться на «запоганеный визъ». Онъ порѣшилъ уже, что въ ближайшую ярмарку непремѣнно сбудетъ его съ рукъ и купитъ себѣ новый.

Вся партія направилась прямо въ корчму, гдѣ, не смотря на поздній часъ, нашла большую половину вновь собравшихся туда жашковцевъ. Всѣ обступили Рачка съ товарищами, посыпались распросы. Но тѣ сначала отдѣлывались односложными фразами, пока догадливый Панасъ не приказалъ Срулю поднести сильно утомленнымъ хлопцамъ «по добрій чарци горилки». Только тогда ихъ языки развязались. Больше всѣхъ пришлось говорить герою дня, Ѳедору Рачку. Всѣ до небесъ превозносили его отвагу и распорядительность, ему оставалось только благодарить на всѣ стороны за ласковыя рѣчи.

Далеко за полночь продолжалась бесѣда у корчмы. У всѣхъ съ плечъ гора спала, всѣ твердо надѣялись, что теперь пришелъ конецъ кознямъ ихъ «ворога». Ни у кого уже не оставалось сомнѣній, что Магдалина подлинно была вѣдьмой: всѣ припоминали ея сегодняшнія продѣлки на кладбищѣ, а затѣмъ на кострѣ, когда она не давалась зажечь себя.... Жашковцамъ было весело, что они совладали съ Магдалиной, не смотря на всѣ ея подвохи. Они не сомнѣвались, что теперь засуха кончилась и Жашкову остается ожидать несомнѣннаго урожая. Бодрые и счастливые разошлись крестьяне по хатамъ на отдыхъ послѣ такого тревожнаго дня.

Въ слѣдующіе дни Жашкова нельзя было узнать: всѣ высыпали на улицу, толпились у корчмы, послышались пѣсни съ утра, игры, смѣхъ хлопцевъ и дивчатъ. Мѣстечко напомнило прежнюю Пасху до этихъ послѣднихъ сухихъ годовъ. Но солнце по прежнему жгло,

воздухъ былъ также удушливъ, о дождѣ и помину не было. Сначала это никого не пугало: нельзя же, чтобы все такъ сразу и далось; необходимо потерпѣть, дождь непремѣнно будетъ вотъ на этихъ дняхъ, много черезъ недѣлю,—успокоивали старики.

Но и вся Святая недѣля прошла, наступила Ѳомина, а дождя все нѣтъ. Снова стали задумываться крестьяне. Старики и старухи начали припоминать и строго обсуждать всѣ свои дѣйствія противъ Магдалины въ памятный день 19 апрѣля: все ли, что слѣдуетъ, они исполнили тогда? не было ли что упущено или недодѣлано, испорчено?—Кажется, все было сдѣлано въ порядкѣ, но ручаться нельзя: возможно, что въ попыхахъ что нибудь и напутали.... Особенно нападали жашковцы на Коваля и его друзей за то, что они не руководили Ѳ. Рачкомъ до конца, отпустили его одного, безъ надежныхъ совѣтниковъ, съ кладбища и не присутствовали при сожженіи Магдалины. Хотя Ѳедоръ и оказался разумнымъ хлопцемъ, а все таки по молодости онъ могъ многое упустить изъ виду.... Нѣсколько разъ старики призывали Ѳедора и его сподвижниковъ, вновь распрашивали ихъ о хорошо извѣстныхъ уже подробностяхъ сожженія, ходили на перекрестокъ и перерывали тамъ кострище, искали чего-то на цвинтарѣ, у старой могилы Магдалины, но—отвѣта нигдѣ не было.... Стали обращаться къ сосѣдямъ, распрашивать ихъ: такъ-ли они, жашковцы, поступили съ Магдалиной, какъ слѣдовало, или испортили чѣмъ нибудь?—Одни вполнѣ одобряли ихъ дѣйствія, другіе, напротивъ, говорили, что есть лучшіе способы борьбы съ вѣдьмами. Это очень смущало жашковцевъ, и они жалѣли, что повели дѣло такъ скрытно, не посовѣтовавшись напередъ съ знающими людьми окрестностей.

Особенно тяжело приходилось переживать все это М. Ковалю, главному руководителю дѣла 19 апрѣля. Его авторитетъ только потому окончательно не палъ въ это время, что у Коваля нашелся отличный предлогъ сложить съ себя часть отвѣтственности на голову всѣхъ жашковцевъ, послушавшихъ совѣта его жены сжечь Магдалину и отвергнувшихъ мѣру, имъ рекомендованную, т. е. бросить Магдалину въ болото. Коваль теперь настаивалъ, что именно его мѣра имѣла бы самые спасительные результаты.

Такъ волновалось село, не видя никакихъ послѣдствій отъ сожженія Магдалины. На небѣ не показывалось ни одной тучки, несущей благодатный дождь. Но на Жашковъ уже надвигалась другая, совсѣмъ не желанная, туча—судейская....

Скоро вернулась въ мѣстечко пани Антонелла Тарновецкая. Проѣздомъ она была въ городѣ и тамъ видѣлась съ земскимъ исправникомъ, членами земскаго суда и др. властями. До нихъ дошла уже вѣсть о сожженіи Магдалины и они совѣтовали Тарновецкой возбудить преслѣдованіе виновныхъ крестьянъ, не дожидаясь вмѣшательства властей. А послѣднія считали это уже необходимымъ, такъ какъ слухъ о жашковской исторіи распространился повсюду въ окрестныхъ селахъ и очень волновалъ крестьянъ. Можно было опасаться, что примѣръ жашковцевъ подѣйствуетъ и на другія села, также страдавшія отъ засухи, и что вездѣ суевѣрные крестьяне станутъ отыскивать виновниковъ неурожая и расправляться съ ними по-своему.... Слухи о подобныхъ намѣреніяхъ крестьянъ уже доходили изъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Нужно было чѣмъ нибудь утишить разроставшееся волненіе, но ничего лучшаго не могли придумать, какъ поскорѣе наказать виновниковъ сожженія Магдалины.

Пани передала Тарновецкому эти соображенія пятигорскихъ властей. Тотъ понялъ, что медлить нельзя. Онъ тотчасъ призвалъ Коваля и Литвиненка, объяснилъ имъ, что необходимо отправить ихъ въ нижній земскій судъ и научилъ, что именно они должны тамъ показывать. Понятно, панъ снова заставилъ ихъ поклясться, что они не выдадутъ его, т. е. не скажутъ о полученіи отъ него разрѣшенія на вскрытіе могилы Магдалины. Съ своей стороны и Тарновецкій обѣщалъ всячески похлопотать за крестьянъ предъ судомъ и немедленно взять ихъ изъ города домой, на поруки.

2 мая соцкій Григорій Письменный повезъ въ Пятигоры Миколу Коваля и Панаса Литвиненка. Какъ ни вѣрили они въ заступничество пана, но неизвѣстное будущее невольно пугало ихъ. Жашковцы были очень смущены такимъ неожиданнымъ для нихъ оборотомъ дѣла. Повѣсивши головы, бродили теперь участники событія 19 апрѣля, сознавая, что не за горами и ихъ чередъ отправиться въ Пятигоры на расправу....

VIII.

3 мая соцкій представилъ Коваля и Литвиненка въ пятигорскій нижній земскій судъ (подольской губ.). Въ своемъ рапортѣ суду Гр. Письменный рисуетъ дѣло нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какъ оно происходило въ дѣйствительности, напр. увѣряетъ, будто Тарновецкій запретилъ крестьянамъ выкапывать Магдалину и совѣтовалъ обратиться за разрѣшеніемъ «къ духовному правленію», но они его не послушались и проч. Арестованные крестьяне были отосланы «подъ стражу» къ городничему.

Въ тотъ же день сняты съ нихъ первые допросы. Коваль рѣшительно отвергалъ свое дѣятельное участіе во всемъ дѣлѣ и сознался только въ томъ, что съ Литвиненкомъ и Ос. Корнѣйчукомъ ходилъ къ Тарновецкому за разрѣшеніемъ выкопать Магдалину, но что панъ «своего позволенія не давалъ», а отсылалъ къ духовному начальству, или въ нижній земскій судъ. Выгораживая всячески себя, Коваль однако не поцеремонился выдать другихъ участниковъ событія, особенно Ѳедора Рачка. Замѣчательно, что изъ женщинъ, участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ о Магдалинѣ, Коваль (какъ потомъ и другіе подсудимые) не назвалъ ни одной.

Точно также и Литвиненко выгораживалъ себя очень усердно, а Ракъ и другихъ участниковъ не пощадилъ. Въ его показаніи уже проглядываетъ, что всѣмъ дѣломъ верховодилъ именно его пріятель—Коваль.

4 мая нижній земскій судъ постановилъ допросить пана Тарновецкаго: почему онъ не остановилъ «злаго намѣренія» крестьянъ? почему не задержалъ крестьянской депутаціи и не представилъ ее въ судъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было арестовать Корнѣйчука, Савелія Рака, Ѳ. Рачка и всѣхъ остальныхъ участниковъ событія 19 апрѣля.

Всѣ они были допрошены 5 и 6 мая. Старшіе (исключая Сав. Рака, говорившаго довольно откровенно) показывали очень сдержанно, также выгораживали себя и Тарновецкаго и валили всю вину на молодыхъ, преимущественно на Ѳ. Рачка, Дремлюгу и Бузенчука. Но парубки держали себя на допросѣ проще и правды не скрывали. Откровеннѣе и обстоятельнѣе всѣхъ показаніе Ѳ. Рачка, который, очевидно, нисколько не заботился о томъ, чтобы ослабить свое участіе въ дѣлѣ 19 апрѣля. Роль Коваля и его друзей обри-

сована очень ярко въ показаніяхъ Рачка и остальной молодежи, и вообще весь ходъ дѣла выступаетъ здѣсь довольно рельефно.

Сторожъ панскаго двора Данило Холодъ показалъ одинаково съ подсудимыми о переговорахъ крестьянской депутаціи съ Тарновецкимъ. Но все таки панъ хорошо видѣлъ свою вину, что не остановилъ крестьянъ, а потому въ своей «экспликаціи» (объясненіи) суду пробуетъ оправдаться, хотя и неудачно. Онъ подтверждаетъ, будто запрещалъ подсудимымъ выкапывать Магдалину, а если не остановилъ ихъ, то потому лишь, что узналъ о событіи слишкомъ поздно, когда оно уже совершилось. Не донесъ же онъ во время суду и не арестовалъ виновныхъ крестьянъ будто бы вслѣдствіе того, что 19 апрѣля и въ слѣдующіе дни былъ боленъ.... Остальныя его объясненія также натянуты и неправдоподобны.

7 мая нижній земскій судъ составилъ журналъ, въ которомъ призналъ виновными всѣхъ арестованныхъ жашковцевъ, именно: 1) Коваль, П. Литвиненко, Корнѣйчукъ, Дехтяръ и Сав. Ракъ признаны зачинщиками и виновными въ томъ, что «подавали совѣты» Рачку и др., 2) Бузенчукъ и Бесарабчукъ виновны, какъ участники въ разрытіи могилы Магдалины, 3) а остальные—Ѳедоръ и Кирило Рачки, Дремлюга, Галянчукъ, Як. Литвиненко, Жоганъ и Романюкъ виновны какъ въ разрытіи могилы, такъ и въ сожженіи трупа Магдалины.

Этотъ журналъ отосланъ нижнимъ земскимъ судомъ въ пятигорскій повѣтовый судъ «къ разсмотрѣнію и поступленію съ виновными по строгости законовъ». Всѣ же подсудимые еще 6 мая были отданы на поруки пану Тарновецкому, обязавшемуся представить ихъ по первому требованію суда.

Такимъ образомъ, Тарновецкій исполнилъ часть своего обѣщанія крестьянамъ. Нужно думать, что онъ и дальше отстоялъ ихъ, главнымъ образомъ въ видахъ сокрытія собственнаго участія въ дѣлѣ 19 апрѣля, а съ другой стороны и по хозяйственнымъ соображеніямъ: наступившее лѣто требовало немалыхъ рабочихъ рукъ для обширной жашковской экономіи. Но такъ-ли было въ дѣйствительности—не могу сказать. Съ переходомъ дѣла въ повѣтовый судъ дальнѣйшая судьба его не видна. Какому наказанію подвергъ этотъ судъ жашковскихъ крестьянъ и кого изъ нихъ именно, остает-

ся, къ сожалѣнію, нензвѣстнымъ, такъ какъ дальнѣйшихъ документовъ разсматриваемаго дѣла не сохранилось. Во всякомъ случаѣ, нужно предполагать, что скорый судъ надъ жашковцами, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ окрестностяхъ, остановилъ попытки другихъ селъ повторить у себя что либо подобное жашковскому сожженію мнимой вѣдьмы....

Н. Оглоблинъ.

Историческія записки о войскѣ черноморскомъ.[1])

(Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ по 1831 годъ).

(Продолженіе).

При открытіи войны Россіи съ Портою Отоманскою, въ 1807 году, государю императору благоугодно было повелѣть назначить на дунайскую гребную флотилію одинъ пѣшій полкъ отборныхъ черноморскихъ козаковъ, какъ извѣстныхъ еще отъ времени существованія Запорожской Сѣчи своимъ искусствомъ и отвагою въ подобныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ. Войсковое правительство, съ особенною ревностію приводя волю его величества въ исполненіе, избрало полкъ отличнѣйшихъ и ввѣрило оный штабъ-офицеру, опытному мореходцу, испытанному въ благоразуміи и мужествѣ, подполковнику Паливодѣ.

По распоряженію адмирала маркиза де-Траверсе полкъ сей, по прибытіи въ Херсонъ, посаженъ на 24 судна и февраля 24 показался на Дунаѣ въ виду турецкихъ крѣпостей. Подполковнику Паливодѣ поручено было, въ ночь съ 11 на 12 маія, съ величайшею осторожностію подойти къ береговымъ батареямъ турецкимъ и истребить оныя внезапнымъ, быстрымъ нападеніемъ. Не взирая на сильную бурю, поднявшуюся съ вечера, онъ безстрашно полетѣлъ исполнить долгъ свой, но сильный водоворотъ и порывистый противный вѣтеръ разстроилъ всѣ его суда и отбросилъ то, на которомъ онъ находился, подъ самыя батареи. Турецкій гарнизонъ, воспользовавшись столь несчастнымъ положеніемъ судна, кинулся на него изъ крѣпости; помощи подать было не возможно, отчаянное сопротивленіе Паливоды, есаула Лозинскаго и бывшихъ съ ними козаковъ такъ же не могло спасти ихъ и они всѣ до одного истреблены. Суд-

[1]) См. апрѣльск. кн. „Кіев. Стар.“ за 1887 годъ, стр. 721—746.

но съ полнымъ вооруженіемъ взято турками въ плѣнъ. Мѣсто Паливоды заступилъ войсковый полковникъ Матвѣевъ: предводительствуя отважнымъ полкомъ, онъ въ теченіи 1807, 1808, 1809, 1810 и 1811 годовъ подъ стѣнами Измаила, Браилова, Килiи, Силистріи, Рущука, Журжи и Никополя пріобрѣлъ неувядаемую славу отличными подвигами и, удостоясь высочайшаго благоволенія государя императора, награжденъ чиномъ подполковника, орденомъ св. Георгія 4 ст., св. Анны 2-й и св. Владиміра 4-й ст. По заключеніи же мира съ Турціею въ 1812-мъ году, сдавъ полкъ сыну атамана, войсковому полковнику Бурсаку, Матвѣевъ возвратился въ войско. Войсковый полковникъ Бурсакъ, поступая съ тѣмъ полкомъ въ армію адмирала Чичагова, былъ отправленъ въ предѣлы Польши и съ мужественными козаками снова пожиналъ лавры въ битвахъ съ французами и съ поляками по мартъ мѣсяцъ 1813 года, а съ сего времени высочайшей волѣ монаршей было угодно потребовать изъ Черноморіи въ дѣйствующую армію одинъ конный полкъ, о дѣйствіяхъ коего будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, а пѣшій послѣдовалъ на родину.

Порта Оттоманская, начиная войну съ Россіею въ 1807 г., посредствомъ агентовъ своихъ, посланныхъ изъ крѣпости Анапы къ горцамъ, успѣла возмутить ихъ противъ насъ, и едва возстановленное спокойствіе нашей границы рушилось почти невозвратно. Весьма немногіе черкескіе князья и дворяне, издавна преданные Россіи и покровительствуемые правительствомъ, остались вѣрными; прочіе-же всѣ владѣльцы, присоединясь къ сапсугамъ, натухайцамъ и абазехамъ, открыли весною свирѣпые набѣги на Черноморію. Ни усиленіе полками кордонной линіи, ни отважное сопротивленіе козаковъ при ихъ нападеніяхъ, ни разбитіе небольшихъ хищническихъ шаекъ, ни мѣры кротости и увѣщанія, предлагаемыя чрезъ лазутчиковъ, однимъ словомъ ничто не могло остановить внушеннаго имъ турками стремленія къ разбоямъ. Они толпами переправлялись на нашу сторону въ одинъ день въ разныхъ пунктахъ, нападали на разъѣзды, на команды пластуновъ, на секретные залоги, осаждали кордоны, кидались на проѣзжія дороги, врывались въ селенія и хутора и вездѣ производили убійства, раззоряли, жгли, уводили въ плѣнъ

людей и угоняли, сколько можно было, рогатаго скота. Ожесточеніе ихъ возросло до высочайшей степени звѣрства, а усиленіе въ Анапѣ гарнизона турецкаго питало въ нихъ надежду, что войска наши уже не посмѣютъ итти за Кубань для наказанія ихъ. Вредъ, нанесенный ими въ сихъ набѣгахъ Черноморіи, былъ очень значителенъ: убито козаковъ 2, ранено 3, въ плѣнъ взято оберъ офицеръ 1 и жителей обоего пола 30 душъ, угнато рогатаго скота 1,600, да лошадей 350, овецъ до 1,000 и разнаго имущества истреблено и захвачено у жителей на немаловажную сумму.

Атаманъ Бурсакъ и войсковое правительство, неутомимо заботясь объ отвращеніи сихъ бѣдствій, предпринимали всѣ возможныя мѣры къ сопротивленію набѣгамъ злодѣйскимъ. Всѣ полки безъ изъятія, оставшіеся въ войскѣ, были выставлены на кордонную линію; всѣ жители, которые могли владѣть оружіемъ, призваны охранять селенія и хутора; занятія хозяйственныя въ это время останавливались.

Бурсакъ, какъ усердный попечитель общаго благосостоянія, съ соболѣзнованіемъ видя, что такое вооруженіе всѣхъ сословій войска, только на время охраняя жителей отъ хищничества, можетъ быть гораздо гибельнѣе и разорительнѣе для козаковъ отнятіемъ рукъ отъ земледѣлія, рѣшился ходатайствовать у маркиза де-Траверсе, управлявшаго тогда Крымомъ, произвести наказаніе злодѣямъ. Маркизъ разрѣшилъ сдѣлать экспедицію противъ закубанцевъ и предписалъ генералъ-маіору Гангеблову содѣйствовать своими войсками атаману.

Сначала Бурсакъ продположилъ двинуться съ собранными 10-ю черноморскими полками къ владѣніямъ князей и дворянъ измѣнниковъ, отклонившихся отъ преданности къ Россіи, по происканъ турецкаго правительства. Первое появленіе нашихъ войскъ у ихъ владѣній принудило князей, мурзъ и весь народъ явиться къ Бурсаку съ прежней покорностью, просить пощады, дать клятву въ вѣрности, и онъ, обязавъ ихъ присягою жить мирно, быстро двинулся наказать сапсуговъ.

Подкрѣпляемый генералъ-маіоромъ Гангебломъ, Бурсакъ съ 4-го маія по 10-е число жегъ аулы, истреблялъ всѣ заготов-

ленія, разбивалъ на голову толпы непріятельскія, и возвратился въ свои предѣлы 11-го числа.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ покорными владѣльцами, уронъ непріятелей былъ весьма великъ, съ нашей-же стороны убито 15 козаковъ и ранено 1 штабъ-офицеръ и 30 козаковъ.

Между тѣмъ анапскій паша не оставался празднымъ. Онъ, замѣчая, что сія экспедиція Бурсака совершенно отняла охоту у горцевъ дѣлать набѣги на наши границы, старался, то подарками, то убѣжденіями, то наконецъ угрозами гнѣва султанскаго склонить ихъ или снова производить хищничество въ Черноморіи, или по крайней мѣрѣ отомстить свои неудачи разореніемъ владѣній намъ преданныхъ князей: Ахметука, Алкаса, Ханука и Беязрука. Закубанцы всегда готовы были злодѣйствовать.

11-го іюля къ екатеринодарской карантинной заставѣ прибыли съ симъ извѣстіемъ упомянутые владѣльцы и, отдавая дѣтей своихъ заложниками вѣрности къ Россіи, просили убѣдительно дать имъ помощь защитить владѣнія ихъ отъ враждебныхъ нападеній нашими войсками. Бурсакъ, старательнѣе усиливъ кордонную стражу и принявъ дѣятельную осторожаость отъ внезапныхъ вторженій враговъ, представилъ просьбу князей благоусмотрѣнію Дюка де-Ришелье, который испрашивалъ на оную соизволенія государя императора и, получа высочайшее разрѣшеніе, предписалъ Бурсаку давать нужную помощь всѣмъ мирнымъ владѣльцамъ.

Въ началѣ октября, полковникъ Еремѣевъ съ 4 полками и нѣсколькими орудіями отправленъ атаманомъ защищать владѣнія преданныхъ князей. Они приняли козаковъ, какъ родныхъ братьевъ, покорились совершенно распоряженіямъ Еремѣева, исполняли его волю и, готовясь къ битвѣ, перевязывали правыя руки бѣлыми платками для отличія отъ непріятелей, сходныхъ съ ними въ одеждѣ и въ прочемъ вооруженіи.

19 октября отборныхъ наѣздниковъ собралось до 7 тысячъ и Еремѣевъ повелъ ихъ на встрѣчу абазехскимъ князьямъ и сапсугскимъ дворянамъ, предводительствовавшимъ 15-ти тысячнымъ скопищемъ разныхъ племенъ разбойничьихъ. Они сошлись въ 20-ти верстахъ отъ Кубани въ лѣсу. Еремѣевъ при-

казалъ мирнымъ немедленно спѣшиться и выбить противниковъ изъ занятой ими крѣпкой позиціи. Перестрѣлка закипѣла и чрезъ часъ непріятели, очистя лѣсъ, выстроились на обширной равнинѣ.

Еремѣевъ, выдвинувъ козаковъ впередъ и открывши бѣглый огонь со всѣхъ орудій, велѣлъ мирнымъ владѣльцамъ аттаковать враговъ. Тогда они понеслись съ дикимъ крикомъ на противниковъ, однимъ ударомъ смяли ихъ, опрокинули и, подкрѣпляемые козаками, гнали 5 верстъ, поражая отставшихъ. Не только не было пощады отдававшимся въ плѣнъ, но и раненныхъ дорѣзывали; въ особенности беязруковцы производили жестокія убійства, отмщая смерть своего храбраго князя Беязрука, къ сожалѣнію общему убитаго въ первой схваткѣ. Едва чрезъ три часа свирѣпаго боя Еремѣевъ успѣлъ остановить ожесточившихся мирныхъ наѣздниковъ и, собравши ихъ, пошелъ обратно къ Кубани.

28 октября Еремѣевъ съ своими полками прибылъ въ Екатеринодаръ и съ ними вмѣстѣ пріѣхали благодарить за помощь мирные владѣльцы, а вмѣстѣ увѣрить Бурсака въ своей вѣрности и снова подтвердить присягою непоколебимую преданность свою къ Россіи. Бурсакъ благосклонно принялъ ихъ, ласкалъ, дарилъ и, отпуская на родину, возвратилъ имъ дѣтей ихъ, находившихся у насъ аманатами. Столь удачное пораженіе сапсуговъ и прочихъ племенъ, намъ непріязненныхъ, доставило Черноморіи спокойствіе на цѣлой годъ.

Беопрерывныя военныя дѣйствія, въ продолженіи 15 лѣтъ тяготившія Черноморію, веeьма умалили число обитателей оной и привели ихъ въ крайнюю бѣдность. Дюкъ де-Ришелье зналъ жалкое положеніе Черноморіи и по личному удостовѣренію, и изъ донесеній атамана Бурсака, писавшаго къ нему всегда смѣло. Желая усилить истомленное войско, онъ предложилъ Бурсаку запросить всѣ сословія онаго, согласны ли будутъ принимать къ себѣ, на пополненіе убылыхъ товарищей, преступниковъ, присылаемыхъ въ довольномъ количествѣ изъ разныхъ

губерній россійскихъ для работъ въ крѣпости и приморсвіе города Новороссійскаго края, такихъ, которые работая уже 5 лѣтъ, покажутъ искреннее раскаяніе въ своихъ преступленіяхъ и будутъ замѣчены въ отличномъ поведеніи. Бурсакъ, по общему мнѣнію всѣхъ черноморцевъ, отвергнулъ таковое предложеніе и, докладывая Дюку де-Ришелье, что изъ преступниковъ уголовныхъ не можетъ быть никакой пользы для службы, говорилъ, что зачисленіе ихъ въ войско только родитъ дурную славу о цѣломъ сословіи, издавна отличномъ своею честною вѣрною службою, а потому просилъ его ходатайствовать предъ престоломъ всемилостивѣйшаго монарха о перечисленіи въ Черноморію трудолюбивыхъ хозяевъ, полезныхъ сыновъ отечества, крестьянъ изъ внутреннихъ губерній государства.

Дюкъ де-Ришелье, уважая благородныя чувства черноморцевъ, представилъ о томъ государю императору, и его величество всемилостивѣйше соизволилъ утвердить пополнить убыль войска переселеніемъ 25 тысячъ душъ ревизскихъ изъ полтавской и черниговской губерній.

Атаманъ Бурсакъ, внимая общему призыву Россіи къ возстанію противу французовъ, воззвалъ (1807 г.) о помощи къ черноморцамъ и вѣрные слуги отечества съ радостію принесли изъ послѣдняго своего имущества до 20,000 руб. на вооруженіе милиціи, собравшейся внутри государства для усиленія дѣйствовавшей арміи. Государь императоръ, соображая, сколько край сей и сверхъ того отягощенъ всегдашнимъ военнымъ положеніемъ, при милостивомъ рескриптѣ, изъявляющемъ Высочайшее его величества благоволеніе къ войску, обратилъ ту сумму и повелѣлъ употребить оную на вспомоществованіе бѣднымъ семействамъ черноморцевъ, потерпѣвшимъ разореніе при набѣгахъ ззкубанцевъ на селенія. Воля его величества тогда же была исполнена войсковымъ правительствомъ, и сироты и вдовы Черноморіи, со слезами умиленія благословляя имя великаго и щедраго монарха, съ теплою вѣрою молились Всевышнему о его здоровьи и успѣхахъ противу враговъ отечества.

1808. Съ наступленіемъ 1808 года, атаманъ Бурсакъ къ сожалѣнію удаленъ отъ командованія кордонною линіею Черноморіи за самовольство сотника Вареника, безъ вѣдома своихъ начальниковъ перешедшаго за Кубань съ 4 козаками для рубки лѣса и тамъ убитаго черкесами. Генералъ-маіоръ Гангебловъ принялъ начальство по границѣ. Но и Бурсакъ не оставался праздным. Онъ, усторонясь на время отъ военныхъ дѣйствій, радовался, что будетъ имѣть болѣе возможности спокойно заняться устройствомъ внутренняго благосостоянія жителей. Первоначально онъ старался переселить отъ Кубани нѣкоторыя пограничныя куренныя селенія, болѣе прочихъ страдавшія отъ частыхъ набѣговъ черкесъ и находившіяся въ опасности рано или поздно быть совершенно истребленными злодѣями.

Онъ переселилъ селенія во внутрь Черноморіи слѣдующимъ порядкомъ:

1) Курени динскій, пластуновскій и мишастовскій отъ Кубани по рѣкѣ Кочатяхъ.

2) Поповичевскій и величковскій на рѣчкѣ Конурѣ.

3) Рогивскій и тимошевскій на рѣку Кирпили.

4) Новотитаровскій курень составилъ на рѣкѣ Конурѣ изъ жителей прежняго куреня сего названія, города Екатеринодара и разныхъ хуторовъ.

5) Нижестеблѣевскій перевелъ отъ ивановскаго къ рѣчкѣ Ангелинѣ и, составивъ новое селеніе, далъ ему прежнее названіе.

6) Ново-нижне-стебліевскій, населенный прежде изъ жителей джерелѣевскаго куреня, перенесъ на правый берегъ рѣки Кирпилей и назвалъ Новоджерелѣевскимъ.

7) Переселивъ такимъ образомъ часть жителей изъ куреня Корсунскаго на рѣчку Бейсужокъ, составилъ тамъ селеніе Новокорсунское.

Прочіе жъ курени, оставшіеся на границѣ, приказалъ тогда же старательно укрѣпить и огородить заборами; а вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился и кордоны укрѣпить брустверами и рвами.

Въ семъ году, по высочайшему разрѣшенію, началось переселеніе въ войско малороссійскихъ козаковъ изъ полтавской

и черниговской губерній. Они слѣдовали въ Черноморію отдѣльными частями и Бурсакъ, принимая ихъ, разселялъ по здѣшнимъ куренямъ, избираемымъ ими по собственному желанію, и такимъ образомъ до 1811 года успѣлъ совершенно водворить 22,306 мужеска и 19,328 женскаго пола душъ сихъ переселенцевъ, употребивъ въ пособіе имъ 160,000 руб. изъ войсковыхъ суммъ. Кромѣ того для вооруженія вновь прибывающихъ козаковъ выписывалъ на войсковыя-же деньги оружіе изъ Тулы.

Но заботливость атамана во внутреннемъ управленіи войскомъ не ограничивалась однимъ только переводомъ пограничныхъ куреней и водвореніемъ прибывающихъ переселенцевъ. Онъ, получа извѣстіе объ открывшейся на кавказской линіи заразительной болѣзни, еще съ большимъ участіемъ занялся учрежденіемъ карантиновъ при редутскомъ посту и въ городѣ Екатеринодарѣ, дабы совершенно не допустить въ границы войска смертоносной заразы.

Сверхъ же того въ одно время старался еще умножить войско выходцами изъ турецкихъ запорожцевъ, живщихъ до уничтоженія Сѣчи на рѣкахъ Днѣпрѣ и Бугѣ, вмѣстѣ съ нынѣшними черноморцами, а по уничтоженіи оной бѣжавшихъ своевольно къ туркамъ, и успѣлъ въ семъ году вызвать ихъ изъ Турціи болѣе 500 человѣкъ, частію семейныхъ, а болѣе бездомковъ. Изъ-за Кубани такъ же, кромѣ выкупленныхъ имъ 25 нашихъ козаковъ, перешли въ Черноморію до 30 черкесъ и другихъ плѣнныхъ, отъ нихъ бѣжавшихъ. Всѣхъ сихъ пришельцовъ онъ лаская водворялъ по нашимъ селеніямъ со всѣми для нихъ выгодами, зная, что всякое приращеніе въ жителяхъ было въ то время величайшимъ благодѣяніемъ для черноморцевъ, уже изнемогавшихъ отъ трудовъ и усилій военныхъ.

1809 г. Заключенное въ истекшемъ году перемиріе съ турками кончилось и маркизъ де-Траверсе, предполагая приступить къ покоренію крѣпости Анапы, велѣлъ атаману Бурсаку, присоединивъ нѣсколько полковъ черноморскихъ къ отряду генералъ-маіора Панчулидзева, долженствовавшему переправиться чрезъ Кубань въ Бугазѣ и блокировать Анапу, съ остальными

находящимися въ сборѣ козаками сдѣлать быстрое движеніе противу черкесъ, дабы занять ихъ и разстроить планъ вредить переправѣ генерала Панчулидзева.

Когда генералъ-мліоръ Бурсакъ готовился исполнить волю маркиза де-Траверсе, черкесы, подстрекаемые къ разбоямъ анапскимъ пашею, начали дѣлать набѣги на Черноморію. Кордонная стража нѣсколько разъ отражала ихъ нападенія съ успѣхомъ, и они остановились.

Между тѣмъ генералъ-маіоръ Панчулидзевъ приступилъ къ переправѣ своего отряда чрезъ Кубань и Бурсакъ въ то же время въ разныхъ пунктахъ кордонной линіи съ нѣсколькими полками козаковъ и двумя баталіонами пѣхоты двинулся въ предѣлы черкескіе. Истребивъ шесть ауловъ, разсѣявъ толпы хищниковъ, готовыхъ вспомоществовать Анапѣ, онъ съ отрядомъ возвратился въ Черноморію. Черкесы скоро отмстили за разореніе ихъ ауловъ. 11 маія, собравшись до 4-хъ тысячъ, они двумя партіями приступили къ Новогригорьевскому посту. Пѣшая шайка со всѣхъ сторонъ обложила постъ, чтобы не выпустить изъ онаго команды, а конная быстро понеслась грабить курень Старотитаровскій, отстоявшій въ 12 верстахъ отъ поста.

Бывшая въ посту команда 80 человѣкъ козаковъ, при сотникахъ Похитоновѣ и Касьянѣ, и 40 рядовыхъ азовскаго гарнизоннаго баталіона, при штабъ-капитанѣ Фетисовѣ, желая подать помощь и защиту несчастнымъ жителямъ селенія и хуторовъ, рѣшились отчаянно ударить на толпу злодѣевъ, облегавшихъ постъ, прогнать оную и спѣшить преслѣдовать грабителей. Мужественнымъ дружнымъ ударомъ солдаты и козаки совершенно смяли было злодѣевъ и обратили въ бѣгство; но вновь переправившаясь чрезъ Кубань шайка конныхъ черкесъ, подоспѣвъ на помощь, поддержала бѣгущихъ. Они обратились назадъ, съ ожесточеніемъ кинулись на горсть храбрыхъ и многочисленностію своею подавили ихъ. Сотники Похитоновъ и Касьянъ, 18 козаковъ и 3 солдата пали на мѣстѣ; штабъ-капитанъ Фетисовъ, 35 рядовыхъ его роты и 42 козака израненныхъ, изнеможен-

ныхъ, съ однимъ орудіемъ взяты въ плѣнъ; едва только 20 козаковъ и 2 солдата, съ неимовѣрнымъ мужествомъ, пробиравшіяся сквозь густую толпу враговъ, успѣли скрыться въ камышахъ. Злодѣи бросились сейчасъ къ посту, разграбили, разорили оный до основанія и предали огню. Въ это время возвратилась къ нимъ изъ селенія обремененная добычею конная партія хищниковъ. Она привела съ собою нащихъ плѣнныхъ 25 душъ обоего пола, захватила рогатаго скота 2,740 штукъ и до 400 лошадей. Прочіе жители, оставшіеся въ живыхъ, успѣли спастись бѣгствомъ въ камыши, окружающіе селеніе[1]).

Въ отмщеніе варварамъ за столь ужасное злодѣяніе, маркизъ де-Траверсе 15 маія, покоривъ крѣпость Анапу, приказалъ генералъ-маіору Панчулидзеву идти съ отрядомъ въ горы и внести опустошеніе и страхъ въ жилища разбойниковъ. Восемь дней съ ряду Панчулидзевъ опустошалъ владѣнія закубанцевъ и успѣлъ истребить до 1,600 человѣкъ непріятелей, разорилъ и сжегъ множество ауловъ; въ то время съ нимъ дѣйствовалъ также есаулъ Борзыновъ гребною черноморскою флотиліею, опустошая всѣ прибрежные непріятельскіе аулы.

18-го іюня атаманъ Бурсакъ, получивъ разрѣшеніе, пошелъ съ отрядомъ сильнымъ за Кубань для наказанія хищниковъ. Онъ началъ опустошеніемъ владѣнія вѣроломнаго князя Батъмурзы, уже неоднократно измѣнявшаго клятвамъ быть покорнымъ Россіи и въ послѣднихъ сильныхъ набѣгахъ на Черноморію дѣятельно помогавшаго злодѣямъ. Истребивъ всѣ жилища клятвопреступнаго, Бурсакъ устремился по разнымъ направленіямъ въ средину непріятельскихъ владѣній и до 23 іюня мстилъ хищникамъ. Онъ въ это время разорилъ до 3 тысячъ жилищъ, предавъ огню весь хлѣбъ и сѣно, истребилъ до 600 душъ жителей и только трехъ раненныхъ велѣлъ взять въ плѣнъ.

Но къ несчастію подобныя наказанія уже не устрашали черчесъ такъ, какъ прежде; анапскій паша, бѣжавшій изъ крѣ-

---

[1]) Въ это время я лишился всего своего достоянія, по жительству моему въ этомъ куренѣ, на 5 тысячъ рублей. *Туренко.*

пости съ гарнизономъ, внушилъ имъ быть равнодушнѣе къ такимъ наказаніямъ, терпѣть оныя и при удобномъ случаѣ стараться всѣми силами отмщать грабительствомъ предѣловъ Черноморіи, еще жесточайшимъ образомъ. Они были послушны его увѣщаніямъ, надѣясь пріобрѣсть милость султана турецкаго.

Въ это время маркизъ де-Траверсе предписалъ Бурсаку прекратить экспедиціи за Кубань, вмѣсто оныхъ употребить мѣры кротости и ласки въ сношеніяхъ съ горцами, дабы привлечь ихъ къ миролюбію и покорности Россіи. Дружественныя воззванія были отправлены съ лазутчиками къ владѣтелямъ всѣхъ племенъ; обѣщая имъ высочайшую милость и покровительство государя императора, маркизъ приглашалъ горцевъ къ мирной жизни, къ дружелюбію съ черноморцами. Наконецъ Дюкъ де-Ришелье лично прибылъ въ Екатеринодаръ, вызвалъ богатѣйшихъ владѣльцевъ закубанскихъ, самъ велъ съ ними переговоры, ласкалъ ихъ, принималъ милостиво, великолѣпно, дарилъ ихъ богатыми подарками, щедро сыпалъ деньгами и лестными обѣщаніями. Они, казалось, съ душевною увѣренностію, съ видомъ безусловной покорности внимали увѣщаніямъ знаменитаго русскаго генерала, какъ будто совершенно соглашались на его призывъ къ спокойной мирной жизни, какъ бы слѣпо вѣрили его обѣщаніямъ не касаться ихъ народныхъ правъ, оставить имъ прежнюю вольность и блюсти свято ихъ выгоды, если они покорятся Россіи и, осыпанные его благодѣяніями, разставались съ нимъ какъ истинные друзья. Но, прибывъ на свою дикую родину, они сейчасъ избрали 300 самыхъ злѣйшихъ наѣздниковъ и, алкая богатой добычи, умыслили захватить въ плѣнъ Дюка де-Ришелье на возвратномъ пути изъ Екатеринодара въ Крымъ, по кордонной нашей линіи, лежащей на протяженіи 60 верстъ въ топяхъ и камышахъ непроходимыхъ. Къ особенному счастію есаулъ Иваненко, начальствовавшій тогда въ Петровскомъ посту, разгадавъ варварское намѣреніе злодѣевъ и въ самый день проѣзда Дюка подкравшись съ величайшею осторожностію, съ 60-ю отборными козаками и однимъ орудіемъ, къ мѣсту, гдѣ они скрывались, мужественно ударилъ на нихъ, совер-

шенно смялъ, обратилъ въ бѣгство и, разбивъ на голову, взялъ 4-хъ наѣздниковъ съ однимъ княземъ въ плѣнъ, множество оружія и лошадей.

Дюкъ де-Ришелье встрѣтилъ на дорогѣ храбраго есаула, возвращавшагося съ побѣдою въ постъ, лично изъявилъ ему душевную признательность за свое спасеніе и, распрашивая плѣннаго князя, увѣрился въ зломъ покушеніи хищниковъ на свою свободу, столь счастливо отвращенномъ. По пріѣздѣ въ Крымъ Дюкъ представилъ государю императору славный подвигъ есаула Иваненка и его величество, всемилостивѣйше наградивъ мужественнаго офицера орденомъ св. Анны 3 степени, благоволилъ пожаловать храбрымъ 60 козакамъ по 1 руб. серебромъ на человѣка; въ ознаменованіе же столь счастливаго спасенія Дюка де-Ришелье разрѣшено на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были черкесы разбиты, устроить батарею и назвать оную его именемъ, *Емануеловскою*.

Вскорѣ послѣ сего полковникъ Рудзевичъ ,изъ Анапы пошелъ въ горы съ побѣдоноснымъ 22 егерскимъ полкомъ своимъ и частію черноморцевъ и 20 числа, покоривъ Суджукъ-Кале, истребилъ всѣ аулы горцевъ, вокругъ оной разсыпанные.

Конечно тягостны, чувствительны были для горцевъ такіе частые походы къ нимъ нашихъ войскъ; однакожъ они не унывали и, подстрекаемые турецкимъ правительствомъ, готовились вновь опустошать Черноморію.

1810 г. Сначала 1810 года закубанцы открыли свои свирѣпые набѣги. 10 и 12 генваря толпами многочисленными они переправлялись вблизи Ольгинскаго поста и стремились разграбить селеніе Ивановское; но войсковый полковникъ Тиховскій и 22 егерскаго полка маіоръ Бахмановъ успѣвали счастливо отражать ихъ нападенія и отнимали всю добычу. Не сожалѣя о первоначальныхъ неудачахъ, 18 генваря они еще въ большихъ силахъ сдѣлали набѣгъ. Восемъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ, подъ предводительствомъ знатнѣйшихъ князей и дворянъ, возлѣ того же поста перешли Кубань и раздѣлились на 4 партіи. Пѣшіе всѣ заняли сообщенія Ольгинскаго кордона съ другими, въ ко-

ихъ находились команды, чтобы не допустить ихъ соединиться съ Тиховскимъ; а конные понеслись грабить Ивановку, Полтавское и Стеблѣевку.

Войсковый полковникъ Тиховскій, собравши съ подоспѣвшимъ на подкрѣпленіе его есауломъ Гаджановымъ всего 206 козаковъ съ однимъ орудіемъ, рѣшился неустрашимо сразиться противу толпы пѣшихъ непріятелей и подать помощь несчастнымъ селеніямъ. Онъ вышелъ изъ Ольгинскаго поста и стремительно аттаковалъ черкескую пѣхоту, свернутую въ густую колонну и занявшую дорогу къ Славянскому посту. Злодѣи быстро разсыпались, со всѣхъ сторонъ окружили Тиховскаго и внезапно кинулись, чтобы подавить его. Онъ мгновенно спѣшилъ козаковъ, безстрашно принялъ ударъ непріятелей, не смѣшался, не разстроился. Черкесы оробѣли, встрѣтивъ страшное хладнокровіе козаковъ, и подались назадъ. Тиховскій пустилъ въ нихъ три заряда картечныхъ и ряды ихъ заволновались. Въ это время подоспѣла къ нимъ еще партія пѣшихъ черкесъ, стоявшая на другой дорогѣ, и завязался жаркій бой. Въ продолженіи 4-хъ часовъ Тиховскій, одушевляя собственнымъ примѣромъ храбрыхъ козаковъ, съ успѣхомъ бился противу 3 т. злодѣевъ, и малодушные черкесы отчаялись побѣдить неустрашимыхъ и уже готовились обратиться въ бѣгство. Но на помощь имъ прискакали тогда же конные черкесы, разстроенные, безъ всякой добычи, не достигнувшіе своей цѣли, чтобы разорить селенія Ивановское, Полтавское и Стеблѣвское, изгнанные изъ перваго Ивановскаго, которое маіоръ Бахмановъ славно отстоялъ съ баталіономъ егерей и вооруженными жителями. Ожесточенные неудачею въ грабежѣ селеній и видя долгое упорное сопротивленіе Тиховскаго съ горстью людей, они всѣми силами ударили въ шашки. Тиховскій, уже израненный, потерявшій половину людей, еще надѣялся удержать злодѣевъ до прибытія къ нему на помощь другихъ командъ нашихъ; собравъ послѣднія свои силы, онъ съ остальными козаками бросился въ средину враговъ и, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, еще долго бился противъ нихъ съ отчаяніемъ и неимовѣрнымъ мужествомъ. Наконецъ разрубленный

на части палъ, и—съ его смертію прекратилось страшное побоище, дотолѣ никогда не виданное въ Черноморіи. Двадцать козаковъ, оставшихся въ живыхъ, поднявъ раненнаго есаула Гаджанова, пробившись сквозь толпу враговъ и, подкрѣпляемые подоспѣвшимъ къ нимъ съ 60-ю козаками есауломъ Голубомъ, успѣли спасти его. Черкесы не рѣшились преслѣдовать ихъ; ночь уже наступала и они спѣшили переправиться на свою сторону. Есаулъ Голубъ, отправя раненаго Гаджанова въ Ольгинскій постъ, возвратился на поле битвы забрать и прочихъ раненыхъ; онъ нашелъ только 4-хъ козаковъ и одного урядника, прочіе же 2 оберъ-офицера, 4 урядника и 140 козаковъ, вмѣстѣ съ достойнымъ своимъ предводителемъ, вкусили славную смерть за спокойствіе родины, окруженные кучами тѣлъ сраженныхъ ими враговъ.

На другой день 500 черкескихъ тѣлъ, найденныхъ есауломъ Голубомъ, были зарыты на мѣстѣ побоища, и два кургана, насыпанные надъ ними, до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о славной битвѣ Тиховскаго и храбрыхъ его сподвижниковъ.

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему донесенію о подвигѣ войсковаго полковника Тиховскаго, высочайше соизволилъ наградить знаками военнаго ордена храбрыхъ 20 козаковъ, неустрашимо вышедшихъ изъ кровавой битвы.

Послѣ такихъ враждебныхъ набѣговъ жестокихъ закубанцевъ, атаманъ Бурсакъ немедленно поспѣшилъ собрать всѣ черноморскіе полки на границу и велѣлъ вооружиться всѣмъ жителямъ; регулярныя войска, квартировавшія въ пограничныхъ селеніяхъ, также изготовились къ отраженію хищниковъ. Сія благоразумная предосторожность Бурсака оказалась весьма полезною. 27 генваря снова 5 тысячъ злодѣевъ ворвались въ наши предѣлы и покушались разграбить селеніе Мышастовское; но пограничная стража бодрствовала. Подполковникъ Бурносъ, соединя сильныя команды козаковъ съ ротою 22 егерскаго полка капитана Трубицына, мужественно противусталъ варварамъ, разбилъ ихъ на голову и гналъ до самой Кубани, поражая жесточайшимъ образомъ.

Всемилостивѣйшій государь за столь похвальные подвиги благоволилъ наградить подполковника Бурноса орденомъ св. Георгія 4 класса, капитана Трубицына св. Владиміра 4 степени, а равно и прочихъ участниковъ побѣды, удостоенныхъ представленія.

Удачи въ грабежахъ Черноморіи, служившія до сего времени черкесамъ, казалось, начали оставлять ихъ. Вездѣ, гдѣ они появлялись, были отражаемы съ чувствительнымъ урономъ, а захватываемыя ими добычи были отнимаемы. Но Бурсакъ не былъ доволенъ однимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ кордонной стражи: онъ хотѣлъ жестоко мстить имъ, горѣлъ желаніемъ истребить огнемъ ихъ разбойничья жилища, плѣнить ихъ женъ и дѣтей.

Дюкъ де-Ришелье принялъ на себя исходатайствовать у государя императора высочайшее разрѣшеніе употреблять противу горцевъ мѣры наказанія, а не ласки, и успѣлъ въ томъ.

Атаманъ Бурсакъ, по предписанію Дюка, готовясь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ за Кубань, сносился съ полковникомъ Рудзевичемъ, начальствовавшимъ въ покоренной Анапѣ, чтобы въ одно время съ нимъ выступить противу горцевъ. При томъ позволилъ, состоявшему при Дюкѣ де-Ришелье, свиты его императорскаго величества капитану графу Рошешуару, выбрать изъ всѣхъ полковъ черноморскихъ отборнѣйшихъ стрѣлковъ и назначилъ его для авангардныхъ дѣйствій, также поручилъ ему нѣсколько малыхъ лодокъ для безпрерывныхъ разъѣздовъ по Кубани и предоставилъ право, управляя оными, во всякое время внезапно нападать на прибрежные аулы закубанцевъ и губить ихъ.

Предварительно сдѣлавъ всѣ распоряженія, 17 февраля Бурсакъ съ отрядомъ переправился за Кубань и ночью двинулся быстро во владѣнія чичинейцовъ и абазеховъ, 18-го на разсвѣтѣ, достигши рѣки Сунъ и двумя колоннами занявъ оба берега, повелъ нападеніе на многочисленные аулы, разсыпанные по онымъ. Неожиданность нападенія, быстрота движеній войскъ нашихъ и удачное дѣйствіе артиллеріи привели въ величайшее смятеніе горцевъ. Они обратились въ бѣгство и преслѣдуемые

ожесточенными козаками были безъ пощады поражаемы. Жены и дѣти ихъ искали спасенія, бросаясь полунагіе въ рѣку и окрестныя болота, вязли въ грязи, утопали; тѣхъ же, которые не успѣвали скрываться, ожесточенные воины умерщевляли. Едва чрезъ 4 часа жестокаго убійства Бурсакъ успѣлъ остановить разсвирѣпѣвшихъ козаковъ и спасъ отъ смерти захваченныхъ ими въ пылающихъ жилищахъ 45 душъ обоего пола, которые и остались плѣнными. Все имущество и оружіе, найденныя въ аулахъ, онъ велѣлъ уложить на 206-ти черкескихъ арбахъ, чтобы удобнѣе было взять его; приказалъ гнать за отрядомъ 6,000 штукъ разнаго скота и овецъ и 100 лошадей, ходившихъ вблизи ауловъ и, предавши все строеніе огню, пошелъ обратно къ Кубани, не преслѣдуемый ни кѣмъ, безъ малѣйшаго урону.

Дюкъ де-Ришелье остался весьма доволенъ успѣхами Бурсака въ наказаніи злодѣевъ и, находя полезнымъ для спокойствія нашей границы, чаще тревожить такими внезапными нападеніями владѣнія закубанцевъ, предписалъ ему впредь при всякомъ удобномъ случаѣ производить подобныя экспедиціи.

10 марта атаманъ Бурсакъ вторично переправился за Кубань ниже Екатеринодара съ отрядомъ 12 полковъ черноморскихъ, двухъ ротъ 22 егерскаго полка, баталіономъ Дмитріевскаго гарнизона и 6 орудіями 19 артиллерійской бригады, предположивъ вторгнуться въ средину владѣній злѣйшихъ враговъ Черноморіи сапсуговъ. Но, по болѣзни, онъ не могъ лично предводительствовать войсками, а потому, раздѣливъ оныя на двѣ колонны, ввѣрилъ испытаннымъ въ мужествѣ, благоразумнымъ своимъ сподвижникамъ, войсковымъ полковникамъ Кобеняку и Дубоносу и приказалъ начать дѣйствія на аулы сапсуговъ, жившихъ на рѣчкахъ Или и Зехрѣ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ лѣсами и болотами.

Кобенякъ и Дубоносъ съ особеннымъ усердіемъ старались оправдать довѣріе уважаемаго начальника и дѣйствія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; превозмогая всѣ неудобства и препятствія, на каждомъ шагу затруднявшія ихъ въ лѣсномъ и гористомъ мѣстоположеніи, коимъ черкесы умѣютъ удачно поль-

зоваться, они стремительными нападеніями въ короткое время разорили и сожгли болѣе десяти ауловъ, убили до 500 непріятелей, взяли въ плѣнъ 50 душъ обоего пола, угнали 80 штукъ рогатаго скота, захватили въ добычу множество оружія и разнаго имущества и съ маловажнымъ урономъ 11-го числа возвратились къ Кубани. 12 марта отрядъ переправился въ предѣлы Черноморіи, и Бурсакъ, разсудивъ, что сіи двѣ экспедиціи, жестоко наказавшія закубанцевъ, хотя на время отклонятъ ихъ отъ набѣговъ на наши границы, распустилъ отряды козаковъ по домамъ для наступившихъ военныхъ полевыхъ работъ, оставя въ подкрѣпленіе кордонной линіи только по 100 человѣкъ изъ каждаго полка.

Таковое предположеніе Бурсака вполнѣ оправдалось. Наказанныя племена чеченеевъ, абазеховъ и сапсуговъ 28 марта прислали въ Екатеринодаръ своихъ князей, узденей и старѣйшинъ 120 человѣкъ и просили его, чрезъ посредство издавна преданнаго Россіи князя Амаса, остановить противъ нихъ военныя дѣйствія, принять ихъ подъ свое покровительство и даровать имъ прочный миръ, обѣщая не тревожить болѣе границъ Черноморіи.

Бурсакъ, уже неоднократно испытавшій, сколь коварны подобныя ихъ клятвы и обѣщанія, неохотно ласкалъ ихъ и велъ съ ними пустые переговоры, только для выигрыша времени къ полученію разрѣшенія по своему о томъ представленію отъ Дюка де-Ришелье, которое 7 апрѣля и получилъ, но со строгимъ предписаніемъ быть осторожнымъ при заключеніи условій съ хищниками.

Бурсакъ тогда-же объявилъ имъ, что Россія готова принять ихъ подъ свое покровительство съ тѣмъ, если они дадутъ клятву жить мирно, никогда не дѣлать набѣговъ не только самимъ, но и другимъ враждебнымъ племенамъ препятствовать въ оныхъ. Они согласились сейчасъ, дали въ томъ чистосердечную присягу и обязались, въ случаѣ набѣговъ въ Черноморію какихъ либо злодѣевъ, отыскивать ихъ и представлять намъ, вмѣсто штрафа за нарушеніе договора, изъ семи виновныхъ одного плѣн-

никомъ и возвращать все то, что будетъ ими похищено у жителей, и, одаренные разными вещами. мирно разъѣхались.

Алчные къ добычамъ, они не долго могли исполнять свои клятвы. Турецкое правительство внимательно надзирало за всѣми ихъ движеніями и поспѣшило разорвать ихъ дружбу съ нами, недавно заключенную. Въ исходѣ августа мѣсяца изъ Константинополя были доставлены имъ нѣсколько пушекъ и другія военные снаряды вмѣстѣ съ ложными увѣреніями въ покровительствѣ и помощи султана, если они по прежнему начнутъ дѣйствовать противъ Россіи. Легковѣрные хищники не медлили, согласились и положили начать злодѣйства разореніемъ владѣній преданныхъ намъ князей Алкаса и Ахметукова.

Дюкъ де-Ришелье, получивъ о томъ донесеніе Бурсака, предписалъ ему поспѣшить съ регулярными войсками и черноморскими полками защитить мирныхъ владѣльцевъ и наказать измѣнниковъ. 14 сентября Бурсакъ, присоединивъ къ своему отряду наѣздниковъ алкасовыхъ, пошелъ къ рѣкѣ Сунъ, раздѣлявшей владѣнія сапсуговъ и абазеховъ. Шесть дней почти безъ отдыха онъ губилъ злодѣевъ. Множество ауловъ, полныхъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, разорилъ и предалъ пламени; настигъ ихъ скопища, разсѣялъ и прогналъ ихъ въ ущелье горъ; захватилъ значительную добычу и, совершенно обезопасивъ мирныя владѣнія, возвратился 20 числа въ Екатеринодаръ.

Между тѣмъ во время вышеописанныхъ военныхъ дѣйствій въ семъ году случились происшествія достойныя вниманія. Въ генварѣ мѣтяцѣ стараніемъ крымскаго жителя Сагайдетъ Гирей Мурзы-Эденчи-Оглу выбѣжали изъ-за Кубани до тысячи семействъ черкесъ и татаръ въ Черноморію, которые, по собственному ихъ желанію, отправлены атаманомъ на поселеніе—часть въ кавказскую область, а другая на Молочныя Воды.

Въ іюнѣ присланы Дюкомъ де-Ришелье въ распоряженіе Бурсака плѣнные абазехи, взятые нашею корветою *Крымъ* на турецкомъ суднѣ, плывшемъ въ Константинополь, которые тогда-же согласились поселиться въ Черноморіи таманскаго округа

въ татарскомъ аулѣ Адда, лежащемъ на сѣверо-восточной косѣ Азовскаго моря.

Во время блокады нашими войсками крѣпости Анапы бѣжали къ намъ черкесскіе уздени Джани-бей и Шаганъ-Гирей, по высочайшему разрѣшенію приняты на службу въ сіе войско и съ своимъ потомствомъ поступили въ вѣчное подданство Россіи.

Въ семъ-же году совершилось важнѣйшее предположеніе Бурсака: для наблюденія за всѣми непріязненными покушеніями коварныхъ сапсуговъ устроенъ на границѣ ихъ владѣній, въ 10 верстъ отъ Кубани, на рѣкѣ Афипсѣ, Федоровскій редутъ подъ личнымъ распоряженіемъ свиты его величества капитана графа Рошешуара, который и назначенъ въ оный первымъ комендантомъ.

Въ 1811 году Дюкъ де-Ришелье прибылъ въ Черноморію и съ отеческимъ участіемъ старался доставить оной спокойствіе. Удостовѣрясь собственными опытами, что хищные закубанцы, не смотря на произведенныя надъ ними наказанія, не только не склонились къ миролюбію, но, волнуемыя анапскимъ пашею, проживавшимъ въ горахъ, еще сдѣлались предпріимчивѣе къ грабежамъ, рѣшился дѣйствовать противъ нихъ самъ.

Предводительствуя сильнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ полковъ черноморскихъ и всѣхъ регулярныхъ войскъ, здѣсь квартировавшихъ, Дюкъ де-Ришелье въ теченіи года безпрерывно опустошалъ владѣнія разныхъ непріязненныхъ племенъ и вездѣ наносилъ имъ вредъ. Съ другой-же стороны атаманъ Бурсакъ, находясь съ отрядомъ во вновь устроенномъ редутѣ на рѣчкѣ Афипсѣ, почти ежедневно тревожилъ жилища сапсуговъ, то цѣлымъ отрядомъ вдругъ, то малыми партіями отборныхъ пластуновъ черноморскихъ, скрытно, внезапно, и такими нападеніями удерживалъ ихъ отъ набѣговъ въ наши границы.

Между тѣмъ государю императору благоугодно было въ семъ году удостоить вѣрную полезную службу войска черноморскаго своего высочайшаго благоволенія, назначеніемъ изъ

онаго сотни козаковъ въ императорскую гвардію. Военный министръ Барклай де-Толли, по разрѣшенію его величества, опредѣлилъ начальникомъ сей сотни состоявшаго при немъ адъютантомъ сына атамана войсковаго полковника Бурсака, который, принявъ оную въ Екатеринодарѣ отъ войсковаго правительства, 15 ноября выступилъ въ Санктъ-Петербургъ. 16 марта 1812 года прибывъ въ столицу, онъ имѣлъ счастіе представлять сотню сію государю императору и за отличный порядокъ въ устройствѣ оной удостоился получить Высочайшее благоволеніе.

При открытіи отечественной войны 1812 года, сотня сія, вмѣстѣ съ прочими полками императорской гвардіи, отлично дѣйствовала во всѣхъ знаменитыхъ битвахъ противъ французовъ.

Попечительное правительство въ семъ году предписало атаману учредить въ Екатеринодарѣ, по высочайшему повелѣнію государя императора, оспенной комитетъ для предохраненія жителей войска отъ вредныхъ дѣйствій сей болѣзни. Членами онаго первоначально опредѣлены полковникъ Животовскій и есаулъ Албановичъ.

Въ то же время Дюкъ де-Ришелье, желая улучшить здѣшнія породы лошадей, исходатайствовалъ разрѣшеніе у государя императора употребить изъ войсковыхъ суммъ 40,000 рублей денегъ на учрежденіе въ войскѣ конскаго завода и назначилъ директоромъ онаго коллежскаго совѣтника фонъ-Франкена.

Въ началѣ 1812 года закубанцы снова открыли свои дѣйствія противъ нашей границы. Анапскій Назиръ-паша, собравъ значительныя шайки, устремился разорить федоровскій редутъ, служившій сильнымъ препятствіемъ въ ихъ покушеніяхъ къ набѣгамъ. Малочисленный гарнизонъ, въ ономъ находившійся подъ начальствомъ великолуцкаго пѣхотнаго полка капитана Непокойницкаго, немедленно, по распоряженію атамана Бурсака, былъ подкрѣпленъ значительнымъ отрядомъ козаковъ съ 4-мя орудіями и нѣсколькими ротами регулярныхъ нойскъ, подъ командою войсковаго полковника Лиеенка. Черкесы, окружявъ редутъ со всѣхъ сторонъ, нападали съ ожесточеніемъ, рвались вломаться въ средину и овладѣть онымъ. Лисенко и Непокой-

ницкій отразили всѣ нападенія хищниковъ, съ немаловажнымъ урономъ отбили ихъ отъ стѣнъ и, сдѣлавъ сильную вылазку, атаковали ихъ, разстроили и обратили въ бѣгство.

Вскорѣ послѣ того, по мирному трактату Россіи съ Портою Оттоманскою, высочайше повелѣно возвратить туркамъ взятыя у нихъ во время войны крѣпости Анапу и Суджукъ Кале и срыть до основанія Федоровскій редутъ при рѣкѣ Афипсѣ. Сія высочайшая воля исполнена 10 іюня и войска наши, въ редутѣ находившіяся, перешли въ Черноморію, прочіе же регулярные полки, расположенные по крѣпостямъ и на границѣ войска, исключая анапскаго гарнизона, тогда же выступили въ Крымъ.

Черкесы въ это время также уменьшили свои сильные прорывы въ наши предѣлы, занимаясь по врожденной имъ склонности одними только маловажными тайными воровствами въ пограничныхъ селеніяхъ, и Бурсакъ, не находя больше опасности, распустилъ часть козачьихъ полковъ, подкрѣплявшихъ кордонную линію, на льготу.

1813 г. Въ достопамятную отечественную войну противъ французовъ генералъ-фельдмаршалъ князь Кутузовъ-Смоленскій, по высочайшему соизволенію государя императора, требовалъ изъ черноморскаго войска въ армію одинъ конный полкъ вмѣсто 9-го пѣшаго, отправленнаго въ Черноморію. Атаманъ Бурсакъ 29 марта (1813 г.) отправилъ изъ Екатеринодара 4-й конный полкъ, съ храбрымъ есауломъ Плохимъ, который, присоединясь къ арміи 19 іюня, поступилъ въ отрядъ партизановъ.

Черноморцы во всѣхъ битвахъ съ французами служили примѣромъ самоотверженія и геройства и своими отличными подвигами пріобрѣли славу неувядаемую, снискали благоволеніе своего монарха, признательность отечества. По взятіи столицы Франціи, Парижа, и по возстановленіи спокойствія во всей Европѣ полкъ возвратился (13 октября 1814 г.) въ Черноморію.

Между тѣмъ Бурсакъ неусыпно старался оградить предѣлы войска сего отъ внесенія моровой язвы, жестоко свирѣпствовавшей во всѣхъ окрестныхъ губерніяхъ и у закубанцевъ. По распоряженію начальства, онъ учредилъ карантинъ въ Тамани, пре-

кратилъ всѣ сообщенія съ Крымомъ, устроилъ по берегу Чернаго и Азовскаго морей конные разъѣзды и поставилъ пѣшіе караулы на границѣ Черноморіи отъ екатеринославской губерніи, земли войска донскаго и кавказской области, съ строгимъ подтвержденіемъ о наблюденіи всѣхъ карантинныхъ предосторожностей при сообщеніяхъ съ тамошними жителями; принялъ предохранительныя мѣры отъ закубанцевъ, для выходцевъ черкесскихъ испросилъ разрѣшеніе установить шестинедѣльный карантинный терминъ, для надзора же за неусыпнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ и учрежденій разослалъ во всѣ пограничныя мѣста дѣятельныхъ чиновниковъ, подтвердивъ строжайше всѣмъ земскимъ начальствамъ объ осторожности; и, благодаря Всевышній Промыслъ, благоразумныя сіи распоряженія произвели благодѣтельныя дѣйствія, защитили Черноморію отъ смертоносной заразы.

При сихъ общеполезныхъ занятіяхъ о сохраненіи цѣлости войска Бурсакъ получилъ Высочайшее повелѣніе искупить въ здѣшнихъ конскихъ заводахъ 600 ремонтныхъ лошадей для резервныхъ кавалерійскихъ эскадроновъ, готовившихся въ дѣйствіе противу французовъ, на сумму 111,515 руб. ассигнаціями. Онъ исполнилъ высочайшую волю съ особеннымъ рвеніемъ, употребивъ на покупку лошадей только 51,515 рублей, остальныя же 60,000 рублей сохранилъ въ пользу казны.

Не взирая на заключенный Россіею миръ съ Портою Оттоманскою, черкесы не переставали тревожить Черноморіи. Дюкъ де-Ришелье, по донесенію о томъ Бурсака, сносился съ посланникомъ россійскимъ при константинопольскомъ дворѣ и исходатайствовалъ отъ турецкаго правительства строгое предписаніе анапскому пашѣ удержать управляемыхъ имъ горцевъ отъ грабежей и все захваченное ими въ Черноморіи немедленно возвратить.

Съ симъ предписаніемъ былъ посланъ въ Анапу коммиссіонеръ де-Скасси, и послѣдствіемъ онаго было то, что по настоянію паши 31 октября закубанцы возвратили черноморцамъ весь заграбленный ими скотъ и лошадей; чего же по счету не доставало, за то заплатили они разными товарами и часть турецкими

деньгами, но покушеній къ набѣгамъ не покинули. Почему въ мартѣ 1814 года присланъ изъ Крыма въ подкрѣпленіе здѣшней кордонной линіи потійскій гарнизонный баталіонъ подъ начальствомъ подполковника Власова, который, по распоряженію Бурсака, расположился въ пограничныхъ куренныхъ селеніяхъ: Полтавскомъ, Корсунскомъ и Васюринскомъ.

Въ семъ году атаманъ Бурсакъ, желая достигнуть единообразія въ обмундированіи всѣхъ черноморскихъ полковъ и артиллеріи, представилъ рисунки мундирамъ и прочимъ вещамъ, входившимъ по формѣ въ обмундированіе козаковъ, Дюку де-Ришелье и просилъ его исходатайствовать высочайшее утвержденіе, которое вскорѣ и послѣдовало. Но дабы уменьшить расходы войсковой суммы, долженствовавшей употребиться на обмундированіе бѣднѣйшихъ козаковъ, тогда же учреждена въ войскѣ суконная фабрика, подъ управленіемъ фабриканта Тика, и положено выдѣлываемое на оной изъ шерсти черноморскихъ овецъ сукно отпускать такимъ козакамъ за весьма умѣренную цѣну.

Вскорѣ послѣ сего, по высочайшему повелѣнію, сформированы въ войскѣ полурота конной и полурота пѣшей артиллеріи. Для ученія козаковъ практическому дѣйствію при орудіяхъ и для показанія прочихъ правилъ, необходимыхъ въ артиллеріи, были назначены недавно выпущенные изъ севастопольскаго артиллерійскаго училища чиновники сего войска, есаулы Ольховый и Ляшенко, испытанные и довольно свѣдущіе; начальникомъ же всей артиллеріи черноморской опредѣленъ по волѣ Дюка де-Ришелье вторый сынъ атамана, войсковый полковникъ Бурсакъ.

Мудрый правитель новороссійскаго края и благотворительный блюститель благосостоянія Черноморіи Дюкъ де-Ришелье, къ душевному прискорбію всѣхъ черноморцевъ, 14 октября, по высочайшему соизволенію государя императора, выѣхалъ за границу и болѣе не возвращался въ Россію. Но и въ Парижѣ онъ помнилъ о черноморцахъ и оттуда часто писалъ къ нѣкоторымъ чиновникамъ сего войска лестныя письма, которые до сего времени сохраняются у нихъ, какъ рѣдкіе памятники благосклоннаго вниманія великаго человѣка.

Управленіе симъ краемъ тогда же поручено на время командовавшему 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Рудзевичу.

1815. Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы снова угрожало Россіи войною. Возстановитель спокойствія въ Европѣ, великій самодержецъ всероссійскій поспѣшилъ двинуть побѣдоносныя войска свои къ Рейну и по сему случаю его величество высочайшимъ рескриптомъ отъ 9 марта (1815) соизволилъ повелѣть атаману Бурсаку выслать, сколько возможно, конныхъ черноморскихъ полковъ въ армію, дѣйствующую противъ французовъ.

Четыре отборнѣйшихъ полка, подъ начальствомъ подполковника Дубоноса, войсковыхъ полковниковъ: Бурсака, Порохни и Голуба, немедленно выступили изъ Екатеринодара и 23 іюля прибыли въ Радзивиловъ, откуда были отправлены къ Рейну; но въ герцогствѣ варшавскомъ около мѣстечка Хельма [1]) получили повелѣніе обратиться въ Черноморію.

Граница Черноморіи была въ то время спокойна. Закубанцы, показывая къ намъ мирное расположеніе, просили возвратить имъ бѣжавшихъ въ бугаевскій карантинъ 11-ть черкесъ, крестьянъ, принадлежавшихъ разнымъ владѣльцамъ натухайскаго племени. Атаманъ Бурсакъ не рѣшился самъ удовлетворить ихъ просьбу, донесъ о томъ тогда же таврическому гражданскому губернатору Бороздину, который вскорѣ пріѣхалъ на Бугазъ и лично велъ переговоры съ тѣми владѣльцами. Повѣривъ ихъ клятвамъ въ преданности къ Россіи и въ миролюбіи къ черноморцамъ и уваживъ ходатайство вновь прибывшаго въ Анапу паши Сейдъ Ахмета, онъ приказалъ имъ возвратить бѣглецовъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы и они возвратили черноморцамъ заграбленный разновременно скотъ и захваченныхъ въ плѣнъ людей. Они приняли это условіе и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ возвратили до 50 штукъ рогатаго скота и трехъ плѣнныхъ козаковъ; но въ то же самое время готовились къ набѣгамъ и грабежамъ въ Черноморіи. Генералъ-маіоръ Бухальцевъ, получа о

[1]) Холмъ, нынѣ уѣздный городъ люблинской губерніи.

томъ достовѣрное свѣдѣніе отъ преданныхъ горцевъ, немедленно донесъ генералъ-лейтенанту Рудзевичу, который поспѣшилъ снестись съ анапскимъ пашею и напомнить ему обѣщаніе удержать хищниковъ отъ набѣговъ. И паша успѣлъ остановить предпріятія закубанцевъ. Однакожъ вмѣстѣ съ симъ Сейдъ Ахметъ задумалъ самъ другаго рода возмущеніе. Онъ изъ Анапы отправился къ сапсугамъ, составилъ изъ нихъ значительныя шайки и вознамѣрился отнять землю у натухайцевъ, желая поселить на ней вблизи Анапы 15,000 семей ногайскихъ татаръ, которыхъ хотѣлъ насильно вывести изъ кавказской линіи, гдѣ они мирно кочевали.

Атаманъ Бурсакъ скоро провѣдалъ коварное намѣреніе паши и чтобы воспрепятствовать исполненію онаго, тотчасъ далъ знать начальнику войскъ на кавказской линіи генералу Дель-Пуццо, для принятія должныхъ мѣръ осторожности, натухайцы же не замедлили вооружиться и поклялись до послѣдней крайности защищать свои владѣнія. И такъ паша, не достигши своихъ желаній, со стыдомъ и жаждой мщенія возвратился въ Анапу.

Между тѣмъ государю императору благоугодно было повелѣть лейбъ-гвардіи черноморскую сотню причислить къ гвардейскому козачьему полку и сформировать оную въ полномъ составѣ кавалерійскаго эскадрона. Бурсакъ, получивъ о томъ предписаніе управляющаго военнымъ министерствомъ князя Горчакова, поспѣшилъ оное исполнить. 90 отборныхъ черноморцевъ вскорѣ были отправлены въ Санктъ-Петербургъ подъ начальствомъ есаула Андрея Стринскаго, по прибытіи коего въ столицу черноморская сотня, по преобразованіи своемъ, поступила лейбъ-гвардіи въ козачій полкъ 4-мъ эскадрономъ.

Тогда же Бурсакъ ходатайствовалъ о присылкѣ для сформированной въ войскѣ артиллерійской роты орудій новаго калибра и въ началѣ слѣдующаго 1816 года по высочайшему повелѣнію доставлены въ Екатеринодаръ изъ брянскаго арсенала двѣнадцать легкихъ полевыхъ орудій.

Бывшій полномочнымъ россійскимъ посланникомъ при константинопольскомъ дворѣ г. тайный совѣтникъ Италійскій, ходатайствуя въ это время у турецкаго правительства подтвердительныхъ предписаній анапскому пашѣ о удержаніи закубанцевъ отъ нападеній на предѣлы россійскіе, узнавъ, что сей паша вмѣсто удержанія горцевъ старается разными происками возбуждать ихъ къ набѣгамъ и даже успѣлъ испросить въ томъ секретное позволеніе отъ султана, о такомъ положеніи дѣлъ немедленно увѣдомилъ генерала Рудзевича и вмѣстѣ прислалъ истребованные отъ Дивана предписанія Сейдъ Ахмету понудить горцевъ возвратить Черноморіи всѣхъ нашихъ плѣнныхъ и дезертировъ и грабежемъ добытое у жителей имущество.

Рудзевичъ, предписывая Бурсаку усилить войсками границу Черноморіи, настоятельно требовалъ отъ паши исполненія предписаній Дивана. Сейдъ-Ахметъ медлилъ, старался уклониться отъ исполненія подъ разными предлогами, но, видя дѣятельное усиленіе кордонной стражи, принужденъ былъ возвратить до 100 штукъ рогатаго скота и обѣщалъ скоро доставить плѣнныхъ и дезертировъ, однакожъ не исполнилъ обѣщанія.

Наконецъ, совершенно успокоивъ, обезопасивъ границу войска, атаманъ Бурсакъ, истомленный безпрерывными полезными трудами, удрученный лѣтами и тяжкими болѣзнями и самъ пожелалъ успокоиться. 18 ноября, при рапортѣ къ генералу Рудзевичу, онъ отправилъ на высочайшее имя прошеніе о увольненіи его отъ службы, а вслѣдъ за симъ государь императоръ соизволилъ назначить въ должность херсонскаго военнаго генералъ-губернатора генерала отъ инфантеріи графа Ланжерона.

Принявъ должность, графъ Ланжеронъ, первоначально заботясь о спокойствіи и благосостояніи края сего, предписалъ Бурсаку привести въ лучшее оборонительное состояніе здѣшнюю границу, исправить и починить всѣ кордоны и посты, улучшить войсковый госпиталь и учредить больницы. Бурсакъ все исполнилъ и донесъ ему.

Государь императоръ, 11 февраля (1816 г.), высочайше учредивъ форму обмундировки лейбъ-гвардіи черноморскаго эскадрона

черноморскихъ артиллеристовъ и козаковъ полковыхъ, соизволилъ повелѣть доставить въ войско образцовые мундиры. Войсковая канцелярія, по полученіи образцовъ изъ коммисіи С.-Петербургскаго коммисаріатскаго депо, тогда же приступила къ обмундированію козаковъ. Его величество приказомъ въ 23 день марта назначилъ непремѣннаго члена канцеляріи подполковника Матвѣева войсковымъ атаманомъ и 26 мая генералъ-маіоръ Бурсакъ, по предписанію графа Ланжерона, сдалъ ему должность, которую 16 лѣтъ исполнялъ съ безпримѣрною дѣятельностію для счастія сего сословія, до сихъ поръ ему благодарнаго.

Не излишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о выгодахъ, пріобрѣтенныхъ войскомъ въ его полезное управленіе онымъ. Кромѣ славы, заслуженной черноморцами, во время его управленія, въ битвахъ противу французовъ и турокъ, кромѣ блестящихъ экспедицій, произведенныхъ имъ противу горцевъ для спокойствія нашей границы, онъ доставилъ войску другія гораздо полезнѣйшія выгоды. Его ходатайствомъ усилено войско переселеніемъ изъ Малороссіи 25,000 козаковъ; онъ, при всѣхъ значительныхъ расходахъ войсковыхъ суммъ, благоразумною экономіею умножилъ оные и сдѣлалъ большое приращеніе войсковыхъ доходовъ; при немъ учреждено, улучшено войсковое училище для образованія здѣшняго юношества; онъ устроилъ конскій войсковый заводъ и суконную фабрику; подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ сформированы лейбъ-гвардіи червоморскій эскадронъ и рота артиллеріи; при немъ войско получило форменное единообразное обмундированіе; возрасли всѣ отрасли промышленности; внутренное управленіе по войску приведено въ точный порядокъ и ясность; и наконецъ всѣ сословія войска блаженствовали, получая царскія милости.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАСЛѢДСТВЕННОЕ ПОЛКОВНИЧЕСТВО.

(Переписка по поводу борьбы двухъ полковничьихъ родовъ за полковничій рангъ).

Въ архивѣ малороссійской коллегіи, принадлежащемъ историко-филологическому обществу при харьковскомъ университетѣ, сохранилась случайно какъ нибудь попавшая въ массу дѣловыхъ бумагъ переписка, по видимому, совершенно частнаго характера. Небольшая отдѣльная тетрадка [1]), въ которой она заключена, имѣетъ, какъ и большая часть архивныхъ дѣлъ, не точное заглавіе: „Писма по разнымъ дѣламъ къ гетману Апостолу отъ ахтырскаго полковника Алексѣя Лесевицкаго, такъ отвѣтніе гетмана Апостола къ нему, писанніе 1731 году». На самомъ дѣлѣ тутъ всего менѣе писемъ Лесевицкаго или къ нему; это письма (бѣловыя и черновыя) гетмана Апостола ко многимъ лицамъ и на оборотъ, за исключеніемъ одной на высочайшее имя челобитной въ копіи. Всѣхъ писемъ пятнадцать и всѣ они, вмѣстѣ съ челобитною, относятся къ одному дѣлу—къ возведенію въ полковничій рангъ въ сумскомъ слободскомъ полку сотника этого полка Ивана Ивановича Кондратьева. Все это просьбы, ходатайства, жалобы и вызываемыя ими письма и все это открываетъ намъ борьбу одного претендента на сумское полковничество противъ другаго, особенность-же борьбы состоитъ въ томъ, что какъ самъ претендентъ, такъ и его сторонники стоятъ на почвѣ, такъ сказать, наслѣдственности права на полковничій рангъ. Этотъ любопытный и рѣдкій фактъ, а также крайняя скудость матеріаловъ слободскихъ полковъ побуждаютъ насъ привести въ извѣстность всю названную переписку, не смотря на то, что письма въ отдѣльности

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Малорос. Коллегіи, № 12,244.

мало интересны, а получаютъ значеніе лишь въ общей совокупности, какъ выясненіе указаннаго факта.

Прежде впрочемъ, чѣмъ приводить имѣющіяся у насъ письма, необходимо начать нѣсколько *ab ovo*, дабы опредѣлить борющіяся стороны, предметъ и цѣль борьбы и положеніе какъ самихъ противниковъ, такъ и лицъ, принимавшихъ прямое или косвенное участіе въ борьбѣ.

Извѣстно, что переселеніе такъ называемыхъ «черкасъ» или «людей малороссійской породы» изъ-за Днѣпра на юго-восточную окраину московскаго государства началось еще въ царстоованіе Михаила Ѳедоровича, усилилось же и участилось въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Это не были впрочемъ правильно организованныя сотни или полки козачьи, но только группы людей, знакомыхъ въ большей части съ военнымъ дѣломъ и искавшихъ вольной селитьбы и жизни, ни чѣмъ не связанной, кромѣ сторожевой противъ непріятеля службы. Старшій, болѣе другихъ опытный, умный и энергическій въ группѣ становился осадчимъ хутора, слободы, села или мѣстечка и получалъ первенство въ общемъ совѣтѣ. Когда первые пришельцы осѣдались на мѣстахъ и число ихъ было таково, что могло быть ядромъ полка, имъ давалась та полковая организація, какая была въ гетманщинѣ; вся занятая территорія дѣлилась на сотни, слободы или курени и выбирались вольными голосами, «по черкаскимъ обыклостямъ», атаманы, есаулы, сотники и наконецъ старшій надъ всѣми съ именемъ полковника. Послѣднимъ являлся тотъ изъ осадчихъ, который оказалъ переселенцамъ наибольшую услугу своею распорядительностію м заботливостію во время пути и при водвореніи на мѣстѣ. Новому правительству пришельцевъ оставалось только утвердить избраннаго и признавать его въ полковничьемъ рангѣ; все остальное, весь внутренній распорядокъ, вся жизнь поселенцевъ и ихъ служебные наряды и порядки зависѣли отъ полковника. Посредствующимъ звеномъ между нимъ и царскимъ правительствомъ были бѣлгородскіе воеводы и ихъ воеводская канцелярія, чрезъ которую шли наказы и приказы, требовались отвѣты и поставки. Если взять въ соображеніе, что полковникъ былъ главнымъ и единственнымъ безъапелляціоннымъ начальникомъ поселенной общины въ отношеніяхъ военномъ, гражданскомъ, судебномъ, административномъ и экономическомъ, что имъ утверждались въ должностяхъ войсковые чины, раздавались земли [1]), возстановлялись всякія право-нарушенія, то понятна будетъ та

[1]) Срезневскій. Историч. Обозрѣн. гражд. устр. Слобод. Украйны. Харьковъ, 1886 г., стр. 8.

глубокая нравственная связь, какая устанавливалась между полковникомъ и его полчанами и сохранялась не только при жизни, но и послѣ его смерти. Заслуги отца давали полчанамъ поводъ желать, чтобы полкомъ правилъ его сынъ, братъ или иной изъ его рода. Характерная черта не столько можетъ быть племени, сколько людей извѣстной степени развитія, одинаково наблюдаемая въ жизни нашихъ предковъ при всякихъ другихъ выборахъ—въ должности сотниковъ, атамановъ, священниковъ, дьячковъ и учителей. Признательность къ заслугамъ рода, надежда въ новомъ избранникѣ изъ того-же рода видѣть продолженіе прежняго излюбленнаго порядка не мѣшали свободѣ избранія, доколѣ центръ власти не перешелъ отъ общины къ правительству, доколѣ выборы не стали пустою формальностію и утвержденіе не смѣнилось назначеніемъ. Тогда борьба претендентовъ и партій, ихъ поддерживавшихъ, выступала за предѣлы общины, начинались происки, интриги, подвохи, протекціи, быть можетъ даже подкупы. Такъ было нѣкогда и въ сумскомъ слободскомъ полку, и памятникомъ всего сказаннаго служитъ помѣщаемая ниже переписка.

Осадчимъ этого полка и первымъ его полковникомъ указаннымъ выше путемъ сталъ выходецъ заднѣпрянскій Герасимъ Кондратьевъ. Смѣлымъ отраженіемъ набѣговъ татарскихъ, ласковымъ и справедливымъ обращеніемъ съ своими подкомандными онъ заслужилъ столь лестную и прочную репутацію у правительства и въ своемъ полку, что не только самъ до своей кончины оставался на полковничьемъ посту, но на долго сохранилъ его за своимъ родомъ. Три сына его, Григорій, Романъ и Андрей, были, послѣ его смерти, преемственно одинъ за другимъ, полковниками въ томъ же сумскомъ полку, а когда послѣдній палъ въ битвѣ, при усмиреніи булавинскаго бунта, его мѣсто занялъ внукъ Герасима, сынъ Андрея, Иванъ, правившій полкомъ до смерти своей, послѣдовавшей въ 1728 году. Послѣ него приходилось занять сумское полковничество сыну его, правнуку Герасима, Ивану Ивановичу Кондратьеву, но тутъ «пронырствомъ» предвосхитилъ у него полковничій рангъ нѣкто Василій Даниловичъ Перекрестовъ-Осиповъ, противъ котораго и пришлось бороться Кондратьеву и поднимать въ помощь не только полчанъ, но самаго гетмана, а при посредствѣ его много другихъ знатныхъ персонъ и вызвать всю названную переписку.

Дѣдъ этого конкуррента, Иванъ Перекрестъ, вышелъ одновременно почти съ Герасимомъ Кондратьевымъ и, какъ показываетъ его прозвище, былъ несомнѣнно крещеный еврей. Гораздо позже Кондратьева ему удалось добиться полковничества въ ахтырскомъ полку; но, какъ истый жидъ, онъ любилъ «стяжанія многа» и скопилъ громадныя зе-

мельныя имѣнія путемъ займки, выпрашиваній у царя, покупки у сосѣдей и всего болѣе захватовъ какъ у сосѣдей, такъ и у своихъ полчанъ. Его жадность и другія несправедливости возбуждали негодованіе въ полку и уже въ 1692 г. ахтырскіе полчане просили московскій приказъ: «Ивана Перекреста выслать изъ его маетностей на житье въ иной городъ, а полковничество дать Роману Кондратьеву» [1]). Послѣдній и былъ предъ тѣмъ на ахтырскомъ полковничествѣ, но Ивану Перекресту удалось отнять у его полковничій рангъ, пославъ, какъ жаловались полчане, «ложные челобитные» въ Москву, а быть можетъ и еще что либо въ придачу московскимъ дьякамъ. Перекрестъ былъ очень богатъ, а о Кондратьевѣ жалобщики писали, что «живетъ онъ въ Ахтырску въ сосѣдехъ, а двора своего нѣтъ»..... Успѣлъ и на этотъ разъ извернуться Перекрестъ, хотя ему и данъ былъ въ помощь сынъ его Даніилъ [2]), а не имущаго Романа Кондратьева, когда тотъ поѣхалъ въ Бѣлгородъ, къ воеводѣ Борису Петровичу Шереметеву, послѣдній, по навѣтамъ Перекреста и въ его присутствіи, «билъ смертнымъ боемъ, и за волосы далъ, и топталъ, такъ что изъ носа и изъ рта кровь шла, щеки отбилъ и ребро выбилъ» [3]). Но въ 1704 году постигла и Перекреста заслуженная кара: Петръ I й за разныя его злоупотребленія и воровства лишилъ его полковничества и значительной части имущества, конфискованнаго въ казну и сверхъ того приказалъ ни его, ни его родственниковъ и единомышленниковъ ни къ полковничеству, ни въ ряды полковой старшины не допускать. Мѣсто Ивана Перекреста въ ахтырскомъ полку занялъ бригадиръ Осиповъ, послѣ котораго шли сынъ его Максимъ, далѣе Лесевицкій и Боярскій. Но внукъ Перекреста, Василій Даниловичъ, женившись на вдовѣ одного изъ Осиповыхъ, съ дозволенія Петра, по указу 1714 г., соединилъ въ своемъ лицѣ обѣ фамиліи и вмѣстѣ пріобрѣлъ наслѣдственныя права на огромныя имѣнія своей жены. Этотъ-то Перекрестовъ-Осиповъ и явился теперь неожиданнымъ конкуррентомъ Ивана Ивановича Кондратьева въ полученіи полковничества въ сумскомъ полку. По смерти отца послѣднаго, составивъ отъ имени полчанъ просьбу о пожалованіи его сумскимъ полковничествомъ, онъ однихъ «страстію, а другихъ обманно къ подпису руки приводилъ», а своего соперника «въ малыхъ лѣтехъ» и безграмотнымъ выставилъ и такимъ образомъ перехватилъ у него наслѣдственное отъ предковъ пол-

---

[1]) Матеріалы для исторіи колонизаціи степн. окр. моск. госуд., Багалѣя, стр. 163.

[2]) Историко-стат. опис. харьк. еп., отд. III, стр. 45.

[3]) Матеріалы.... Багалѣя, стр. 164.

ковничество, «безъ жадной сумскому полку заслуги». Кондратьевъ дѣйствительно былъ молодъ въ ту пору, не свыше 22-хъ лѣтъ, и, не имѣлъ еще и званія сотника. Одолѣть такого противника не стоило труда, но и имѣть его на мѣстѣ въ полку было не безопасно. Не могъ онъ самъ безропотно отречься отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, не могла и полковая старшина равнодушно снести того, что полковникъ назначенъ помимо ея избранія и просьбы. Чуть не сто лѣтъ были полковники Кондратьевы, и вдругъ Перекрестовъ...., внукъ низверженнаго на ея памяти грабителя, никакой заслуги сумскому полку не оказавшій! Одно это не давало покоя старшинѣ. Началась глухая борьба противъ полковника; онъ это замѣтилъ и сталъ тѣснить своего противника, «лѣса и дубравы его пустошилъ и всѣ усилія употреблялъ, чтобы «домъ той (Кондратьевыхъ) уничтожить и истребить». Перекрестовъ-Осиповъ не могъ забыть Кондратьеву и того, что его дядя Романъ интриговалъ противъ его отца Ивана за ахтырское полковничество. Кондратьевъ сталъ жаловаться, за него заступились старшины Марковъ и Романовъ, поднявшіе многихъ полчанъ и подавшіе на Перекрестова челобитную съ прямымъ намѣреніемъ лишить его полковничества и доставить родовой рангъ сотнику Кондратьеву. Для болѣе вѣрнаго успѣха Кондратьевъ рѣшился самъ ѣхать въ Москву; но Осиповъ удержалъ выданный ему паспортъ. Кондратьевъ уѣхалъ безъ паспорта, Осиповъ послалъ доносъ, возникло дѣло о самовольномъ оставленіи службы. Но тутъ вступился за него ахтырскій полковникъ Лесевицкій, облагодѣтельствованный раньше Кондратьевыми, и самъ гетманъ Данило Апостолъ, которому Кондратьевъ приходился племянникомъ. У гетмана были и свои счеты съ родомъ Осиповыхъ за слободу Котельву, которую бригадиръ Ѳедоръ Осиповъ оттягалъ отъ гадяцкаго полка и присоединилъ навсегда къ ахтырскому [1]), и онъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ выступаетъ съ ходатайствомъ къ разнымъ сильнымъ и вліятельнымъ при дворѣ лицамъ, сперва о защитѣ Кондратьева отъ притѣсненій Осиповыхъ, а потомъ и о назначеніи его на мѣсто полковника въ сумскомъ полку. Всѣ перипетіи борьбы Кондратьева противъ Перекрестова-Осипова, всѣ окольные пути, къ какимъ онъ прибѣгалъ, видны изъ самой переписки, и мы не будемъ ихъ касаться; отмѣтимъ лишь вновь то обстоятельство, на которое указали въ началѣ, именно: что не только самъ Кондратьевъ, но и его сторонники и покровители стоятъ за наслѣдственность его права, быть можетъ и потому, что ничего другаго въ пользу его выставить не могли.

---

[1]) Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. III, стр. 93.

Борьба впрочемъ не привела къ желаемой цѣли; Перекрестовъ-Осиповъ, какъ былъ, такъ и остался на своемъ полковничествѣ, и еще въ 1732 г. въ росписи, составленной «коммисіею учрежденія слободскихъ полковъ», значится сумскимъ полковникомъ онъ, вмѣстѣ съ своими сыновьями Григоріемъ и Петромъ» [1]). Судьба Кондратьева остается неизвѣстной; никакія высокія «патронства» ему не помогли: ссадить съ насиженнаго уже мѣста оказалось труднѣе, чѣмъ захватить никѣмъ не занятое мѣсто.

Приводимъ самую переписку въ ея послѣдовательномъ и хронологическомъ порядкѣ.

I.

Письмо И. И. Кондратьева къ гетману Апостолу.

Ясневелможній мосцѣ пане гетмане, ордина святого Александра кавалеръ, мой милостиво патронствующій отче и всенадежнѣйшій добродѣю.

На служебничое (письмо?) мое у ясневелможности вашей къ пану полковнику сумскому о защищеніи, а до пановъ старшини сумской въ желаніи общемъ о пособствованіи, милостиво-отческое удостоился получити предложеніе, съ коего присланніе зъ Сумъ получилемъ копіи, яковіи будучимъ зде ко мнѣ милостивимъ патронамъ объявлялемъ и на оние, подъ високоприродниимъ именемъ ясневелможности вашей, многую себѣ получилемъ ползу и за вѣдомомъ же милостивихъ и действителнихъ въ намѣреніи моемъ патроновъ составивши, вручилемъ пану Герасиму Надаржинскому, которой пожалованъ ныне въ сумской полкъ ротмистромъ, въ Суми до старшини къ зарученю челобитную, понеже онъ, панъ Герасимъ, во всемъ въ дѣлѣ моемъ имѣетъ тщателное старателство. А о персонахъ служебниче объявляю цедулою и всепокорственно прошу ясневелможности вашей до онихъ милостиво отчей о мнѣ осиротѣлому инстанціи, чрезъ которую надѣюся въ моемъ желаніи получити дѣйствіе. При семъ же въ неотмѣнную ясневелможности вашей отческую милость навсегда себе полецивши, пребываю.

---

[1]) Истор. стат. оп. харьк. еп., отд. III, стр. 329 и 330.

Ясневелможности вашей, моего милостиво патронствующаго отца и всенадежнѣйшаго добродѣя всенижайшій слуга, Иванъ Кондратьевъ.

1731 году апрѣля 10 дня Москва.

При этомъ ностъ-скриптумъ на особомъ клочкѣ, писанный рукою-жъ Кондратьева.

Служебниче прошу ясневелможности вашой и отческой инстанціи въ персонамъ, а именно: до сиятелного графа Бѣрона, до превосходителного генерала Семена Андреевича Салтыкова, къ сиятелному графу Гаврилу Ивановичу, къ сиятелному жъ графу Павлу Ивановичу, къ свѣтлѣйшому князю фелтъ-маршалу Василию Володимеровичу, къ превосходителному генералу фенъ-Вейсбаху, а болше подаю въ милостивое отческое разсмотреніе.

II.

Письмо ахтырскаго полковника Алексѣя Лесевицкаго къ гетману Апостолу.

Милостивѣйшій мой патронъ!

О дѣлѣ племянника вашего, г. Кондратьева, какой прислань ко мнѣ отъ высокоповелителнаго генерала и кавалера, фелтмаршала, князя Василія Володимеровича, о слѣдствіи указъ, такожъ что по оному указу учинено, съ тою всего, для знанія вашей велможности, прилагаю копію, съ таковымъ моимъ доношеніемъ, да благоволите, ваша вельможность, висмотрѣть и приказать оное копіи отправить въ скорости къ ему, г. Кондратьеву, въ Москву для лутчего въ его дѣлѣ наставленія и порядку, ибо хотя отъ его, Кондратьева, такожъ и отъ дому его было требованіе, даби я сіе пріобщилъ; однакожъ, что такіе дѣла по рукамъ посилать опасно, я, содержащи мою вѣрную издавна до вашей велможности услугу, лучше чрезъ посилку отъ вашей велможности усмотрѣлъ послать, дѣло бо сіе какъ для обовязательной моей вашей велможности всегда услужности и ради осиротѣлого того, благодѣтельствующаго мнѣ издавна, Кондратьевихъ дому, елико возмоглъ, прилежалъ, и не токмо симъ слѣдствіемъ, но и въ склонныхъ приговорехъ сочинилъ весма близкій во всѣхъ и къ пользѣ Ивану Ивановичу початокъ такій, что многіе отъ нихъ въ улѣкахъ и доказательствѣ ставятъ себе быть готовыми. А самое оригинальное слѣдствіе немедленно

пошло чрезъ нарочного до его свѣтлости генерала фелтъмаршала, —вѣрно доношу. При семъ всепокорнѣйше вашу велможность утруждая, дабы о полученіи сего отъ вашей велможности отвѣтомъ не лишенъ былъ, зостаю вѣрній и покорній вашъ, моего патрона, слуга, Алексѣй Лесевецкій. Мая 6 дня 1731 г.

III.

Ордеръ князя В. В. Долгорукова ахтырскому полковнику Лесевицкому.

Благородній господинъ полковникъ!

Команди моей генералъ лейтенантъ, графъ Дугласъ, письменно мнѣ доносилъ: сумского де слободскаго полку сотникъ Иванъ Кондратьевъ, представляя нужди, просилъ его генералъ-лейтенанта о уволненіе въ Москву, по которой прозбе писано отъ него генералъ-лейтенанта къ полковнику Осипову, ежели до него, Кондратьева, какой очереди къ командированію и посилкамъ не имѣется, чтобы для его нуждъ до Москви отпустилъ, и для того отпуску сообщилъ пашпортъ. А оной де полковникъ, ведая за обявленнимъ Кондратьевимъ въ пограничные места команду, отпуску не учинилъ и подлинно пашнортъ, при доношеніи паки къ нему, генералъ-лейтенанту, возвратилъ; а минувшаго де февраля отъ 19 оной полковникъ доношеніемъ ему, г.-л., объявилъ: уведомился де онъ, что означенной сотникъ Кондратьевъ и безъ пашпорту, оставя команду, уехалъ собою въ Москву; а объявленной сотникъ Иванъ Кондратьевъ, приехавъ въ Москву, у меня явился и поданнимъ доношеніемъ объявилъ, что вышереченный полковникъ по злобе своей ево разорилъ и допустилъ опустошить леса и дуброви вовсе, и онъ де, видя таковую отъ него, полковника, немалую обиду и разореніе, просилъ у выше реченнаго генералъ-лейтенанта позволительнаго пашпорту ехать въ Москву; по которой прозбе пашпортъ для ототдачи ему Кондратьеву посланъ при писме ко оному полковнику, чтобъ онъ о томъ билъ известенъ. И онъ полковникъ у него, Кондратьева, означенной пашпортъ отобралъ, не допуская ево ехать въ Москву и о своей обиде на себя просить. И онъ де, Кондратьевъ, опасаясь того, чтобъ оной полковникъ ево въ конецъ не разорилъ и съ чего бъ било государственную служити службу, пое-

халъ безъ пашпорту въ Москву, а за отъездъ ево, чтобъ не поставлено било ему въ вину, писалъ о томъ для вѣдома къ вышепомянутому генералу-лейтенанту. А полковникъ Осиповъ, видя то, что онъ отъехалъ въ Москву, репортовалъ ко оному генералъ-лейтенанту, будто ведалъ за нимъ, сотникомъ, въ погряничные места команду и затемъ отпуску не учинилъ. А отъ него полковника Осипова было предложеніе, какъ къ нему, Кондратьеву, такъ и ко всемъ сумского полку старшинамъ, даби всякъ съ своею командою виехалъ сумского полку въ городъ Краснополя къ смотру, по которому предложенію съ командою своею и билъ; а оттуда де по пересмотру отправлени съ командами два сотника на форпости— г. Лебедина Тимоѳей Красовскій, да г. Межирича Алексѣй Марковъ, и его, Кондратьева, команды со ними сотниками 8 человекъ козаковъ отправлено жъ; а особливаго ему, Кондратьеву, отъ него, полковника, опричъ вишше объявленнаго, предложенія не было, а ежели би де и било, то безъ всякого укосненія по оному исполнилъ, а то де оной полковникъ по злобе затеваетъ на него напрасно. Того ради, ваше благородіе, изволте о вышше помянутомъ подлинно изслѣдовать того сумского полку полковою старшиною, кромѣ полковника Осипова, и оние бъ старшини объявили, не опасаясь того полковника, сущею правдою: оному сотнику Кондратьеву съ командою на форпости въ пограничніе места очередь била-ль, и тотъ нарядъ полковникъ Осиповъ чинилъ съ совѣту ль той старшини, или одинъ собою по злобе? А что впоследствіи явится, изволите меня уведомить письменно.

Въ подлинномъ указе подписано:

Генералъ-фелтмаршалъ и кавалеръ и лейбъ-гвардіи преображенского полку подполковникъ князь Долгоруковъ.

Вѣрно: полковникъ Лесевицкій.

Марта 26 дня
1831 г.
Москва.

IV.

Письмо старшинъ сумскаго полка Маркова и Романова къ гетману Апостолу.

Ясновельможній мосце пане, гетманъ и кавалеръ, нашъ премилостивѣйшій пане и великій добродѣю!

За непомѣрную обиду и посягательство отъ пана полковника сумского, сожалѣя ми за Ивана Ивановича Кондратьева, по свой-

ственной нашей должности, до велможности вашей писмо, милостивого вашего отческого защищенія и оборони просячи, прошлихъ числехъ писали, а понеже отъ его, г. полковника, не токмо къ нему, Ивану Ивановичу, благопріятіе якое намералось, но вящое явнимъ образомъ производитъ, чимъ би домъ той уничтожить и стребить, о чомъ велможности вашей панской и отъ того дому со слезами предложенія суть; и имѣя злобу на Ивана Ивановича, южъ и насъ обоихъ весма въ урядахъ нашихъ вовсе уничтожилъ и непрестанно ищетъ, чтобы навести якое бѣдство и, по своей враждѣ, непрестанно составляютъ зъ своими единомышленниками нѣякіисъ непотребныя прошенія и посилаютъ къ Москве, чтобы Ивана Ивановича привесть къ поправленіе и бѣдственную озлобу. О чемъ по Бозѣ на велможность вашу, нашего премилостивѣйшаго отца и патрона, надѣючись, всепокорственно лицеземно со слезами молимъ явить свое панское къ томъ дѣлѣ къ намъ милостивое призрѣніе и о томъ поважную и многомощную вашея велможности къ височайшимъ особамъ къ Москве о немъ, Ивану Ивановичу, за его дѣло предложить инстанцію. О сіе рабски со слезами велможности вашей упросивши, зостаемъ вашея велможности, нашего премилостивѣйшого пана и великаго добродѣя,

всенижайшіе слуги
Полковой асаулъ Кондратъ Марковъ.
Полковой судья Иванъ Романовъ.

1731 году
Маія въ день(?)

V.

Письмо гетмана Апостола къ ахтырскому полковнику Лесевицкому.

Мой велце зичливій пріятелю, мосцѣ пане, полковнику ахтырскій.

Листъ вашой милости, пана, съ привѣтствіемъ монаршей милости къ намъ писанній, получили мы, съ котораго будучи вдячни, велце благодарствуемъ и желаемъ то жъ взаемне, при неотъемлемой монаршей всегда пребывая милости, въ предъбудущіе лѣта съ цѣлоздравственного вашъ мости нана тѣшитись поведенія. Что же при другомъ своемъ писаніи по дѣлу Ивана Ивановича Кондратьева, сотника полкового сумского, заводному съ полковникомъ сумскимъ же, господиномъ Василіемъ Осиповимъ, копію слѣдствія прислалъ вашъ мость, панъ, къ намъ для вѣдома, теди за

такую къ домовѣ его, Ивана Ивановича, доброскло́нность паки вашъ мости, пану, благодарствуемъ и, тую копію вычитавши, при листѣ нашомъ отослали къ нему, пану Кондратьеву, въ Москву, и за нимъ же Иваномъ Ивановичемъ писалисмо и до ихъ сіятелствъ, пановъ минѣстровъ, и до протчихъ персонъ, представляючи наше прошеніе, даби ихъ ходатайствомъ въ обидахъ своихъ же, отъ помянутого пана полковника дѣючихся, возмоглъ получити защищеніе и оборону: объявляемъ и притомъ зичимъ вашъ мости пану отъ Господа Бога доброго здоровя.

Вашъ мости пану всегда доброжелательный.

Мая 13, 1731 г.
Глуховъ.

VI.

Черновая ходатайственнаго письма гетмана Апостола къ разнымъ лицамъ за И. И. Кондратьева.

Полку сумского полковій господинъ сотникъ Иванъ Ивановъ Кондратьевъ, поносячи отъ полковника сумского Василія Осипова незносніе обыди и разоренія, отъ которыхъ дабы моглъ по милости е. и. в. имѣти защищеніе и оборону, ему показанніе, просилъ мене въ томъ до вашего графского сіятелства за нимъ внести свою инстанцію. Какіе отъ полковника сумского усмотрѣвши я обиди и разоренія и вѣдаючи тотъ домъ за вѣрнорадителние ку престолу всероссійскому службы въ милости монаршой содержимий, ибо и дѣдъ его, Кондратьева, на службѣ і. в. за достоинство монаршое обстоючи, свое окончалъ житіе, покорное мое за нимъ до вашого графского сіятелства вношу прошеніе, дабы онъ дѣйствителнымъ вашого графского сіятельства ходатайствомъ въ обыдахъ своихъ милостивѣйшій е. і. в. моглъ получити указъ, въ чемъ мое усугубляючи прошеніе, патронской в. с. полецаю мя милости и затимъ пребываю.

Внизу помѣта: До гр. Головкина, до Василія Володимеровича Долгорукова, до Павла Ивановича Ягужинского, до Курбатова.

Мая 13 дня, 1731 г.
Глуховъ.

VII.

Письмо гетмана Апостола къ сотнику Кондратьеву.

Панъ Кондратьевъ!

При листѣ полковника ахтирского, пана Алексѣя Лесевѣцкого, по дѣлу вашей милости зъ полковникомъ сумскимъ заводному

получивши мы, копію розиску посилаемъ до вашей милости для вѣдома, а при томъ за вашъ мость и листи наши зъ инстанціею пишемъ до ихъ сіятелствъ, гг. минѣстровъ, и до прочихъ особъ, даби ихъ дѣйствителнимъ ходатайствомъ вашъ мость въ дѣлѣ своемъ милостивѣйшій й. в. возмоглъ получити указъ, которіи листи, даби отдани рукамъ належнимъ, при семъ сообщаемъ, и затимъ вашъ мости доброздравленнаго поведенія зичимъ. Зъ Глухова, мая 13 дня, 1731 года.

IX.

Письмо старшинъ сумскаго полка Маркова и Романова къ гетману Апостолу.

Ясневелможній мосцѣ пане гетманъ и кавалеръ, премилостивѣйшій нашъ пане и великій добродѣю!

Не имѣючи по Бозѣ иния надежди, токмо на вашу велможность, нашего премилостивѣйшаго пана отческое милосердное защищеніе, въ чемъ и ныне служебничо предложивши, всепокорственно рабски просимъ за Иваномъ Ивановичемъ превисокоповажной вашея велможности инстанціи до превисочайшихъ сенаторовъ къ Москве, милостивое призрѣніе въ томъ явля, даби оной своего желанія не билъ оставленъ, понеже и г. полковникъ къ Москве отъехалъ, не сдѣлалъ бы какимъ образомъ препони. А яково отъ полку за нашими старшинскими и товариства руками прошеніе сего іюня въ первыхъ числѣхъ къ показанію къ Москве же отправлено, во предложеніе вашей панской велможности при семъ объявляемъ, а болше во всемъ на превисокое велможности вашей милостивое отческое вспоможеніе надѣючися, падши до стопи ногъ вашея велможности, рабски служебничо просимъ.

Вашея велможности, нашего премилостивѣйшого пана, великого добродѣя всенижайшіе слуги

Асаулъ полковой Кондратъ Марковъ.
Полковой судья Иванъ Романовъ.

1731 году
Іюля 23 дня
Сумы.

X.

Копія челобитной старшины и товарищества сумскаго полка на высочайшее имя объ удаленіи отъ полковничьяго уряда Василія Перекрестова-Осипова и назначеніи на его мѣсто сотника Ивана Кондратьева.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица Анна Іоановна, самодержица всероссійская.

Въ прошлихъ годехъ Герасимъ Кондратьевъ пришелъ изъ заднѣпрянскихъ городовъ подъ высокодержавную руку блаженнія и вечно достойнія памяти великого государя, царя и великого князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малія и Бѣлія Россіи самодержца, і отсель жилъ на пустомъ месте промежъ белгородской и путивлской черти надъ речкою Сумкою, которыми местами хажевали крымскіе и нагайскіе татари подъ украинскіе городи и великоросійскіе для разоренія. И призвалъ онъ, Герасимъ Кондратьевъ, дедовъ и отцевъ и родственниковъ нашихъ и другихъ многое число изъ заднѣпранскихъ и изъ гетманскихъ городовъ жителей, по верности россійскому государству, и населилъ первие городъ Суми, а потомъ къ городу Сумамъ многіе городи и села и деревни, и устроилъ полкъ и монастири и церкви Божія, и за то онъ, Г. К., пожалованъ въ томъ городе Сумахъ полковникомъ, и не щадя здравія и живота своего за россійское государство и за вѣру православную християнского закона, такожъ и за сумскій полкъ, верно и непоколебимо, не имѣя жадного на себе подозренія, изъ деди и отци и родственниками нашими и всеми полчанами сумскими безпрестанно и на многихъ бояхъ и приступахъ противъ непріятелей и измѣнниковъ бивалъ, и многими тяжелими и удрученными ранами раненъ, и отъ тихъ ранъ онъ, Герасимъ, умре. Такожъ и деги ево, Герасима Кондратьева, Григорій Герасимовъ Кондратьевъ, полковникъ сумскій, во многихъ походахъ и бояхъ бивалъ и до самой смерти служилъ верно. Андрей Герасимовъ сынъ Кондратьевъ, столникъ и полковникъ сумскій, во многихъ походахъ и бояхъ съ нами, вашего императорского величества нижайшими и верными рабами, бивалъ и, будуче въ походе противъ изменника Кулавина, убитъ на баталѣи надъ рекою Уразовою. Романъ Гера-

симовъ Кондратьевъ, столникъ и полковникъ ахтирскій, во многихъ походахъ и бояхъ съ нами нижайшими и верными рабами билъ же и во всякой верности и раденію по смерть свою служилъ. О чемъ явствуютъ за верную и непоколебимую оныхъ Кондратьевыхъ и насъ, рабовъ, службу милостиво жалованніе похвалніе грамоти блаженнія и вечно достойнія памяти россійскаго державенства великихъ государей, что впредъ никогда Кондратьевыхъ верная служба не будетъ забвенна. А по смерти полковника сумского Ивана Андреева сына Кондратьева, по линіи и по заслуге Кондратьевыхъ, остался Иванъ Ивановъ сынъ Кондратьевъ, и въ прошломъ 1730 году определенъ въ сумской полкъ полковимъ сотникомъ. А на осталомъ въ сумскомъ полку, заслуженному его Ивановимъ прадедомъ и деди и отцемъ Кондратьевыми, полковничемъ месте зостаетъ полковникъ, безъ жадной сумскому полку заслуги и безъ нашого прошенія изъ слободского ахтирского полку Василій Перекрестовъ, которой нине сливетъ Осиповъ. А онъ, сотникъ Иванъ Кондратьевъ, отъ заслуженного кровію и ранами полковничего места зостаетъ отдаленъ въ такой силе: въ прошломъ 728 г., когда онъ Василей просилъ о пожалованіи въ сумской полкъ полковникомъ на место умершого полковника Ивана Андреева сина Кондратьева, а ево, Ивана Кондратьева, написано будто онъ въ малихъ летехъ и безграмотенъ. А онъ, Иванъ, якъ въ те пори билъ болше 20 летъ, такъ и ныне состоитъ болшъ 25 л. и грамотенъ, и писать умѣющій, и во всемъ постояненъ и добръ, и высокомонаршему в. и в. престолу во всякой службе вѣренъ. А понеже и въ грамотѣ блаженнія и вечно достойнія памяти вселюбезнѣйшаго отца вашево імператорского величества государя и царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича, и любезнѣйшаго дяди вашего, первого императорского величества великого государя императора Петра Алексѣевича, всея Великия и Малия и Белия Россіи самодержцовъ, данной въ лето семъ тисячъ двусотого году іюня двадцать первого дня въ ахтирской полкъ на полковничество деду его Иванову, столнику Роману Герасимову сыну Кондратьеву, написано, чтобъ Ивана Перекреста отъ полковничества ахтирскаго отставить, и ему Перекресту, и его родственникамъ и советникамъ и единомышленникамъ нине и впредъ въ полковникахъ и въ полковой старшине не быть, а нинѣ оного Ивана родной внукъ, Василей Перекрестовъ, а сливетъ, неведомо чего ради, Оси-

повъ, въ сумскомъ полку безъ жадной заслуги зостаетъ полковникомъ, хочетъ онъ, Василей Перекрестовъ, его Ивана Кондратьева, изъ заслуженного верностію и кровію и ранами прадедовъ и деди и отцемъ ево Кондратьевыми полковническаго места вовсе отбить и чинить ему Івану и намъ, в. и в. нижайшимъ рабамъ, немалия налоги и обиди. Съ которой грамоти, для всемилостивѣйшаго разсмотрѣнія, пріобщаемъ при этомъ копію.

Всемилостивѣйшая государиня императрица! просимъ вашего императорсково величества да повелитъ державство ваше сіе наше, нижайшихъ и вернихъ рабовъ, челобитіе милостиво принять, и за прежніе знатніе и верно радителніе кровію и ранами прадеда и дедовъ и отца ево, Ивана Кондратьева, службы его Ивана пожаловать въ сумской полкъ полковникомъ, а означенного Василія Перекрестова отъ полковничества сумского отставить, чтобъ онъ, Василей, не разорилъ ево, Ивана, и насъ такожъ, какъ и дедъ ево, Иванъ Перекрестовъ, въ ахтирскомъ полку починилъ много обидъ и разоренія, за что и отъ полковничества отставленъ по вышеозначенной государственной грамоте. А что нине и онъ, Василей, въ сумскомъ полку починилъ обиди, о томъ, по одставленіи ево, Василія, отъ полковничества, явственно будетъ отъ всякого обиженного порознь. А ежели о немъ, Василію Перекрестову, явится какое отъ полку сумского даби ему бить полковникомъ прошеніе, и такому би прошенію не вѣрить, всепокорственно просимъ, понеже такое прошеніе онъ, Перекрестовъ, природнимъ своимъ пронирствомъ составя, иннихъ страстію, а другихъ обманою до подпису руки приводилъ, о чемъ вяще при слѣдствіи то ясно покажется. А онъ, Иванъ Кондратьевъ, надѣется, что во всякой верности и раденію такъ, какъ предедъ и деди и отецъ его Кондратьевы, полковники сумскіе, служили верно и радително, безъ жадного пороку будетъ служить вашему императорскому величеству съ нами вместе верно и радително.

Вашего императорского величества нижайшіе раби нижеподписавшіеся сумского слободского полку выборніи козаки съ товарищи:

Асаулъ полковій Кондратъ Марковъ.

Полковій судья Иванъ Романовъ,

Белополской сотникъ Федоръ Куколь-Яснопольскій съ товариществомъ.

Лебединскій сотникъ Тимоѳей Красовскій съ товарищами.

Межирицкой сотникъ Алексѣй Марковъ съ товариществомъ.

Ворожбы бѣлополскій сотникъ Алексѣй Болдиръ съ товариществомъ.

Суджанской сотникъ Иванъ Романовъ съ товариществомъ

да наказной суджанской Иванъ Кириловъ съ товариществомъ.

X.

Письмо гетмана Апостола къ сумской старшинѣ.

Мои ласкавіи милостивіе пани асаули и судіи полковіи сумскіе!

Листъ вашъ мосци, іюня 23 дня до насъ писаній, и при немъ сообщенную копію челобитной вашей на имя ея императорского величества зъ инстанціею за Иваномъ Ивановичемъ получили мы того-же іюня 26, въ которомъ изображено ваше прошеніе, дабы мы за мененнимъ Иваномъ Ивановичемъ до ихъ сіятелствъ господъ минѣстровъ инстанціалніе одъ себе писали листи. Прето предлагаемъ, ижъ якъ и прежде сего за вишепоказаннимъ Иваномъ Ивановичемъ писано одъ насъ до ихъ сіятелствъ. господъ минѣстровъ, такъ и по сему письменному вашему прошенію писать не оставимъ, только бъ вы, якъ ныне, такъ и впредь за нимъ Иваномъ Ивановичемъ слова своего і інструкціи додержали. При семъ доброго отъ Господа Бога зичимъ вамъ здоровья. Зъ Глухова, іюня 26 дня 1731 году.

XI.

Черновка письма гетмана Апостола къ разнымъ лицамъ съ ходатайствомъ объ И. И. Кондратьевѣ.

Листи до ихъ сіятелствъ, господъ минѣстровъ.

Якъ передъ симъ минувшого мая 13 дня сего 1731 году писалъ я до вашего графского сіятелства, просячи за Иваномъ Ивановымъ синомъ Кондратьевымъ, сотникомъ полковимъ сумскимъ, такъ и теперь за нимъ же вносючи мою до вашего графского сіятелства інтерцесію, покорнѣйше прошу, благоволи, ваше графское сіятелство, явити къ нему, Ивану Кондратьеву, въ прошеніи его патронскую свою милость, которой и самого мене рекомендую навсегда.

1731 году.
Іюня 28 дня.
Глуховъ.

XII.

Письмо гетмана Апостола къ сотнику Кондратьеву.

Пане Кондратьевъ!

Якъ передъ симъ минувшаго мая 13 дня сего 1731 г. писали мы до ихъ сіятелствъ, господъ минѣстровъ, просячи за вашу милость, такъ и теперь до ихъ сіятелствъ листи наши зъ инстанціею пишемъ, дабы ихъ дѣйствительнимъ ходатайствомъ въ томъ дѣлѣ своемъ милостивѣвшій е. и в. возмогли получити указъ, которіи листи, для отданія рукамъ належнимъ, при семъ сообщаемъ, и затимъ вашей милости доброздравленнаго поведенія зичимъ. Зъ Глухова, іюля 3 дня 1731 году.

XIII.

Письмо графа Вейсбаха къ гетману Апостолу.

Ясне велможный и высокоповажный господинъ гетьманъ и кавалеръ!

Вашей ясневелможности письмо, отъ 22 дня сего іюля писанное, мною 29 числа получено, въ которомъ изволите упоминать по пріобщенной съ челобитной копіи Ивана Кондратьева, по объявленію отъ него изъ Москвы къ вашей велможности, якобы онъ, Кондратьевъ, получилъ себѣ ея императорскаго величества указъ о бытіи ему съ командою своею въ команде нашей, а полковнику объ немъ и подкомандныхъ ево не вѣдать; такожъ что отъ его свѣтлости, господина генерала фелтъ-маршала и кавалера, послана при ордере полковая челобитная за нимъ, Кондратьевымъ, о удостоинстве ево въ полковничій рангъ, яко бы велено намъ о томъ прислать въ Москву мненіе, по которому о полковничестве, где надлежитъ, представлено будетъ и на оное вашей ясневелможности объявляю, что я ордера и при томъ челобитной отъ его свѣтлости въ полученіи не имѣю. Егда получу, то по оному ордеру исполнение отъ меня имѣетъ учинено быть, и въ чемъ будетъ моя возможность, то для вашей ясневелможности къ оному Кондратьеву свою склонность показывать готовъ. Впрочемъ пребываю вашей ясневелможности охотнимъ слугою.

Іюня 30 дня
1731 году.
Полтава.
Гетману.

Фонъ де-Вейсбахъ.

XIV.

Черновое письмо гетмана Апостола къ графу Вейсбаху.

Листъ до графа генерала де Вейсбаха.

Вашего графского сіятелства листъ, подъ датою минувшого

изволите ваше графское сіятелство объявить, что ордера и притомъ челобитной отъ его свѣтлости, господина генерала фельтмаршала и кавалера, о Ивану Кондратьеву въ полученіи ваше графское сіятелство не имѣете и егда получите, то по оному ордеру исполненіе отъ вашего графского сіятелства учинено быть имѣетъ и въ чемъ будетъ в. г. с. возможно, для мене къ оному Кондратьеву свою склонность показывать изволите.

Того ради, якъ прежде сего, такъ и теперъ, въ надежду благодетелской в. г. сіятелства и мною дознанной пріязни пишучи до в. г. сіятелства, покорне прошу, если таковій ея имп. величества указъ о битіи ему съ командою своею въ командѣ в. г. сіятелства, такожъ отъ его свѣтлости, господина генерала фелтмаршала и кавалера, ордеръ съ прошеніемъ челобитной въ удостойствіе его въ полковничій рангъ ко представленію в. г. сіятелства мнѣнія за нимъ, Кондратьевымъ, получены будутъ, да благоволите в. г. сіятелство за нимъ Кондратьевымъ куда надлежитъ послать мнѣніе, по которому бы онъ, Кондратьевъ, оній чинъ полковничества, по знатнимъ заслугамъ предковъ своихъ и по желанію тамошнихъ полчанъ, получити могълъ. Впрочемъ пребывая...

Августа 7 1731 году.

XV.

Черновое письмо гетмана Апостола къ разнымъ лицамъ съ ходатайствомъ о Кондратьевѣ.

Якъ передъ симъ всенижайшую мою до вашего графского сіятелства вносылъ я инстанцію за племѣнникомъ моимъ Иваномъ Ивановимъ синомъ Кондратьевымъ, сотникомъ полковимъ сумскимъ, такъ и ныне о томъ же имѣю трудить высокую вашего графского сіятелства особу, что понеже предковъ Кондратьевихъ всеросійскому монаршому престолу служба явственна есть, ибо дѣдъ его Кондратьевъ на службѣ монаршой, за достоинство монаршое обстоючи, и животъ свой окончилъ, за якіе ревностніе прислуги дани предкамъ ихъ же, Кондратьевихъ, жалованнія високомонаршія грамоти, чтобъ въ сумскомъ полку имъ полковниками быть зъ ихъ, Кондратьевихъ, линіи безперемѣнно, того ради всепокорнѣйше прошу помянутому Ивану Кондратьеву въ прошеніи его явить патронскую вашего графского сіятелства милость, дабы за предстательствомъ вашего графского сіятелства явлена была къ нему височай-

шая ея имп. велич. милость и благопризрѣніе, чтобъ онъ по заслугамъ предковъ своихъ и пожалованнимъ имъ високомонаршимъ грамотамъ удостоенъ былъ чиномъ полковничества сумского. О якое патронское предстателство со усугубленіемъ моимъ просячи, пригомъ и самого мя патронской вашей милости навсегда ввѣряя, пребываю...

Внизу приписка: До канцлера Гаврила Ивановича Головина, до вице-канцлера Андрея Ивановича, до Ушакова, до князя Шаховскаго, до Бирона.

10 февр. 1732 году.

XVI.

Письмо гетмана Апостола къ кіевскому генералъ-губернатору.

Сіятельнѣйшій графъ и високопревосходителнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ кіевскій и кавалеръ, мой особливій ласкавій благодѣтель!

Прибывши въ Глуховъ, племянникъ нашъ, сотникъ полковій сумскій Иванъ Кондратьевъ объявилъ намъ, яко къ нему, Кондратьеву, въ произвожденіи его въ чинъ сумского полковничества довольно показуется вашего графского сіятелства патронства, за что по премногу вашему графскому сіятелству благодарствую; и понеже предковъ его, Кондратьевихъ, къ всероссійскому монаршему престолу служба явственна есть, ибо дедъ его, Кондратьевъ, на службѣ монаршой, за достоинство монаршое обстоюючи, и животъ свой окончилъ и за оніе ревностніе прислуги дани предкамъ ихъ же, Кондратьевихъ, жалованніе високомонаршіе грамоты, чтобъ въ сумскомъ полку полковниками быть съ ихъ, Кондратьевихъ, лѣніи безперемѣнно; того ради за нимъ, Кондратьевимъ, вашего графского сіятелства благопріятно прошу въ томъ его безпомощна не оставить, ижъ бы предстателствомъ и патронскимъ вспомоществованіемъ в. г. с. снискана была ему высочайшая е. и. в. милость и благопризрѣніе, чтобъ онъ, по заслугамъ предковъ своихъ и по жалованнымъ имъ высокомонаршимъ грамотамъ, былъ въ тотъ полковничества чинъ удостоинъ, за что всегдашними услугами моими вашему графскому сіятелству возблагодарить одолжаюсь, навсегда пребывая

Вашего сіятелства доброжелательнѣйшій ея императорского величества войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ.

Февраля дня
1732 году
Глуховъ.

Сообщ. **А. Твердохлѣбовъ.**

Библіографія.

Андрей Степановичъ Милорадовичъ, покоритель Мачина въ 1771 г., губернаторъ черниговскаго намѣстничества († 1791 г.), съ приложеніемъ 57 писемъ къ нему. Изд. второе. Черниговъ. 1887 г.

Настоящее изданіе этой книжки отличается отъ перваго, напечатаннаго въ 1878 г., приложеніемъ къ ней 57-ми писемъ къ Милорадовичу разныхъ «высокопоставленныхъ» лицъ конца XVIII в., какъ-то: Потемкина, Суворова, Репнина, Вяземскаго и друг. Письма эти были уже частью напечатаны въ Черниг. Губ. Вѣдомостяхъ прошлаго года и въ Черниговскомъ Календарѣ на текущій годъ. Особеннаго мѣстнаго интереса письма эти не представляютъ, за исключеніемъ развѣ писемъ гр. П. В. Завадовскаго, которому принадлежитъ найбольшее количество изъ напечатанныхъ (21) и Евдокіи Михайловны Безбородко (матери кн. Александра Безбородко). И тотъ и другая преимущественно «радѣютъ» о своихъ близкихъ и «родныхъ человѣчкахъ», выпрашивая имъ разныя мѣста у губернатора обширнаго намѣстничества. Съ своей стороны Завадовскій стоялъ въ Петербургѣ на стражѣ интересовъ Милорадовича, увѣдомляя послѣдняго о своемъ «радѣніи» темными для насъ записочками, какъ напр.: «Тянется ваша судьбина еще до нѣкотораго времени. Не думайте, чтобы сіе ради васъ дѣлалось. Часто терпятъ люди не по своимъ причинамъ. Сіе преодолѣть мое дѣло. Будьте покойны, я не останусь во лже предъ вами; мѣсецъ и другой не сдѣлаетъ разницы. Сильной водѣ не ставятъ вдругъ плотины, по порѣ выигрываютъ». Письма Завадовскаго писаны собственноручно и по нимъ можно заключать, что Завадовскій недаромъ пользовался славою хорошаго стилиста, хотя и уступавшаго даровитому своему земляку-товарищу—Безбородку. Не

смотря на недавно напечатанную статью о Завадовскомъ (Русск. Арх. 1883 г., II, 81—174), послѣдній ждетъ еще своего біографа, который долженъ подробнѣе разсказать повѣсть о жизни этого сентиментальнаго (См. письма Завадовскаго въ XII-й кн. Арх. кн. Воронцова) человѣка «случая»[1]).

А. Л.

Складка. Альманахъ. Року Божого 1887. № 1. Спорудывъ Вл. Александровъ. Харькивъ.

Малорусская литература послѣдняго десятилѣтія пополняется все почти альманахами. Со временемъ этотъ періодъ ея такъ и можно будетъ назвать *альманашнымъ*. Альманахи являются и толще и тоньше, наполняются и прозой и стихами, даже преимущественно и исключительно стихами, а содержаніе ихъ всегда почти одно и тоже. Чѣмъ они вызываются, какой потребности и въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ, есть ли тутъ поступательное движеніе мѣстной общественной жизни и духа, обработка и развитіе языка, или отраженіе современнаго состоянія народной жизни, на эти и другіе подобные вопросы отвѣчать трудно и по многому неудобно. Но отмѣтить въ мѣстной библіографіи и эти литературныя приращенія необходимо. Со временемъ получатся отъ такихъ замѣтокъ выводы, а какіе—вопросъ будущаго.

На простой взглядъ появленіе такихъ литературныхъ сборниковъ свидѣтельствуетъ о неугасшей еще въ нѣкоторой части мѣстнаго общества любви къ родной рѣчи, а самое возникновеніе ихъ представляется въ такомъ видѣ. Въ любомъ изъ нашихъ южныхъ городовъ: Одессѣ, Кіевѣ или Харьковѣ всегда найдется нѣсколько лицъ и любящихъ родную рѣчь, и знакомыхъ съ версификаціею; напишутъ они на досугѣ по нѣскольку стихотвореній, подѣлятся другъ съ другомъ, а кто нибудь и возьмется «спорудыть» изъ нихъ «сбирныкъ», вотъ и явится «Складка» или съ инымъ названіемъ альманахъ. Конечно, поэтическихъ произведеній тутъ нечего искать, да и было бы странно, чтобы вдругъ въ одномъ напр. Харьковѣ объявилось разомъ 8 или 10 поэтовъ. Дарованія и умѣнье пишущихъ тутъ различны, даже просто съ признаками таланта найдется одинъ или два, но все таки явится книжка, какая-то

---

[1]) Для будущаго біографа Завадовскаго укажемъ интересныя три его письма къ Фрндрикевичу, напечатанкыя гр. Гр. А. Милорадовичемъ въ Черниг. Губ. Вѣд. 1883 г., № 49, а также замѣтки о Завадовскомъ въ Русск. Арх. 1887 г. № 1, 118—128.

цѣль достигнется, какая-то потребность удовлетворится—въ тѣсномъ кругу, въ узкой формѣ..., ну, да это дѣло другое.

Въ такомъ видѣ представляется намъ и настоящій харьковскій Сборникъ. Весь онъ состоитъ изъ стихотвореній, а лучшими изъ нихъ на нашъ взглядъ являются стихотворенія г. Ц. Билиловскаго. Начнемъ съ самаго главнаго: «Писни про дзвинъ», превосходнаго перевода «Пѣсни о колоколѣ» Шиллера. Сравнивая переводъ г. Билиловскаго съ нѣмецкимъ подлинникомъ и затѣмъ съ русскими переводами Д. Мина и А. Глинки, мы по долгу справедливости и по чувству художественной истины должны отдать предпочтеніе переводу г. Билиловскаго, простому, ясному и въ тоже время сильному и выразительному. «Пѣсня о колоколѣ» можетъ служить пробнымъ камнемъ для художественной силы переводчика и его знанія языка, на который переводится этотъ величественный памятникъ нѣмецкой поэзіи, и для самой литературной разработки и силы этого языка. Какъ извѣстно, Шиллеръ въ «Пѣснѣ о колоколѣ» представилъ исторію человѣческой жизни въ главныхъ ея моментахъ, рожденіи, юности, первой любви, семейныхъ радостяхъ и печаляхъ, старости и кончинѣ человѣка въ отдѣльности, и кромѣ того въ мирныхъ и революціонныхъ проявленіяхъ общественной жизни. Разнообразныя картины и положенія человѣческой жизни объединены тутъ однимъ внѣшнимъ процессомъ выливки колокола. Въ самомъ языкѣ «Пѣсни о колоколѣ» обнаруживается большое разнообразіе. Въ однихъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о молодости, любви, тихихъ радостяхъ семейной жизни, стихъ Шиллера льется плавно и нѣжно; въ другихъ, какъ при изображеніяхъ пожара и народнаго бунта, онъ звучитъ тяжело, грозно. Въ особенности большія трудности для перевода представляетъ художественное изображеніе выливки колокола, со всѣми относящимися къ этому дѣлу техническими особенностями. Къ чести г. Билиловскаго сказать надо, что онъ весьма удачно справился съ трудностями перевода и этимъ доказалъ не только свою личную даровитость, но и естественную пригодность для такого дѣла малорусскаго языка. Уже первыя строфы перевода: «Зъ глины выроблена форма въ землю вкопана стоить»... гораздо точнѣе передаютъ слова подлинника: «Fest gemauert in der Erden steht die form, aus Lehm gebrandt», чѣмъ извѣстный переводъ Мина: „Утвердивши форму въ глинѣ, обожженную огнемъ“: по послѣднему не форма выходитъ глиняная, но только утверждается она въ глинѣ, что не составляетъ необходимости при выливкѣ колокола, такъ какъ форма можетъ быть вставлена въ черноземъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи перевода одно, чуть ли не самое прекрасное мѣсто «Пѣсни»: Denn mit der Freude Feurklange begrüst sie das

geliebte Kind..., переданное у Мина словами: «Веселый звонъ святого пира встрѣчаетъ милое дитя», съ нѣкоторою безсмысленностію въ первомъ стихѣ, въ послѣдующихъ же вообще темно и напыщенно,—проще, вѣрнѣе и сильнѣе переводится у Билиловскаго словами: «Прывитно и радостно вытае въ сели дзвинъ любое дытя»...

Подъ рукою г. Билиловскаго шиллеровская картина счастливой семейной жизни получила украинскую окраску, при вѣрности перевода, и этотъ оттѣнокъ получился здѣсь отъ языка перевода:

Дитей щира мати
И хазаинуе,
И вчить, и муштруе,
Хлопьятъ и дивчатокъ,
Щобъ выйшли зъ нихъ люде.
И варить, и мые,
Одежину шые...

И далѣе:

Добромъ наповняе малёвани скрыни,
Пряде и вышивае сорочку дитыни,
Та дбае, складае у скрыню на дно
Клубки и пивмитки, сукно и полотно,
Працюе щоденно для-ради споживку,
Не знае спочивку.
А батько господарь то десь на току,
То десь на толоци, або у млинку,
Або при уликахъ пъ садку...

Въ концѣ перевода г. Билиловскаго мы замѣтили двѣ-три небольшихъ погрѣшности противъ подлинника и пропускъ нѣсколькихъ строкъ оригинала. Слабо напр. переданъ похоронный звонъ, слабѣе, чѣмъ у Мина и у Глинки, но за то ясно, просто и близко къ подлиннику переданы техническія подробности выливки колокола.

Въ «Складкѣ» помѣщено десять оригинальныхъ стихотвореній г. Билиловскаго, при чемъ въ художественномъ отношеніи выдаются «Житейска мудрость», «Климъ Ганеба», «Корчакъ», «Дайте бо жить» и «Три сестры». Послѣднее произведеніе, состоящее изъ трехъ стихотвореній или пѣсенъ, и по замыслу, и по исполненію можетъ быть названо очень хорошимъ. Три сестры прядутъ и поютъ пѣсни, каждая изъ нихъ выражаетъ въ пѣснѣ свои задушевныя желанія, радости и печали. «Дайте бо жить»—стихотвореніе, полное страсти и силы. Прочитавши это стихотвореніе разъ съ достаточной внимательностью, потомъ какъ то невольно обращаетесь къ нему, перечитываете, повторяете отдѣль-

ныя мѣста и фразы, наконецъ, выучиваете его дословно. Въ стихотвореніяхъ г. Билиловскаго, особенно въ такихъ, какъ «Житейска мудрость», «Климъ Ганеба» и «Десять даровъ на свити», обнаруживается серіозная, философская мысль, законченность и округленность содержанія, стихъ мужественный и сильный, что составляетъ значительное достоинство въ литературѣ, страдающей излишней мягкостью и женственностью стиха, расплывчатостью въ изложеніи, дидактическими изліяніями устарѣвшихъ поэтовъ и туманнымъ фразерствомъ поэтовъ юныхъ.

Г. Самойленко помѣстилъ въ «Складкѣ» шесть стикотвореній разнообразнаго содержанія, и въ томъ числѣ переводъ первой пѣсни Иліады Гомера. Переводъ сдѣланъ хорошо, близко къ подлиннику и въ тоже время просто, безъ выковки словъ, въ чемъ, впрочемъ, и надобности не было, по патріархальной простотѣ Иліады, и главное, безъ искусственныхъ эпитетовъ и сложныхъ словъ, обыкновенно отягощающихъ переводы Гомера. Г. Самойленко пробуетъ свои силы на возвышенныхъ темахъ въ стихотвореніяхъ «Рыдання души», «Зимовый діалогъ», «Гришныця» и на темахъ юмористическаго свойства, напр, въ стихотвореніи «Горе піиты». Послѣднія два стихотворенія лучше другихъ. Авторъ хорошо владѣетъ языкомъ, удачно справляется съ версификаціею. По-видимому, онъ обладаетъ поэтическимъ талантомъ; но и теперь уже сказать можно, что если онъ поднимете тонъ своей поэзіи выше «Рыдання души», то потонетъ въ высокопарности и ходульномъ пустословіи; если же захочетъ придать своимъ юмористическимъ стихотвореніямъ еще болѣе игривости, чѣмъ въ «Горѣ піиты», неизбѣжно впадетъ въ фарсъ и каррикатуру.

В. С. Александровъ, составитель и издатель „Складки", помѣстилъ здѣсь нѣсколько своихъ стихотвореній, мягкихъ и задушевныхъ. Авторъ хорошо владѣетъ малорусскимъ языкомъ, что обнаруживается въ особенности въ его переводахъ. Изъ оригинальныхъ стихотвореній В. С. Александрова лучшими въ Складкѣ является «Безталанна вдова», а изъ переводныхъ «Живе озеро».

Кромѣ того, въ „Складкѣ" помѣщены стихотворенія NN., П. Ричицькаго, Л Переймы, Я. Жарко, Н. Шамраева и А. Навроцкаго, большею частью слабыя. «Улыця» г. Шамраева—настолько слабое и искусственное стихотвореніе, что у читателя возникаетъ желаніе никогда болѣе не встрѣчаться въ литературѣ съ его авторомъ. «На вичну память Костомарову» г. Навроцкаго—высокопарное пустословіе, отъ котораго по прочтенін не остается въ памяти ни малѣйшаго слѣда. Г. Перейма повторяетъ народныя пѣсни; но мы всегда предпочитаемъ читать малорусскія народныя пѣсни въ чистомъ видѣ, а не въ субъек-

тивномъ и часто невѣжественномъ литературномъ искаженіи. Хорошо было-бы выбрать изъ сборниковъ Чубинскаго, Лопачевскаго, отчасти изъ Головацкаго наиболѣе художественныя пѣсни и издать ихъ отдѣльно въ видѣ сборника, чѣмъ вполнѣ и безъ убытка устраненъ былъ-бы г. Перейма, какъ наиболѣе безцеремонный сторонникъ плагіата изъ народной поэзіи. З.

Исторія кіевской духовной академіи. Выпускъ первый. Періодъ до-могилянскій. С. Голубева. Кіевъ. 1886 года.

Названное сочиненіе состоитъ изъ изслѣдованія и матеріаловъ или приложеній. Послѣднія занимаютъ цѣлую треть книги, но и самое изслѣдованіе изобилуетъ выдержками изъ разныхъ источниковъ, съ которыми автору приходится имѣть дѣло.

Изслѣдованіе подраздѣляется на четыре главы. Первая глава посвящена изслѣдованію вопроса о началѣ кіевской академіи, а также о времени учрежденія кіевскаго богоявленскаго братства и при немъ школы, изъ которой возникла впослѣдствіи академія. Авторъ излагаетъ такъ сказать исторію этого вопроса или мнѣній по нему еще съ прошлаго столѣтія и старается утвердить мнѣніе покойнаго М. А. Максимовича, что до 1615 г. не существовало ни братства, ни школы, ни монастыря братскаго, ни даже богоявленской церкви. Чего либо новаго во всей этой главѣ мы не нашли; основныя ея положенія были высказаны авторомъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи,» помѣщенной въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1886 г., какъ возраженія на «Историческія замѣтки о Кіевѣ» П. Л—ва. Въ настоящемъ своемъ изданіи г. Голубевъ, принимая во вниманіе отвѣтъ на его «Сказанія» П. Л—ва, помѣщенный въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ за минувшій годъ, только больше развиваетъ высказанныя имъ раньше положенія и болѣе подробно разбираетъ доказательства, какія приводятся въ защиту двухъ различныхъ мнѣній по вопросу о началѣ кіевской академіи, и ихъ основанія, при чемъ трактуя объ «уписѣ» кіевскихъ братчиковъ, авторъ впервые высказываетъ свою рискованную, чтобъ не сказать больше, теорію возникновенія братствъ изъ коллективнаго патроната городовъ. Во второй главѣ авторъ, добравшись до болѣе точныхъ данныхъ въ начальной исторіи академіи, говоритъ о фундаторшѣ Гальшкѣ Гулевичевой и ея мужѣ, о ея записи на школу и братство, о самомъ учрежденіи братства, его уставѣ и утвержденіи

онаго, о построеніи братской церкви и монастыря и другихъ сопровождающихъ и послѣдующихъ того времени обстоятельствахъ. Въ томъ мѣстѣ этой главы, гдѣ авторъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи, родственныхъ связяхъ и имени фундаторши братской школы, встрѣчаются и нѣкоторыя новыя, хотя и второстепенныя данныя, уловленныя г. Голубевымъ въ актахъ кіевскаго центральнаго архива. Въ третьей главѣ авторъ старается что либо сказать о самой школѣ братства, опредѣлить наприм. кругъ предметовъ, преподававшихся въ ней, объемъ преподаванія, руководства, наконецъ, школьные порядки и экономическое положеніе учениковъ; но за недостаткомъ прямыхъ данныхъ, говоритъ обо всемъ этомъ по аналогіи съ тѣмъ, что въ точности извѣстно о другихъ братскихъ школахъ того времени. Глава заключается сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о ректорахъ школы, учителяхъ и ученикахъ въ до-могилянскій періодъ ея существованія. Четвертая глава представляетъ извлеченіе (съ сокращеніями и нѣкоторыми дополненіями и поправками) изъ 5-й главы прежняго сочиненія автора: «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники» (Кіевъ. 1883 г.) Въ приложеніяхъ, какъ и въ изслѣдованіи, кое-что уже раньше напечатано въ другихъ изданіяхъ, а иное появляется впервые; перепечатки сдѣланы для болѣе точнаго и правильнаго изданія документовъ съ устраненіемъ тѣхъ ошибокъ, иногда весьма серьезныхъ, которые были допущены въ прежнемъ изданіи. Всѣхъ актовъ 25; изъ нихъ 13 относятся къ біографіи Галшки Гулевичевны или Елисаветы Лозки и ея семьи.—Таково содержаніе книги въ общихъ чертахъ.

Прочитавъ ее, читатель знакомый съ прежними работами г. Голубева припомнитъ многое изъ того, что было имъ помѣщено въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ; это объясняется особымъ пріемомъ, который употреблялъ г. Голубевъ при разработкѣ избраннаго имъ предмета. Какъ художникъ, прежде чѣмъ нарисовать задуманную картину, долго работаетъ надъ этюдами, отдѣльными частями картины, такъ и г. Голубевъ разрабатываетъ сначала отдѣльные эпизоды или вопросы своей большой темы, читаетъ ихъ въ мѣстныхъ ученыхъ обществахъ, выслушиваетъ замѣчанія, затѣмъ печатаетъ свои небольшіе доклады и, принявъ во вниманіе критическія указанія, исправляетъ ихъ и сводитъ въ одномъ большомъ трудѣ. Такъ онъ поступилъ при изданіи монографіи о Петрѣ Могилѣ, такъ поступилъ и теперь при изданіи «Исторіи кіевской духовной академіи». Трудъ такимъ образомъ выходитъ болѣе совершеннымъ, положенія болѣе разработанными и выясненными. Но, конечно, положенія будутъ непререкаемы лишь въ такомъ случаѣ, когда выводы приходится дѣлать на болѣе положительныхъ данныхъ,

чѣмъ какія имѣются для рѣшенія двухъ существенныхъ вопросовъ въ нынѣшней монографіи г. Голубева, именно: о происхожденіи братства и времени возникновенія школы. Неопредѣленность такихъ основныхъ документовъ, какъ запись Лозки и упись братчиковъ, оставляютъ много спорныхъ пунктовъ, а потому и упомянутыя выше замѣчанія П. Л—ва на „Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи" г. Голубева остаются въ своей силѣ. По нашему крайнему разумѣнію, и теперь дѣло ничуть не подвинулось впередъ въ разрѣшеніи этихъ спорныхъ вопросовъ; напротивъ изслѣдованіе г. Голубева о происхожденіи братства только болѣе подтверждаетъ доводы его ученаго противника. Что касается мнѣнія автора относительно происхожденія братства изъ коллективнаго патроната, то мы думаемъ, что онъ смѣшиваетъ патронатъ съ правами прихожанъ на церкви, нерѣдко сооружавшіяся ими на собственныя средства. Право королевскаго и владѣльческаго патроната выражалось въ утвержденіи духовнаго лица въ должности, на которую оно избрано обществомъ, тогда какъ право прихожанъ относилось къ хозяйству церкви, выбору священно-служителя и заботѣ о матеріальномъ обезпеченіи его и нуждающихся членовъ прихода. Церкви издавна служили центрами, около которыхъ группировалось населеніе въ своей торговой, промышленной, судебной и административной жизни. Изъ этихъ-то союзовъ прихожанъ и развились братства, но вовсе не изъ патроната; коллективный патронатъ въ городахъ перешелъ въ руки не прихожанъ, а магистратовъ, подобно тому какъ и въ селахъ, рядомъ съ владѣльческимъ патронатомъ, существовала громада, выбиравшая себѣ священника и завѣдывавшая благолѣпіемъ храма и богослуженія и дѣлами благотворительности. Г. Голубевъ конечно правъ, говоря, что жизнь и дѣятельность братствъ измѣнились въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, что упадокъ нравственности въ средѣ высшаго православнаго духовенства и развитіе ересей, въ связи съ распространеніемъ католичества, вызвали братства на борьбу, указали новыя для нихъ задачи дѣятельности и образовали изъ нихъ такимъ образомъ религіозно-оборонительные и просвѣтительные союзы; но очень возможно, что для кіевскаго братства такой моментъ наступилъ около 1615 года, что изъ этого братства, заботившагося не только о братскомъ монастырѣ и школѣ, но и о другихъ кіевскихъ монастыряхъ, выдѣлилось братство Богоявленское, когда потребовали того обстоятельства мѣстной жизни. Точно также нельзя согласиться съ мнѣніемъ С. Т. Голубева, будто до начала XVII вѣка въ Кіевѣ не было школъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія противъ этого доводы и соображенія, укажемъ лишь на одинъ вещественный памят-

никъ, который былъ бы не мыслимъ безъ ихъ существованія, это кіевскій почеркъ. Кіевское письмо по красотѣ своихъ закругленныхъ буквъ не имѣло себѣ подобнаго; оно раньше, чѣмъ письмо волынское и подольское, переходитъ въ скоропись изъ полууставнаго письма и, оставаясь всегда чисто русскимъ, не полонизованнымъ, всегда и вездѣ легко можетъ быть отличено. И удивительно, оно переходитъ позже на лѣвый берегъ Днѣпра, въ черниговскую и полтавскую губерніи, но не въ свои ближайшіе города: Житомиръ, Овручъ и другіе на правой сторонѣ. Можно, кажется, сказать даже, что оно идетъ рука объ руку съ религіознымъ вліяніемъ Кіева и распространеніемъ просвѣщенія, исходившаго изъ братской школы. Почеркъ этотъ мы находимъ уже развившимся въ половинѣ XVI вѣка и даже раньше. Гдѣ же онъ могъ развиться, какъ не въ кіевскихъ школахъ? Гдѣ могъ онъ такъ долго поддерживаться и сохранять свой отличный характеръ, удерживавшійся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ (XVI, XVII и XVIII) и уступившій только сѣверно-русскому вліянію въ началѣ XIX вѣка, какъ не въ школахъ, одну изъ которыхъ жена мозырскаго маршалка Елисавета Лозка и ввела въ пожертвованный ею домъ и грунтъ?

Не касаясь другихъ менѣе важныхъ спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей возникновенія кіевской школы и братства, и обходя вниманіемъ тѣ мелкіе недосмотры, какіе допущены авторомъ и отчасти исправлены проф. А. И. Соболевскимъ въ его рецензіи на разбираемую нами книгу (Журналъ мин. народ. просвѣщенія, 1887 года, мартъ), замѣтимъ лишь, что почтенный авторъ ошибается, предполагая, что книги мозырскаго повѣта, которыя могутъ заключать въ себѣ матеріалъ для біографіи Лозокъ, не сохранились; напротивъ, они цѣлы и хранятся въ виленскомъ центральномъ архивѣ, начинаясь съ половины XVII в. (См. Каталогъ этого архива, стр. 429); наиболѣе ранняя книга относится къ 1655 году.

Не смотря на все сказанное, монографія г. Голубева является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для людей науки, какъ потому, что указываетъ на необходимость болѣе подробной разработки многихъ сторонъ малоизвѣстной намъ частной и общественной жизни нашего края въ XVI вѣкѣ, такъ и потому, что благодаря своду въ ней всего, что касается затронутаго вопроса, она облегчаетъ его дальнѣйшую разработку.

Остается пожелать скорѣйшаго продолженія начатой авторомъ «Исторіи кіевской академіи», равно какъ продолженія и другаго его, болѣе ранняго, изслѣдованія о «Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ и его сподвижникахъ».

И. Каманинъ.

Дополненіе къ библіографическому указателю матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Гр. Шевченка.

Напечатанный мною въ 3 и 4 кн. «Кіевской Старины» за 1886 г. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка, какъ и слѣдовало ожидать, оказался не безъ пропусковъ, которые произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе невозможности просмотрѣть галицко-русскія періодическія изданія. Пробѣлъ этотъ въ настоящее время значительно пополненъ мною, и я предлагаю это дополненіе пропущенныхъ указаній, расположивъ ихъ для удобства въ хронологическомъ порядкѣ.

А. Комаровъ.

1843 г.

1) *Die Hajdamaken.* Gedicht von T. Schewchenko—Jahrbücher für slawiesche Literatur. T. I, стр. 8.

1847 г.

2) *Allgemeine Zeitung.* № 185. (Объ арестѣ Костомарова, Шевченка и др.).

1859 г.

3) *Поэзіи Т. Шевченка.* Линськъ. 1859 р. 34 стр. 16 ч. (Здѣсь помѣщены: Кавказъ, Холодный яръ, Заповитъ, Розрыта могила, За думою дума роемъ вылитае и Посланіе до землякивъ).

1860 г.

4) *Катерина*, поэма Т. Шевченка. Переводъ Н. Гербеля. Русское слово, кн. 9.

5) *Тополь*, поэма Т. Шевченка, пер. Н. Гербеля. Современникъ, кн. 3.

1861 г.

6) *Основа, кн. 4.* О народности въ религіозной жизни. По поводу смерти Т. Шевченка.

7) *Свѣточъ*, 7 ст. 38. Рецензія на брошюру А. Чужбинскаго „Воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ".

1862 г.

8) *Вечерницы*, 22. Згадка за Шевченка; ёго смерть и похоронъ. Писля Л. Жемчужникова написавъ *К. Климковичъ.*

9) *Вечерницы.* 35—43. Сливце правды Dziennik—ови Literack—ому про Т. Шевченка. Написавъ *Будеволя.*

1865 г.

10) *Мета*. 2 и 3. Шевченкови поминки. Вечерныци въ памъять Шевченка и ричъ про его—*Будеволи*.

1866 г.

11) *К. Климковичъ*. Тарасови на вичну памьять. У пъяти роковыны смерти его. Львивъ. 1866 р.

12) *Ю. Федьковичъ*. У день скону батька нашого Т. Шевченка. Львивъ. 1866 р.

13) *Русалка*, 10—12. Роковыны смерти Т. Шевченка.

1868 г.

14) *Правда*, 7 и 8. Поминки Шевченка. Сёми роковыны смерти ёго у Львови.

1869 г.

15) *Правда*, 41 и 44. Сербськи переводы творивъ Т. Шевченка.

1870 г.

16) *Правда*, 6, 8 и 9. Обхидъ восьмыхъ роковынъ смерти Шевченка.

17) *Правда*, 11 и 12. Гадка при святкованью восьмихъ роковынъ смерти Шевченка.

1871 г.

18) *Правда*, 3. Поминки Шевченка у Видни и Львови.

1873 г.

19) *Правда*, 2, 3 и 4-й.—Роковыны смерти Шевченка и вечерныци въ памьять ёго.

20) *В. Нагирный*—Святкованье XII роковынъ смерти Т. Шевченка товарыствомъ «Русскій кружокъ» въ Цюриху. Правда, 9 и 13.

1874 г.

21) *Правда*, 1. Московській перекладъ піесы «Назаръ Стодоля». 3. XIII роковыны смерти Т. Шевченка. 14. Бюстъ Т. Шевченка.

1875 г.

22) *В. Барвинскій*. Бесида въ XIV роковыны смерти Т. Шевченка. Додатокъ до № 6 жур. Правда.

23) *Правда*, 22. Памятникъ Шевченкови и школа имени его на Украини. 23. До всихъ руськихъ людей. 24. Пражське выдання «Кобзаря».

1876 г.

24) *Правда*, 5 и 6. XV роковыны смерти Шевченка у Львови, Чернивцяхъ и Петербурси.

1877 г.

25) *Правда*, 6. XVI роковыны смерти Т. Шевченка.

1878 г.

26) *Правда*, 6. XVII роковыны смерти Т. Шевченка—*К. Климковичъ.*

1879 г.

27) *В. Барвинскій.* Бесида на вечеру въ XVIII роковыны смерти Т. Шевченка. Правда, 3.

28) *Гайдамаки*, поэма Т. Шевченка. Студіумъ д-ра О. Огоновського. Львовъ 1879 р. 40 л. 8° ц. 30 кр.

29) *Правда*, 4. Вечеръ товариства «Просвита» въ XVIII роковыны смерти Т. Шевченка.

1880 г.

30) *Г. Цеглинскій.* Т. Шевченко и ёго сучасна критика. Правда, 1.

1881 г.

31) *Зоря*, 5. Музикально-декляматорській вечиръ въ XX роковыны смерти Шевченка у Львови. 21. Рисунки до «Гайдамакивъ» въ Ныви.

32) *Свитъ*, ст. 288. Лысты Т. Шевченка.

1882 г.

33) *Страна*, 102. Реценэія на книгу М. Чалого «Жизнь и произведенія Т. Шевченка».

1883 г.

34) *Зоря*, 5. Вечиръ въ память Т. Шевченка. Родына Т. Шевченка. 8. До біографіи Т. Шевченка. Писля М. Чалого.

1884 г.

35). *Дѣло*, 11 и 12. Зъ галицького Подилья. Руска Бесида и XXIII роковыны смерти Т. Шевченка въ Тернополи.

36) *М. Подолинській.* Наша литература а духъ часу. Бесида въ XXIII роковыны смерти Т. Шевченка. Дѣло, 37 и 38.

37) *Дѣло*, 92. Читальня имени Т. Шевченка въ Добростанахъ.

38) *Кіевская Старина*, 4. Изъ писемъ М. Максимовича къ Шевченку. (3 письма).

39) *Zlota Praha*, 48. Переводъ на чешскій языкъ поэмы Шевченка «Гамалія».

40) *Русская Старина*, 5. Письмо Т. Шевченка къ Е. П. Ковалевскому.

1885 г.

41) *Дѣло*, 21, 22, 24, 29 и 34. Вечерныци въ память XXIV роковынъ смерти Т. Шевченка въ Тернополи, Львови, Пидгайцяхъ и Петербурси. 63. Загальни зборы товарыства имени Т. Шевченка.

42) *Нове зеркало*, 5. Биля Тарасовои могылы. Зъ малюнкомъ.

43) *О. Барвинській*. Т. Шевченко. Промова въ XXIV роковыны смерти Т. Шевченка. Батькивщына, 14, 16 и 17-й.

44) *З. Грушкевичъ*. Посланіе Т. Шевченка. Провидна мысль пидъ взглядомъ педагогичнымъ. Школьна часопись, 19 и 21.

45) *Ф. Свистунъ*. Чѣмъ есть для насъ Шевченко? Новый Проломъ, 254, 255, 261, 262, 264—268, 270—273, 275—277, 280 и 282 и особо Л. 1885 ст. 158 ц. 30 кр.

46) *Наймычка*, поэма Т. Шевченка, К. 1885 р. Ц. 5 к. 15,000 эк.

1886 г.

47) *И. Билыкъ*. Тревога надъ свѣжей могилой Т. Шевченка. Кіевская Старина, 4.

48) *Зоря*, 6. Памъятковый номеръ въ XXV роковыны смерти Т. Шевченка. Вирши И. Франка. Роковыны Т. Шевченка въ Петербурси—Д. Мордовця. На смерть Т. Шевченка—стих. Некрасова. Концертъ въ 25 роковыны у Львови. Шевченко героемъ польскои легенды. Дрибни вісти. 7. До біографіи Т. Шевченка (1845—1846). Зал—а.

49) *Батькивщына*, 13. XXV роковыны смерти Т. Шевченка.

50) *Невольникъ*, поэма Т. Шевченка. К. 1886 р. 32 ст. 16 ч. ц. 5 к. 15,000 экз.

51) *Новости*, 25 февраля. Двадцать пятая годовщина смерти Т. Шевченка.

52) *Macmillon Magasine* (англ. журналъ), I. Біографія Т. Шевченка.

53) *Кіевская Старина*. Непзданныя произведенія Т. Шевченка на великорусскомъ языкѣ. 6. Слѣвая, поэма. 7. Варнакъ, разсказъ. 8. Наймичка, повѣсть и 10—12 Близнецы, повѣсть.

54) *Малороссійскія пѣсни*. Слова Т. Шевченка, музыка *В. Гордѣева*. Изд. М. Бернарди. Спб. 1886 г. (Думы мои. Не щебечи соловейко. У гаю, гаю—пѣсня Яремы зъ Гайдамакивъ. Якъ бы мини або такъ, або сякъ—урывокъ зъ Гайдамакивъ).

55) *Коцовській.* Життя Т. Шевченка. Буковинській календарь на 1887 рикъ. Чернивци. 1886 р.

56) *О. Огоновській.* Въ XXV роковыны смерти Т. Шевченка. Илюстрованый календарь товарыства «Просвита» на 1887 рикъ. Львовъ. 1886 р.

57) *Недѣля*, 49.
58) *Новое Время*. 3873.
59) *Новости*, 329.

О постановкѣ піесы Шевченка: «Назаръ Стодоля» на петербургской сценѣ

60) *Музыка до Кобзаря Т. Шевченка, М. Лисенка:* а) Не тополю высокую витеръ нагинае; б) За сонцемъ хмаронька плыве; в) Ой на гори роменъ цвите. Кіевъ. 1886 г. Изд. Б. Корейво.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

Объ имени святителя нетлѣнно почивающаго въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ моиастырѣ.

О святителѣ, нетлѣнно почивающемъ въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, писано уже не мало. Въ первый разъ упоминается о немъ въ книгѣ родоначальника нѣжинскихъ и кіевскихъ купцовъ Черновыхъ, Ивана Чернова, изданной извѣстными по своимъ богатствамъ и благотворительности греками, братьями Зосимами (Жужма тожъ), подъ заглавіемъ: «Краткая исторія построенія нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, называемаго Богородичнымъ Назаретомъ». Книга эта издана въ Москвѣ въ 1815 году. Въ ней между прочимъ о нѣжинскомъ святителѣ сказано слѣдующее: «Въ сіе время (1721 г.) пріѣхалъ изъ Греціи въ Россію епископъ *Михаилъ*, который, остановясь въ семъ монастырѣ, занемогъ и чрезъ нѣсколько дней умеръ. Онъ погребенъ въ большой церкви подъ сводомъ, находящимся въ фундаментѣ, на которомъ (епископѣ Михаилѣ) и понынѣ даже и одѣяніе архіерейское цѣлое. Тутъ погребенъ архимандритъ *Епифаній*, но сей весь истлѣлъ, а тотъ находится въ совершенной цѣлости» (стр. 15).

Какими данными располагалъ составитель названной книги при опредѣленіи времени появленія и упокоенія въ Нѣжинѣ свяги-

теля Михаила, на этотъ счетъ нѣтъ у него никакихъ указаній. Конечно онъ пользовался въ семъ случаѣ свѣдѣніями, добытыми въ самомъ благовѣщенскомъ монастырѣ и вообще мѣстными народными преданіями, такъ какъ и доселѣ не найдено ни одного документальнаго извѣстія о томъ, откуда именно, изъ какой страны греческой, былъ родомъ этотъ святитель и гдѣ онъ состоялъ епископомъ, а равно, по какому поводу и когда онъ прибылъ въ Россію, въ частности въ Нѣжинъ. Неизвѣстенъ въ точности и годъ его смерти, а также и то, кто его погребалъ, какое участіе въ печальномъ торжествѣ принимала сильная и вѣская въ то время въ Нѣжинѣ греческая колонія. О шаткости и неточности передаваемыхъ въ этой первопечатной замѣткѣ о нѣжинскомъ святителѣ свидѣтельствуетъ уже и то, что въ ней сказано, будто святитель умеръ въ 1721 г. и будто рядомъ съ нимъ въ томъ же году похороненъ второй архимандритъ нѣжинскаго благовѣщенскаго монастыря Епифаній Тихорскій, о которомъ документально извѣстно, что не только въ эту пору онъ находился въ живыхъ, но что съ 9-го мая 1722 года по 2 іюля 1731 г. управлялъ бѣлогородскою епархіею, будучи однимъ изъ выдающихся архипастырей Слободской Украйны, для которой основалъ въ Харьковѣ коллегіумъ.

Положительныхъ свѣдѣній о нѣжинскомъ святителѣ не даютъ и вышедшія въ началѣ 80-хъ годовъ двѣ брошюры: одна протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго, профессора богословія въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ, подъ заглавіемъ: «Святитель Михаилъ греческій, нетлѣнно почивающій въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ» и другая Г. И. Кулжинскаго: «Розыскъ о святителѣ Михаилѣ, почивающемъ нетлѣнно въ г. Нѣжинѣ черн. губ.». Обѣ онѣ собственно ничего новаго не прибавляютъ къ тому, что въ немногихъ словахъ высказалъ составитель «Краткой исторіи построенія нѣжинскаго благовѣщенскаго монастыря». Сообщенныя въ нихъ свѣдѣнія сводятся къ тому, что въ 1721 году прибылъ въ Нѣжинъ какой-то греческій архіерей, что онъ скоро здѣсь умеръ и похороненъ въ монастырѣ Назаретъ, что жизни онъ былъ благочестивой, а тѣло его по смерти оказалось нетлѣннымъ и что мѣстное преданіе издавна усвоило этому святителю имя Михаила. Чтобы восполнить столь скудныя преданія, оба автора даютъ широкое мѣсто разнымъ предположеніямъ и

даже гадательнымъ измышленіямъ о личности и судьбѣ святителя. Въ особенности изобилуетъ этими предположеніями и массою постороннихъ приплетеній брошюра О. Хойнацкаго. На такихъ зыбкихъ и неустойчивыхъ основаніяхъ онъ бойко разсказываетъ о томъ, чего очевидно ни самъ онъ и никто не знаетъ, легко и безъ колебаній справляется со всякими возраженіями, которые при полномъ отсутствіи какихъ либо свѣдѣній о святителѣ невольно лѣзутъ и ему въ голову. Отчего напр. нѣтъ свѣдѣній о томъ, откуда прибылъ этотъ святитель и гдѣ онъ прежде святительствовалъ? —Да просто отъ того, что это былъ какой либо изгнанникъ, пострадавшій за вѣру и пр. и что трудно было втолковать всякому нѣжинцу названіе какой либо ѳалассійской или или левкасійской епархіи.—Отъ чего не сохранилось письменнаго донесенія о его смерти мѣстнымъ властямъ?—Да тогда по настоящему и доносить было не кому, такъ какъ основатель благовѣщенскаго монастыря, Стефанъ Яворскій жилъ въ 1721 г. въ Петербургѣ, а письмо о семъ, если оно и было ему послано, онъ могъ затерять, митрополитъ для Кіева посвященъ лишь въ 1722 г., архіерей для Чернигова въ тоже время и т. д. Словомъ цѣлый ворохъ свѣдѣній, пріуроченныхъ къ 1721 году, между тѣмъ какъ этотъ годъ, какъ годъ смерти святителя, ни чѣмъ не подтвержденъ и подлежитъ большому сомнѣнію.

Болѣе положительно передаетъ о. Хойнацкій исторію открытія «блаженныхъ останковъ святителя», по даннымъ якобы архива нѣжинскаго благовѣщенскаго монастыря, но опять не указываетъ даже года этого открытія, а говоритъ только, что это случилось при архимандритѣ Викторѣ Черняевѣ (1803—1823 г.), который, починяя и перестраивая благовѣщенскій соборъ послѣ пожара 1797 г., нашелъ въ подпольи, въ каменномъ склепѣ, тѣло святители совершенно цѣлымъ и невредимымъ, а равно и одежды сохранившимися въ совершенной же цѣлости. О. Хойнацкій съ подробностями передаетъ разсказы современника очевидца о томъ, какъ одинъ изъ келейниковъ архимандрята Виктора, монахъ Спиридонъ, тайно отправился ко гробу святителя и урѣзалъ часть его ризъ, въ надеждѣ «черезъ нихъ подавать помощь въ болѣзняхъ», какъ въ ту же ночь святитель явился ему во снѣ, повелѣвая возвратить урѣзанную часть на свое мѣсто и какъ потомъ возвращенное Спиридономъ было пришито къ ризѣ святителя. Намъ кажется, что вмѣсто

того, чтобы разсказывать эти и многія другія небылицы, ему бы слѣдовало чѣмъ либо удостовѣрить личность и время пребыванія и кончины здѣсь мѣстно чтимаго святаго. Но такихъ свѣдѣній, какъ мы уже сказали, нѣтъ ни у него, ни у Кулжинскаго, который съ неменьшею словоохотливостію повѣствуетъ о своихъ поискахъ за свѣдѣніями о личности и жизни святителя и безъуспѣшности этихъ поисковъ и вообще обо всемъ, только не о томъ, о чемъ слѣдуетъ говорить. Изъ его впрочемъ разсказа узнаемъ, что дату объ имени и времени смерти нетлѣннаго святителя утвердилъ тотъ же архимандритъ Викторъ, приказавъ у мѣста его могилы на церковной стѣнѣ изобразить его во весь ростъ и въ верху надписать: «святитель Христовъ Михаилъ», а внизу: «сего святителя Михаила здѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи; скончался въ 1721 году».

Мы знаемъ лишь два случая погребенія въ Нѣжинѣ греческихъ архіереевъ. Въ XVII ст. въ Нѣжинѣ около 20 лѣтъ проживалъ ахридонскій архіепископъ *Мелетій*, который здѣсь же и умеръ 31-го января 1695 г. Объ немъ за годъ до его смерти, по поводу появленія въ Москвѣ какого-то бѣглаго попа Ѳедора, назвавшагося его рукоположенцемъ, производилась интересная переписка между патріархомъ Адріаномъ съ одной и митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ и гетманомъ Мазепою съ другой стороны, вполнѣ удостовѣрившая его личность, при чемъ онъ названъ «архидостойнымъ» и сверхъ того замѣчено, что хотя самъ онъ именовался и писался только архіепископомъ, но «народъ обиклъ его патріархомъ нарицати» [1]).

Другой фактъ погребенія въ Нѣжинѣ греческаго архіерея открытъ нами въ одной изъ рукописей, хранящейся въ библіотекѣ нѣжинскаго историко-филологическаго института. Это сборникъ статей историко-литературнаго содержанія, писанныхъ въ разное время; но тутъ же имѣются краткія погодныя лѣтописныя замѣтки о важнѣйшихъ событіяхъ въ русскомъ государствѣ съ особеннымъ отношеніемъ къ Малороссіи и козачеству и въ частности къ Нѣжину [2]). Здѣсь подъ 1731-мъ годомъ находимъ записаннымъ слѣдующее: «1731 генваря архіерей греческій, именемъ Даміянъ,

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 154—156, 222—233.

[2]) Рукопись эта значится подъ № 3.302

положенъ во церкви свято(го) Благовѣщенія по правомъ боки, привезенъ зъ Борзни мертво». Принимая во вниманіе, что ни народная память, ни современныя записи и документы, частные и оффиціальные, не сохранили намъ никакихъ свѣдѣній о смерти какого-либо другаго греческаго архіерея въ XVIII вѣкѣ въ Нѣжинѣ, кромѣ нетлѣнно почивающаго въ нѣжинскомъ благовѣщенскомъ монастырѣ и именуемаго по народной молвѣ Михаиломъ, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что этотъ нетлѣнно почивающій въ Нѣжинѣ святитель греческій есть не Михаилъ, а Даміанъ и, умеръ не въ 1721 году, а въ 1731 г. Можно надѣяться, что эта современная запись объ имени и времени смерти святителя поведетъ и къ болѣе точному опредѣленію личности святителя, мѣста его первоначальнаго служенія и обстоятельствъ, вызвавшихъ его путешествіе въ Россію.

L.

Жалоба роменскаго духовенства на протопопа Мартына Самойлова [1]).

Въ числѣ причинъ возбудившихъ неудовольствіе среди населенія южной Россіи противъ гетмана Ивана Самойловича, лѣтописцы указываютъ на его крайнее корыстолюбіе, выражавшееся въ томъ, что онъ бралъ посулы за уряды и вообще бралъ у каждаго все, что ему хотѣлось. «Безъ взятки, говоритъ Н. И. Костомаровъ, не было приступа къ гетману, а кто ничего не дастъ, тотъ ничего и не добьется». Во всей гетманщинѣ не было ни суда, ни расправы безъ взятокъ; ничья собственность не была обезпечена: что ему у кого полюбится, то себѣ и береть, а коли не онъ самъ, такъ дѣти его возьмутъ. Такъ описывали гетмана и его сыновей старшины въ своемъ доносѣ.

Послѣ того какъ Ив. Самойловичъ былъ низложенъ и гетманомъ былъ избранъ Мазепа, къ послѣднему обратились съ челобитьемъ роменскіе жители, обвиняя въ подобныхъ же преступленіяхъ брата Ив. Самойловича, роменскаго протопопа Мартына Самойлова. Очевидно, алчность была присуща всему семейству Са-

---

[1]) Сибир. прик. столбецъ № 7056 (Моск. арх. мин. юст.).

мойловичей, такъ какъ обвиненія протопопа Самойлова касаются его поборовъ съ подначальнаго ему духовенства. Обвиненія изложены въ 57 пунктахъ отъ духовенства, и отъ гражданъ отдѣльно во множествѣ пунктовъ. «Пункты» духовенства интересны въ томъ отношеніи, что они довольно ярко выясняютъ тогдашнее положеніе духовенства, дають понятіе о принадлежавшихъ имъ правахъ и въ то же время обрисовываютъ нравственную личность о. протопопа. Въ челобитной роменцы жалуются, что «бывшій протопопъ Мартынъ Самойловъ, надѣясь на родного своего бывшаго гетмана Ив. Самойлова, нестерпимыя чинилъ обиды: добро насиліемъ отнималъ напрасно, иного морозилъ зѣло знобилъ, дубьемъ билъ, за шею ковалъ, руки и ноги ломалъ; если у кого что занималъ, того не отдавалъ». Въ заключеніе онѣ просятъ изъ животовъ протопопа удовлетворить обиженныхъ. Челобитная покрыта массою подписей.

Вотъ пункты духовенства:

1) Какъ его милость, отецъ Барановичъ, объѣзжалъ Украйну, тогда намъ священникамъ роменской епархіи всякому по 10 тарелей готовыхъ денегъ стало, а въ иныхъ протопопіяхъ по 5 золотыхъ стало, и съ насъ тридцати трехъ взялъ готовыхъ денегъ 990 золотыхъ.

2) Какъ ахридонскій патріархъ (Мелетій) въ Ромнѣ былъ, тогда по 2 тарели дали, и тѣ деньги всѣ себѣ завладѣлъ.

3) Митрополиты и архимандриты иноземскіе, игумены кіевскіе и черниговскіе и какіе ни есть законники, когда у него бывали, всегда давали по полтареля, а иногда и больше, и за лошадей ему платили по нѣсколько десять тарелей, за одного 30 тарелей дали, хотя онъ кому отдаритъ, который 6 копъ сталъ.

4) Годовую куницу его архипастырской милости бирывалъ у насъ на 50 тарелей, а изъ того въ архипастырскую казну посылалъ только 21 копу.

5) Биралъ у вкладчиковъ церковныхъ деньги на муро по вся годы по полтареля, а у насъ священниковъ опричь бралъ по шти шаговъ, а онъ за муро давалъ въ Кіевѣ и Черниговѣ въ пастырскую казну только по 10 золотыхъ, а остатокъ себѣ бралъ.

6) Антиминсы на церкви накидывалъ по 10 тарелей, а онъ бралъ у пастыря по 6 золотыхъ.

7) Трифолои черниговскіе бралъ по 8 копъ, а на насъ накиды-

8) Какъ нареченъ учинился его княжая милость господинъ архипастырь нашъ (Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій), онъ универсалы свои присылалъ къ намъ, будто господинъ пастырь имѣетъ быть въ Ромны, чтобы на пріѣздъ по тарелю дали, что и исполнили, и того будетъ 99 золотыхъ.

9) Какъ къ Москвѣ поѣхалъ его архипастырская милость, тогда дали по 3 копы..., а онъ тѣ всѣ деньги въ свою корысть обратилъ, всѣхъ тѣхъ денегъ будетъ 247 золотыхъ.

10) У о. Филона Рончинскаго безвинно взялъ 100 золотыхъ, рыжаго коня, цѣна 20 тарелей, лѣсъ съ дубровою и окопъ и лугъ, а въ томъ лѣсу два сада.

11) У о. Матвѣя Пустовойтовскаго взялъ 100 золотыхъ, гнѣдого коня, цѣна 30 копъ, котелъ пивной, два лѣса вырубилъ на свою потребу, сѣна полдвѣ копны взялъ и сверхъ того еще двѣ недѣли въ тюрьмѣ держалъ.

12) У попа Григорья Константиновскаго, отца своего духовнаго, взялъ съ приходу на 100 золотыхъ, да его же безъ вѣдомости пастырской изъ села Будокъ въ Константиновъ перевелъ.

13) У попа Нестера Волковскаго взялъ съ приходу 30 копъ и двѣ лошади.

14) У попа Діонисія Будянскаго взялъ 40 золотыхъ.

15) У попа Самсона Бобрицкаго взялъ 40 золотыхъ.

16) У попа Михаила Коржавскаго взялъ 21 тарелей и двѣ кадки меду-патоки.

17) У попа Полуяна за Бѣловодское мѣсто взялъ поясъ серебрянный въ 20 тарелей, два коня да свѣтлицу, да сундукъ, безъ вѣдома епископа.

18) У попа Прокофья взялъ сто золотыхъ за тотъ-же Бѣловодъ.

19) У о. Осипа за мѣсто Хоружинскаго взялъ 6 тарелей.

20) У другаго попа Осипа, намѣстника своего, взялъ коня сиваго.

21) У попа Петра Ермолинскаго взялъ 20 тарелей, мѣста не отдалъ, покамѣстъ не отнялъ двора.

22) У попа Михаила взялъ библію польскую, пищаль въ 6 тарелей, рясу въ 20 тарелей, за то ему далъ десять тарелей.

23) У попа Симеона взялъ 150 золотыхъ.

24) У попа Василья взялъ 30 тарелей да коня бѣлаго.

25) У попа Михаила взялъ, за мѣсто 10 тарелей, коня да три копы.

26) У попа Павла Перекопскаго взялъ 8 копъ да книгу польскую Зверцадло.

27) У попа Григорія Бубновскаго взялъ 40 тарелей.

28) У попа Ивана Роменскаго взялъ 40 тарелей.

29) У попа Родіона Калиновскаго взялъ 100 золотыхъ.

30) У попа Максима Бубновскаго взялъ мельницу, прудъ, насѣку, больше 30 пчелъ выбилъ.

31) У попадьи Покровской взялъ сафьянъ въ 3 копы, табинъ въ 10 золотыхъ, избу въ 6 копъ, 10 тарелей, гривенку серебра, въ 20 тарелей, и мѣсто отъ ней и отъ дѣтей отнялъ.

32) У попадьи Бѣловодской отнялъ лѣсъ во сто золотыхъ да 10 тарелей.

33) У попадьи Волковской взялъ лѣсъ въ 40 тарелей да двѣ книги: Животы да Маргаритъ въ 10 тарелей.

34) У попа Глинскаго взялъ 100 золотыхъ, опять взялъ 100 золотыхъ за вину, что не умѣлъ грамоты московской прочитать, опять 10 тарелей.

35) У попа Андрея Андреяшевскаго взялъ за мѣсто 10 тарелей.

36) У попа Селивестра Волошиновскаго взялъ 10 тарелей за мѣсто, у него-же взялъ 50 золотыхъ, что побранился съ компанейщикомъ и цѣпь на шею посреди города положилъ.

37) Въ Глинскѣ церковь Успенія пр. Богородицы три года за собою держалъ и всякіе доходы себѣ отбиралъ.

38) Въ Гудимахъ селѣ приходъ два года на него Кондратья собирался, тотъ приходъ и до сего времени на него сбирается.

39) Церковь Покрова Богородицы въ Ромнѣ полтора года шелъ (доходъ) и намѣстника своего держалъ.

40) Село Бѣлогутъ годъ на него шелъ (доходъ) своему-жъ намѣстнику.

41) Село Пустевойтовка годъ на него шла, намѣстника своего держалъ.

42) Село Волковцы въ годъ на него шло, намѣстника своего держалъ.

43) Коржевская, Ермолинская, Левченская, Бубновская и Бобрицкая приходъ на него шли чрезъ немалое время, онъ своихъ намѣстниковъ держалъ и всякіе доходы къ себѣ сбиралъ.

44) Священниковъ въ тѣ приходы не допускалъ и дьячковъ, а когда въ тѣхъ приходахъ нѣкто умре, никакого разсмотрѣнія ни на убожество, ни на сиротство, ни на дѣтей, ни на вдовъ бѣдныхъ неимущихъ, все отъ мала и до велика забиралъ.

45) У людей многихъ лѣса, лошадей, воловъ насильно забиралъ, займища въ конецъ раззорялъ.

46) У бѣдныхъ попадей послѣ поповъ насильно, будто на сорокоустъ, выбиралъ деньги, книги, лѣса, лошади, волы бралъ-же. У попадьи Засельской лѣсъ ея вырубилъ притаманный и ее упоминатися своего добра предъ себя пустити не велѣлъ.

47) У попадьи Калиновской отца Артемія, который внезапной смертью умеръ, все отъ мала до велика, всю рухлядь позабралъ, ни на попадью, ни на дѣтей никакъ не смотря.

48) Попадьямъ, у которыхъ кой часъ попъ умретъ, ни на недѣлю доходу изъ прихода брати не допуститъ, тотчасъ своего намѣстника посылаетъ.

49) Священники у него были винокурами, пивоварами, гончарами. Кто у него на винокурнѣ вино пересидитъ? Попы. Кто пиво варитъ въ Михайловкѣ, въ Лебединѣ, въ Камышной и въ иныхъ городахъ? Попы. Кто по пиво ѣздитъ въ иные городы? Вкладчики городскіе и селъскіе за церковныя деньги подводы наймутъ. Кто горилки крѣпкіе камышинскіе варитъ? Попъ Бобрицкій, о. Симеонъ.

50) Когожъ ему еще послати въ Кодакъ, въ Почепъ, въ Стародубъ, въ Новгородокъ, въ Погаръ и въ иные городы табакъ продавати? Отца Прокопія Бѣлогуцкаго, отца Полуяна свято-покровскаго, отца Радіона Калиновскаго. А подводы гдѣ взяти? У вкладчиковъ, хотя на нѣкоторую потребу его и приказываетъ вкладчикамъ, пускай за церковныя деньги наймутъ, хотя и по три копы.

51) Какъ въ Батуринъ ѣдетъ или въ Глуховъ, или куда есть, лошади вкладчиковы въ тяжелыхъ возахъ, которые должны бѣжати такъ, какъ его двоеконная колесница, и отъ такихъ дорогъ больше 10 лошадей вкладчиковыхъ пропало въ оглобляхъ на дорогѣ.

52) Во время нѣкотораго собора или съѣзда попы у воротъ стоятъ съ калачами до половины дня, ибо господину недосужно, опочиваетъ, и отъ воротъ чтобы никуда не отходили до указу его, хотя зимою или лѣтомъ долженствуютъ то исполняти.

53) Бочку меду въ его корчму чтобъ попы купили, за что самъ велитъ хотя за десять копъ или и дешевле, а медъ хотя пей, хотя не пей, токмо заплати и вину возьми; если нѣкоторый попъ противенъ будетъ, хотя кто въ то время и не будетъ, должны платить.

54) Куда на нѣсколько недѣль поѣдетъ проѣзжаться по городамъ, и поповъ съ собою наберетъ, поклоны съ дары отдаютъ въ городѣхъ и въ селахъ, а попы у порога стоятъ безъ шапокъ и пьяного будто служки караулятъ, и только попу корысти: выбранитъ, и побьетъ, и окровавитъ, еще и за волосы подеретъ.

55) Если на дорогѣ,—хотя и въ церкви, во время пѣнія купно съ нимъ служащему кровь безвинно проливаетъ, и одному не по одинажды явственно кровопролитіе чинилъ.

56) Попы были у него вмѣсто служащихъ дворниками, воротниками, конюшими, возницами, вмѣсто гайдуковъ, подводниковъ, провожатыхъ и прочая.

57) А платежъ за то каковъ попамъ былъ: крикнетъ, лайнетъ, совкомъ въ шею, за волосы, взявъ ногами, колѣнами топчетъ и кровь проливаетъ, то ему самая утѣха была.

Обвиненія роменскихъ обывателей тоже касаются преимущественно разныхъ поборовъ, какіе производилъ о. Самойловъ съ нихъ. Остановимся на болѣе характерныхъ:

Грицка Луценка, жителя оскютенского, съ женою разлучилъ, коня взялъ, возъ соли и шубу, проса пять осмачекъ; онъ же ему полтора года работалъ.

У Ивана Опары, жителя гавриловскаго, взялъ золотыхъ 210 за то, что молодикъ, ухватя дѣвку въ своемъ селѣ, повѣнчался.

У Гараськи Соляненка отнялъ лѣсъ и мельницу полтора слолода, соболью шапку, поясъ шелковый за торгъ дѣло.

У Стецка, подданного своего, отнялъ поле за 50 золотыхъ, лѣсъ за 10 золотыхъ, того Стецка билъ и ковалъ, покамѣстъ поля ему не отдалъ.

У Грицка Чигиринскаго, жителя пустоводскаго, что жену со стороны понялъ, взялъ полкуфы деггю, кожу полпята золотого, два кафтана.

Церковныхъ денегъ 50 золотыхъ взялъ уже тому лѣтъ десять, потомъ 7 копъ, потомъ 20 тарелей церковныхъ завладѣлъ.

У Стоянки, женщины, за то, что изговоря дочь за иного отдала, лошади и платья побралъ.

Женщину Гейку съ четвертымъ мужемъ розлучилъ, зимою нагую билъ и больше 400 золотыхъ взялъ.

У Тимоша Сверилки 20 тарелей взялъ, у тогожъ Тимоша въ другорядъ 8 копъ взялъ за первую жену, за другую десять тарелей, за третью 100 золотыхъ.

Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣла эта жалоба, такъ какъ производства по ней въ рукахъ мы не имѣемъ. Челобитная эта была отослана гетманомъ въ Москву, откуда увѣдомили его, чтобы эту жалобу онъ разобралъ по своимъ войсковымъ правамъ. Сохранились ли документы генеральнаго суда и гдѣ они хранятся?

А. Востоковъ.

Изъ народныхъ вѣрованій.

(Разсказъ, записанный въ Кіевѣ).

Приходилось мнѣ въ Кіевѣ по часту живать. Дивный городъ! Я не мѣстность его разумѣю,—ее слѣпой развѣ не видитъ,—но удивительную его выносливость, его вѣковую выдержку. Какихъ племенъ и народовъ не перебывало здѣсь, а онъ, сѣдой, все тотъ же. Какъ ни культируютъ его и теперь на разные лады, онъ все хранитъ свою краевую, камъ выражается одинъ профессоръ, физіогномію. Только не ищите ее въ верхнихъ слояхъ его разнокалиберная населенія, въ серединныхъ и людныхъ частяхъ города; но опуститесь въ слои нижніе, пройдитесь по его окраинамъ, по Соломенкамъ и Юрковицамъ, Ганчарамъ и Кожемякамъ, проникните подъ Скавицю и на Плоское, побывайте въ особенности на Куреневкѣ и Пріоркѣ, откуда идутъ въ городъ ежедневно всякіе злаки, и вы услышите здѣсь то, что яснѣе Софіи и Золотыхъ воротъ скажетъ вамъ о вѣковѣчной жизни Кіева, что древнѣе подъ часъ самаго Кіева.

Вотъ въ такихъ-то низахъ и окраинахъ Кіева пришлось мнѣ побывать и услышать разсказъ, который передаю здѣсь и который, смѣю думать, отдаетъ такою же древностію, какъ и баришпольскій

обычай понедилкуванья, такъ прекрасно и основательно объясненный г. Н. Чернышевымъ въ предъидущей книгѣ «Кіевской Старины». Разсказъ этотъ я слышалъ отъ старика-крестьянина, котораго въ молодости судьба бросала съ одного конца Малороссіи въ другой; былъ онъ, по его словамъ, и на «Кубанскихъ степахъ», и въ «Адеси», и на «Бассарабіи», и въ концѣ концовъ нашелъ тихую пристань въ кіевскихъ дворникахъ. Въ основѣ разсказа лежитъ вѣрованіе, напоминающее вѣрованія древнѣйшихъ народовъ о борьбѣ двухъ началъ: добра и зла. Подобнаго разсказа въ малорусской формѣ мнѣ не приходилось встрѣчать въ существующихъ этнографическихъ сборникахъ. Откуда онъ и слѣдуетъ ли его считать варіантомъ, перешедшимъ отъ одного изъ родственныхъ племенъ, или заимствованнымъ изъ источника болѣе далекаго и общаго, объ этомъ предоставляю разсудить и покопаться нашимъ записнымъ этнографамъ. Но разсказъ такъ характеренъ, въ немъ такъ много специфичныхъ чертъ религіозныхъ воззрѣній украинскаго народа, самый языкъ его такъ чистъ и самобытенъ, что даже при заимствованіи его, откуда бы то ни было, нельзя не признать за нимъ долговременнаго обращенія въ нашемъ народѣ и проникновенія въ его духъ и плоть. Вотъ этотъ разсказъ.

«Давно це було. Тоди ни людей, ни земли, ни дерева, ни птыци и ни якои ще живои твари не було на сьвити; іи уже описля Господь Богъ Премудростію своею сотворивъ, благословивъ и повеливъ кожни свого дила берегти. Одна отъ тилько зозуля межъ птыцями, мовлявъ, якъ цыганъ межъ людьми, не вседить на одному кодли, своеи хаты, це-бъ то гнизда, не мае, а у чужи гнизда яйця несе. Такъ ій одъ Господа завитъ, кажуть, такий данъ, шо-бъ не смила своимъ власнымъ хазяйствомъ господарювати, а шо бъ тинялась по чужимъ куткамъ, та втихи не знала видъ диточокъ свонхъ. Бо кожна тварь, якабъ вона проклятуща не була, отъ хочай бы и вовкъ, на що, здается, кращого розбійника, а и той тишиться дитками своими. Эге!—а зозуля то це навить и не птыця, а такъ перевертень—тьху!—отъ шо вона!

Ото-жъ тоди була скризь вода, а надъ нею перше небо, на котримъ живъ Богъ и два іого прислужники: Мишка та Гришка, отъ якъ по манастирахъ, може доводилось вамъ бачити послушныкивъ, чи служокъ, то при такому дили и ци стояли. А на самому

неби, тамъ де теперъ живе Божа Мати, живъ Сатанаилъ, и все Господови перечивъ. Що не схоче Господь зробити, то винъ, лукавый цей Сатанаилъ, визьме та и помишае, не дасть таки, проклятый, зробити. Ото и задумавъ Господь Богъ, якъ бы то іому стребити Сатанаила, та не такъ то конче стребити, якъ видняти ризу іого, у котри, мовлявъ, уся сила сатанаилова седила.

Отъ одного разу Сатанаилъ роздягся, положивъ ризу свою на камени и ставъ плавати на мори, бо дуже любивъ, проклятущий, купатись, а Господь седить на свому неби та дивиться. Отъ и заспоривъ Господь Богъ зъ Сатанаиломъ: не достанешъ, Господь каже, дна морского, а Сатанаилъ каже: ба достану. Отъ Сатанаилъ почавъ пробувати та поринати, а Господь прикликавъ Мишку, та й звеливъ іому, шобъ злетивъ на море, та якъ пирне Сатанаилъ, то шобъ почавъ дмухати на море. Такечки и зробили. Сатанаилъ пирнувъ у перве, а Мишка почавъ дмухати на воду—море такъ и знялось корою, замерзло. Сатанаилъ выпирнувъ, та головою и пробивъ ліодъ. Отъ Господь и каже: «а, ну, поринай, каже, у друге!» Бо умова у ихъ, бачите, була до тріохъ разъ шобъ поринати. Пирнувъ Сатанаилъ у друге, а Мишка дмуха, ажъ прысивъ, на воду; хочеться таки и іому выслужитись передъ Господомъ. Море зновъ ліодомъ взялося, ще товщимъ. Сатанаилъ выпирнувъ и зновъ головою пробивъ ліодъ. Господь каже: «а, ну, каже, пирнай у трете!» Сатанаилъ пирнувъ, а Мишка мало не трисне, такъ дме на море, и Господь тежъ іому ставъ помогати, почавъ и соби дмухати, що силы, на море. Море такимъ товстымъ ліодомъ взялось, шо Сатанаилъ, якъ выпирнувъ, то и не змигъ уже пробити головою ліоду, а Гришка тимъ часомъ ухопивъ іого ризу, та и ставъ угикати зъ нею на небо. Сатанаилъ же, побачивши, шо зъ нимъ не жартуютъ, мерщій почавъ прохукувать ліодъ—прохукавъ дирку тай погнався за Гришкою и уже ставъ доганяти іого, бо у Гришки було двое крылъ, а у Сатанаила цилыхъ шестеро. Коли тутъ де не взявся Мишка, та мечемъ и одчухравъ Сатанаилови крыла. Отъ Сатанаилъ упавъ у море, а рызу іого Мишка зъ Гришкою принесли до Бога. И у ци сами рызи писля Ісусъ-Христосъ на хрести мучився, а зъ Мишки та Гришки Господь зробивъ архангеливъ Михаила та Гавріила».

Сооб. **Юрій Олтаржевскій.**

Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигіальнаго братства.

Подъ этимъ заглавіемъ ставропигіальное братство въ Львовѣ издало въ истекшемъ году первый томъ сборника, въ видѣ альбома, посвященнаго памяти празднуемой имъ 300-лѣтней годовщины своего учрежденія. Это изданіе какъ по содержанію статей, такъ въ особенности по собранію подлинныхъ документовъ и приложенныхъ рисунковъ имѣетъ немалую важность. Оно напоминаетъ намъ то отдаленное время, когда православная церковь въ юго-западномъ краѣ Россіи подвергалась постояннымъ нападкамъ и притѣсненіямъ со стороны римско-католическаго фанатизма и пропаганды иновѣрцевъ и когда для успѣшной борьбы съ врагами и утвержденія народа въ православіи учреждаемы были церковныя братства. Патріархи цареградскіе давали имъ право ставропигіи, т. е. непосредственнаго подчиненія ихъ цареградскому патріарху, съ изъятіемъ отъ духовнаго управленія кіевскаго митрополита и епископовъ, которые въ то время стали измѣнять православной вѣрѣ и наконецъ почти всѣ совратились въ унію и поддались папѣ. Такія братства въ концѣ XVI и началѣ XVII в. учреждены были въ Вильнѣ, въ Луцкѣ, въ Кіевѣ, въ Могилевѣ и другихъ городахъ; но первое мѣсто между ними занимало львовское братство, которое со времени своего учрежденія праздновало въ 1886 году свой 300 лѣтній юбилей. Оно одно уцѣлѣло въ своей древней исторической формѣ, одно сохранило и такъ много памятниковъ своего существованія, а потому вполнѣ можетъ гордиться предъ всѣми существовавшими въ юго-западной Россіи братствами.

Въ 1-мъ томѣ юбилейнаго изданія, послѣ краткаго обозрѣнія архивнаго матеріала львовскаго братства, помѣщено историческое описаніе учрежденія и развитія братства со времени его основанія и до сегодни. Затѣмъ слѣдуетъ монографія Успенской братской церкви, замѣчательной въ историческомъ и архитектурномъ отношеніяхъ. Приложенные къ изданію документы, грамоты и письма русскаго царя, патріарховъ, королей польскихъ, господарей молдавскихъ и др. высокопоставленныхъ лицъ, свидѣтельствуютъ о значеніи, силѣ и дѣятельности и многосторонніхъ связяхъ львовскаго братства и представляютъ много новыхъ данныхъ для исторіи рус

ской церкви XVI и XVII столѣтій. Не менѣе важно техническое описаніе зданія ставропигійской церкви, колокольной башни и часовни, представляющихъ замѣчательный памятникъ зодчества. При томъ многочисленные рисунки, планы, снимки подписей и печатей дополняютъ и украшаютъ изданіе и значительно возвышаютъ его значеніе.

Изъ документовъ отмѣтимъ: письма съ 1592 г. для посланцевъ братства къ царю Ѳедору Ивановичу съ просьбою о пособіи братству на строющуюся церковь и при ней больницу и странноприимный домъ, школу и типографію и другія нужды братства. Замѣчательны также посланія митрополита Тырновскаго (въ Болгаріи) Діонисія съ ходатайствомъ къ царю Ѳедору о пособіи львовскому братству. Эти документы показываютъ тѣсную связь и дружескія отношенія между собою всѣхъ православныхъ славянъ того времени и упованія ихъ на силу и могущество русскаго царя. Письмо Ѳедора Ивановича извѣщаетъ о царскомъ дарѣ братству на строеніе церкви, съ увѣщаніемъ, чтобы братія львовская молилась «о царскомъ многолѣтнемъ здравіи, о благовѣрной царицѣ в. кн. Иринѣ и царевнѣ Ѳеодосѣ и впередъ дабы Господь Богъ подалъ имъ плодъ чадородія въ наслѣдіе царскаго корене». Не менѣе заслуживаетъ вниманія посланіе цареградскаго патріарха Іереміи къ молдавскому воеводѣ Петру, его сыну Стефану и валашскому воеводѣ на греческомъ языкѣ, съ просьбою о вспомоществованіи на строеніе церкви. Въ I-мъ томѣ помѣщено 118 документовъ, снимковъ и рисунковъ 13 и печатей 23. Вообще сочиненіе издано прекрасно и дѣлаетъ честь братской типографіи. Интересны, между прочимъ, два письма виленскаго братства къ львовскому. При первомъ изъ нихъ отъ 22 іюля 1592 г. виленское братство посылаетъ львовскому на постройку храма пресв. Богородицы 100 золотыхъ чрезъ братчиковъ Григорія и Іоанна, а братчики: слуцкій войтовичъ, Омелянъ Купріяновичъ и Богданъ Мамоничъ прибавили отъ себя по сто золотыхъ; сверхъ того виленское братство посылало десять копъ грошей за 50 грамматикъ (вѣроятно экземпляровъ греческой грамматики «Аделфотесъ», изданной во Львовѣ 1591 г.). Съ вторымъ письмомъ отъ 20 іюля 1592 г. виленское братство послало чрезъ отца Игнатія опять сто золотыхъ на нужды братства,

Такъ было 300 лѣтъ тому назадъ. Православные разныхъ государствъ, племенъ и націй жили между собою въ тѣсной дружбѣ и поддерживали другъ друга. Вселенскіе патріархи, цари московскіе, господари молдавскіе и валашскіе съ истинно христіанскою любовію относились къ своей по Христѣ братіи львовской, притѣсняемой иновѣрцами и страдающей изъ-за православія. Тогда не было самолюбиваго соперничества между народностями, ни пагубной зависти и розни между греками, румынами, болгарами и русскими. Всѣ стояли за одно и единодушно стремились къ высшимъ цѣлямъ—къ укрѣпленію православной вѣры и защищенію ея отъ враждебнаго папства и изувѣрнаго мусульманства. Кто теперь у насъ знаетъ о томъ, что 300 лѣтъ тому назадъ русскіе Львова и Вильны жили въ такой братской дружбѣ? Кому на мысль придетъ, что документы виленскаго братства сохранились далеко за границей, во Львовѣ?... Обо всемъ этомъ и многомъ другомъ способно напомнить намъ настоящее изданіе львовскаго ставропигіальнаго братства, на которое мы и хотѣли обратить вниманіе настоящею замѣткою.

Я. Г.

Волынская полоненница XVI в. и ея „орменскій“ обожатель.

Есть пословица, что русскаго обманетъ жидъ, жида армянинъ, армянина грекъ, а грека никто. Она сложилась, конечно, не въ наши печальныя времена, когда захудалый армянинъ на внутреннемъ нашемъ рынкѣ продастъ развѣ «настоящій жениховскій халатъ» изъ дешевой «термаламы», но въ тѣ отдаленныя времена, когда армяне верховодили въ нашемъ благословенномъ краѣ не менѣе, какъ теперь жиды, когда въ рукахъ армянъ находилась вся почти внутренняя и внѣшняя торговля, а жиды занимались лишь отчасти продажею водки, а больше арендою панскихъ фольварковъ и православныхъ церквей, да изготовленіемъ «пасокъ» и «бабъ», что, какъ извѣстно, теперь въ Кіевѣ переходитъ уже въ руки турокъ и татаръ и составляетъ въ настоящую пору неразрѣшимую задачу для нашей богословствующей думы безъ головы. Такъ вотъ въ тѣ далекія и счастливыя времена жилъ-былъ въ Каменцѣ Подольскомъ «урменинъ» Иванисъ Богдановичъ и занимался сколько внутреннею, столько же и заграничною торговлею. Поѣхалъ онъ какъ-то въ турецкій городъ Кафу, что нынѣ Ѳеодосія, а тамъ

былъ главный невольничій рынокъ, съ котораго продавались во всѣ концы Востока полоненники и полоненницы польско-русскихъ областей, сотнями и тысячами захватываемые при каждомъ набѣгѣ татаръ. Неволя татарская преисполнена была тягчайшихъ мукъ и лишеній и потому выкупъ изъ нея почитался первѣйшимъ дѣломъ не только родственной любви, но и христіанской благотворительности. Деньги для выкупа могли всегда найтись или быть прихвачены у добрыхъ людей. Но какъ пробраться чрезъ безлюдныя степи на рынокъ? Какъ проникнуть въ глухіе улусы татарскіе для разысканія плѣнниковъ и плѣнницъ, если ихъ не оказывалось въ центрѣ невольничей торговли? За это брались восточные человѣки, люди бывалые, знакомые съ мѣстностью, обычаями, нерѣдко съ языкомъ; торговля, деньги открывали путь имъ всюду. Имѣлъ ли Богдановичъ подобное порученіе на Кафу, не извѣстно; но, будучи здѣсь, онъ выкупилъ изъ неволи жену волынскаго земянина, жителя Острополя; Курила Вишневецкаго, именемъ Ледуху Игнатовну Пантелеевну. Плѣнница, полагать надо, была молода и красива, но не любовь подвинула черствое сердце «урменина» къ выкупу ея, такъ какъ, доставивъ ее мужу, онъ сдѣлалъ съ нимъ точный разсчетъ и получилъ съ него не только за выкупъ, но и за все, что «выложилъ, везучи до него», всего семдесятъ копъ грошей литовскихъ. Долгая совмѣстная поѣздка изъ Кафы на Волынь, чувство безмѣрной радости невольницы, получившей свободу и невольной признательности къ виновнику оной, въ добавокъ ласки и ухаживанія заможнаго и ловкаго армянина расположили къ нему сердце Ледухи и сблизили ее съ нимъ еще, кажется, въ пути. Осторожный армянинъ велъ однако дѣло чисто для виду, доставилъ жену мужу, получилъ съ него все, что слѣдовало, и лишь послѣ этого тайкомъ сманулъ ее къ себѣ. Должно быть, всѣ преимущества были на его сторонѣ, потому что Ледуха бросила мужа, къ которому только что вернулась послѣ долгой разлуки, и перешла къ армянину, поселившемуся во Владимірѣ. Прошло «кольконадцеть недѣль», пока панъ Курило напалъ на слѣдъ своей жены; но чуткій армянинъ во время провѣдалъ о розыскѣ и отправилъ Ледуху изъ дому. Противники предстали на судъ; но судъ ни одному не далъ полной вѣры и засадилъ обоихъ въ тюрьму. Тутъ только Богдановичъ сообразилъ, что ловко веденное доселѣ дѣло можетъ раскрыться и онъ можетъ подвергнуться суровому «каранню на горлѣ», а потому просилъ прощенія у Вишневецкаго, завѣривъ его, что, вернувшись домой, онъ застанетъ жену свою у себя, или у ея отца, въ противномъ же случаѣ онъ Богдановичъ обязывается возвратить Вишневецкому всю сумму выкупа за жену, т. е.

семдесятъ копъ грошей литовскихъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что за послѣдовавшимъ примиреніемъ сторонъ и удовлетвореніемъ обиженнаго, Богдановичъ былъ избавленъ отъ всякаго другаго наказанія, иначе его сдѣлка не была бы принята судомъ. Былъ ли счастливъ панъ Курило съ возвратившеюся къ нему Ледухой, неизвѣстно, но то очевидно, что хитрый армянинъ отдѣлался очень дешево, или ровно ничѣмъ. Правда, Ледуха, какъ онъ заявлялъ, «мешкала у него безъ никоторые потребы», такъ какъ и у него была жена и дѣти, и у нея свой мужъ и свои дѣти...

Вотъ подлинная обо всемъ этомъ запись въ гродской владимірской книгѣ 1579 года (№ книги центр. кіев. архива 941, № акта 406, л. 433—435).

1579 г. февраля 10 постановившися очевисто на вряде кгродскомъ володимерскомъ передо мною Васильемъ Павловичемъ, подстаростьимъ володимерскимъ, урменинъ зъ места Каменца Подольского Иванисъ Богдановичъ, не будучи ни отъ кого ничимъ примушонъ, самъ доброволне а устне ку записанью до книгъ кгродскихъ вызналъ водлугъ листу своего записного земенину княжати его млсти Костентина Острозского, воеводы киевского, острожпольскому, пану Курилу Вешневецкому на угоду даного о жену того Курила, которую тотъ урменинъ, выкупивши съ турокъ и отъзыскавши свой окупъ за нее у мужа ее, менованого Курила, взявши засе да себе намовилъ, якъ же и тотъ листъ свой передо мною на вряде покладалъ, и просилъ, абы слово отъ слова до книгъ кгродскихъ уписанъ былъ. А такъ я тотъ листъ за прозбою его слово отъ слова до книгъ кгродскихъ записати казалъ, который такъ ся въ собе маетъ:

Я Иванисъ Богдановичъ, урменинъ зъ места Каменца Подолского, вызнаваю самъ на себе симъ моимъ листомъ кому того потреба ведати, або чтучи его слышати, ижъ што есми року теперъ идучого семдесятъ девятого выкупивши зъ неволи жону земенина его велможное милости княжати Констентина Острозскаго, воеводы киевскаго, маршалка земли волынское, отъ Острополя, Курила Вишневецкаго, именемъ Ледуху Игнатовну Пантелеевну зъ земли неприятельское съ турковы, места Кафы, и до дому того Курила Вишневецкого привезъ, якожъ вже мне оный Курило за онъ окупъ жоны своее и за все, штомъ выложилъ везучи до него, готовою рукоданною сумою пенезей семидесятъ копъ грошей литовскихъ заплатилъ и за все досыть учинилъ. А ижъ оная

помененая жона его Ледуха зъ дому, безъ воли и ведомости его, за намовою моею, засе до мене удала, и не маючи у мене никоторые потребы, опустивши его, мужа своего, при мне окольконадцеть недѣль тутъ, въ месте господарскомъ володимерскомъ, мешкала, и теперъ менечи ее быть, абы за ведомостію мела быть где подена, о штожъ онъ передъ врядомъ кгродскимъ володимерскимъ на мене былъ обжаловалъ, и врядъ, не вѣрачи ему, а ни мне, обеюхъ насъ до везенья посажати росказалъ: ино ачъ онъ тое жены своее при мъне не засталъ, бо-мъ ее, послышавши о немъ, отъ себе отослалъ, але я се въ томъ узнавши, ижъ есми ему за то не правъ, же-мъ тую жону его часъ не малый при собе, намовивши зъ нею, мешкалъ, въ чомъ есми Богу и ему, такъ и праву посполитому виненъ; а такъ я, уходечи того всего, абыхъ на собе за тотъ выступъ свой, за *инстнкованьемъ* (жалобою) его, каранья и срокгости правное не понесъ, просилемъ его зъ людми добрыми, абы тотъ выступъ мой пробачилъ и на горло мое не стоялъ, што онъ все, для прозьбы моее и для добрыхъ людей, учинилъ подъ тымъ способомъ, ижъ я ему обецалъ и обецую, же онъ тую жону свою въ дому своемъ зъ дѣтми своими и зо всею маетностію своею, або у отца ее застати и найти маетъ, а где бы панъ Курило тое жоны своее въ дому своемъ при детяхъ, або при приятелехъ своихъ, то есть отцу ее Игнату Пантелееву не нашолъ, тогды обецую и то на себе добровольне приймую оную сумму пенязей семдесятъ копъ грошей литовскихъ, которую-мъ у него за тотъ окупъ жоны его взялъ, ему засе отдати и заплатити, о што где бы одно колвекъ потрафивши и пристигнувши мене, передъ который врядъ притегнулъ, тамъ се я маю и повиненъ буду ему, не сходечи съ того места, уистити и за то все, такъ за тую суму, яко и за шкоды, которые бы у мене, доходечи тое суммы своее быти меновалъ, нагородити и за все досыть учинити маю и повиненъ буду. А ижемъ се зосталъ зъ горломъ на ласце урядовой, теды врядъ то воленъ будетъ зо мною учинити, яко будетъ воля его; ведже абы пану Курилу истотне тая сума пенезей и по смерти была заплачона, если бымъ водлугъ вины и выступку своего срокгостю права посполитого былъ каранымъ, тогды жона и дети мои зъ маетности моее повинни ему будутъ то заплатити; а буду ль я самъ отъ того вызволенъ, ино водлугъ того обовязку моего вышей написанного противъ пана Курила во всемъ за-

ховати маю и буду повиненъ, и на томъ далъ пану Курилу Вишневецкому сесь мой листъ зъ моею печатью, до которого тежъ за прозбою моею печать свою приложилъ панъ Михайло Голубъ Сердятивскій, возный земскій повету володимерского.—Писанъ у Володимери лѣта Божого нароженя тысяча пятьсетдесятъ девятого, мѣсяца декабра осмого дня.

Сообщ. **А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій.**

На пути въ Іерусалимъ.

(Листокъ изъ путевыхъ замѣтокъ 1744 года).

Въ старинной южнорусской письменности извѣстно нѣсколько описаній путешествій въ Іерусалимъ, такъ называемыхъ «Путниковъ до св. града Іерусалима». Однѣ изъ записокъ подобнаго рода напечатаны были О. М. Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ», другой «Путникъ» начала XVIII в. находится въ нашемъ распоряженіи и помѣщенъ будетъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ «Кіевской Старины». Самымъ совершеннымъ образцомъ произведеній этого рода должны конечно считаться знаменитыя записки Григоровича-Барскаго, съ такою роскошью изданныя теперь Палестинскимъ обществомъ. Рукопись, изъ которой заимствуется предлагаемый отрывокъ, примыкаетъ также къ этой паломнической литературѣ. Полное заглавіе ея таково: «Путникъ отъ богоспасаемаго града Кіева до святого града Іерусалима и отъ Іерусалима до Кіева, съ протчіими въ немъ примѣтами, списанній мною недостойнимъ іеромонахомъ Серапіономъ Множинскимъ Каяковимъ, гроба Господня и протчіихъ многихъ св. мѣстъ поклонникомъ». Это книжка въ 84 листа in 8°, писанная почеркомъ прошлаго вѣка. Заимствуемъ изъ нея начальныя страницы, представляющія замѣтки о пути по территоріи тогдашней Украйны, другими путниками обыкновенно опускаемыя.

«Въ лѣто отъ Рождества Христова 1744-е, мая 3 дня, восхотѣлъ я свое непреложное положити намѣреніе, дабы мнѣ святый градъ Іерусалимъ видѣти и въ немъ мѣстамъ святымъ, плотію и кровію Христовою освященнымъ, поклонитися. Тогда, получивши благонолучное въ намѣреніи своемъ время, началъ творити странствіе сице, яко же о всѣмъ явствуетъ предложенная повѣсть.

Прежде всего, да мнѣ намѣренній и благополучній будетъ путь, поклонившись въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ въ кіево-печер-

ской лаврѣ чудотворной иконѣ пресвятыя Богородицы и преподобнымъ отцомъ печерскимъ и возложившись на Господа и пречистую его Матерь и святыхъ его угодниковъ, яхся намиреннаго моего пути и шелъ я: отъ Кіева до Борисполя 31 верстъ, а отъ Борисполя до Переяслава 73 версти, гдѣ, поклонившися мощамъ святого священномученика Макарія, бывшаго архимандритомъ за Днѣпромъ въ Каневѣ, а нинѣ въ Переяславѣ въ Михайловѣ монастирѣ опочивающа въ чудотворномъ своемъ тѣлеси, оттуда идохъ я до мѣстечка Глемязова 31 в., а изъ Глемязова до Золотоноши 37 в., а оттудова до Крапивной 9 в., а отъ Крапивной до Ирклѣева 25 в., а оттудова въ Веремѣевку и до Чигринъ-Дуброви, на Городище, на Уласовку и на Кременчукъ, гдѣ за скоримъ путешествіемъ, а болѣе за частимъ и почти за безпреривнимъ дождемъ и верствъ не могълъ считать, индѣ и писать не могълъ. Въ Кременчуки-же, переправившисъ за Днепръ, идохъ я еще до Сѣчи, или сказать до запорожцевъ 6 дній, и пріидохъ я передъ Вознесеніемъ и тамъ побихъ не малое время, покамѣстъ корабль обрѣтохъ пловущъ въ Царыградъ. Ибо въ Сѣчи всякого лѣта много кораблей приходятъ съ Чернаго и Бѣлаго моря, съ виномъ, и тамъ, облегчившись отъ бремя корабли, отходятъ во своясы, по которіихъ числа и я на единъ пловущій въ Царыградъ вошелъ, на коемъ тѣмъ временемъ былъ тогда отъ святой афонской горы архимандритъ Анатолій Мелесъ, съ частми многихъ святихъ, да и животворящимъ древомъ и треми дарми, ливаномъ, смирною и златомъ, которіе тріе цари новорожденному царю Христу въ Вифлеемъ принесли. Прибылъ онъ въ Сѣчъ и воду святилъ въ церкви и самое оное животворящее съ помянутими дарами въ водѣ погружалъ, и вси тогда тамо сущіи лобизали и поклонялись, и я недостойный видѣти и поклонятися сподобихся. По времени-же доволномъ, изложивши корабли въ Сѣчи свое бремя, я, взявши отъ пана атамана кошового проходящую или подорожній пашпортъ, внійдохъ въ оній кораблъ, давъ наемъ, и пустихомсъ внизъ Днепромъ къ Лиману благополучно, гдѣ пловучи много бѣди претерпѣли въ нощехъ лугами отъ необычнаго множества комарей. Черезъ шесть дней доидохомъ Лимана, въ которой рѣка Днепръ впадаетъ; а седмого дне прійшли подъ городъ Очаковъ, идеже Лиманъ совокупляется съ Чорнимъ моремъ. Ми въ градѣ Очаковѣ одинъ день толко были, и то съ немалою опасно-

стію прохаживались, ибо тогда моровая язва вискочовала. Тамъ у мене турки взяли за гарячъ шесть талярей, хоть то било имъ не надлежало, ибо отъ своихъ порабощенніихъ, а не отъ чуждихъ и свободнихъ синовъ кинсонъ сей или дань взимать должни. Однакъ я, да не соблазню ихъ, а найпаче страха ради бусурманскаго, понеже они мене устрашали и далѣе ити уже съ кораблемъ не допущали, и принужденъ я дать имъ означеніе шесть талярей на погибель, не хотя оставить своего ко граду Іерусалиму пути. И тако искупившись, греки и я также, и ерликъ оній, зовомій гарячъ, взявше, другаго дне вставъ рано, отрясше прахъ отъ ногъ нашихъ, вшедше въ корабль и извлекши котви и вѣтрила распростершие, вѣтрецу же намъ и путь добръ дишущу, пустихомся въ Чорное море.....»

Въ дальнѣйшемъ изложеніи »Путникъ» представляетъ описаніе святынь Константинополя, Афона и Святой Земли, главнымъ образомъ, конечно, послѣдней, какъ цѣли путешествія и поклоненія. Замѣтки отличаются краткостью, но не лишены выразительности и живаго религіознаго чувства. Писались онѣ въ пути, какъ видно, изъ словъ автора: «индѣ и писать не могль», чѣмъ и объясняется ихъ краткость. Обратный путь изъ Іерусалима описанъ чрезвычайно коротко и въ концѣ 84-го листа разсказъ оканчивается традиціоннымъ *аминь*. На слѣдующей страницѣ красными чернилами и другой рукой сдѣлана слѣдующая приписка:

«Господь да упокоитъ душу со святыми сего путешественника, трудившагося въ пути семъ и написавша сія святыя мѣста въ книжицѣ сей, въ ползу всѣмъ чтущимъ и слишащимъ сіе. Умре онъ, іеромонахъ Серапіонъ, и погребенъ бысть въ свято-Онуфріевскомъ жаботинскомъ монастырѣ игуменомъ Ефремомъ Быковскимъ въ полской области (нынѣ кіев. губ. чигир. уѣзда) 1760 г.».

W.

Старинные проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей.

Въ небольшой замѣткѣ, подъ названіемъ «Возвращеніе къ старинѣ», помѣщенной въ № 86 «Кіевлянина» за текущій годъ, сказано, будто во всѣхъ почти кіевскихъ соборныхъ, монастырскихъ и даже приходскихъ церквахъ, начиная съ XVI вѣка, устрое-

ны были проповѣдническія каѳедры *на манеръ католическій*, но что въ 1840—50 годахъ, когда «кіевскою духовною администраціею была произведена реформа всѣхъ добрыхъ и недобрыхъ обычаевъ и обрядовъ, аналогичныхъ съ церковью католическою», вынесены были изъ церквей и проповѣдническія каѳедры и проповѣди стали произносить уже съ амвоновъ.

Кіевскимъ старожиламъ 40 и 50-хъ годовъ доподлинно извѣстно, что никакой общей реформы въ указанномъ отношеніи кіевскою духовною администраціею въ тѣ годы не было производимо, но что дѣйствительно въ то и болѣе позднее время изъ нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей разновременно были устранены проповѣдническіе амвоны и что безконтрольными дѣйствіями распоряжавшихся въ этихъ случаяхъ отдѣльныхъ лицъ, а не вообще кіевской духовной администраціи, руководилъ не новый въ нѣкоторой части русскаго общества и имѣющій свою исторію взглядъ, будто въ Кіевѣ, колыбели православія, по части православія не все обстоитъ благополучно и будто многое въ мѣстныхъ обычаяхъ, въ томъ числѣ и проповѣдническіе амвоны, есть плодъ широкаго здѣсь нѣкогда вліянія католичества. Самъ авторъ названной замѣтки высказался въ томъ смыслѣ, что проповѣдническія каѳедры здѣсь появились только въ XVI вѣкѣ и своимъ происхожденіемъ обязаны примѣру римско-католической церкви.

Такъ ли это?—Подведемъ прежде историческія справки о проповѣднических каѳедрахъ христіанской церкви вообще и въ частности русской, а потомъ уже скажемъ, какъ устранены онѣ были изъ нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей на нашихъ глазахъ.

Проповѣдническія каѳедры были у насъ издревле, и не въ однихъ кіевскихъ церквахъ, но и на сѣверо востокѣ Россіи—въ Новгородѣ и Москвѣ, а появились они далеко раньше XVI вѣка, по примѣру древней вселенской церкви. Въ древнѣйшихъ христіанскихъ церквахъ не было ни предъалтарныхъ закругленныхъ выступовъ, ни алтарнаго возвышеннаго пола, ни отдѣльныхъ діаконскихъ амвоновъ въ видѣ горокъ, съ которыхъ теперь чигаются діаконами ектеніи и евангелія и произносятся проповѣди,—евангелія тогда читали и поученія произносили съ возвышеній, имѣвшихъ значительно большую высоту, чѣмъ солея или наши діаконскія горки. Возвышенія эти устроялись большею частію изъ мрамора, а иногда изъ дерева, съ украшеніями

изъ рѣзьбы и мозаики, въ средней части храма, вблизи лѣваго клироса. Съ этихъ же возвышеній читались диптихи съ именами живыхъ и умершихъ, объявлялись праздники, пѣсты, посланія и распоряженія епископовъ, и произносились отлученія отъ церкви или анаѳемы. Обыкновенно эти возвышенія назывались, какъ и нынѣ называются, не только на православномъ Востокѣ, но и на Западѣ, *амвонами*, отъ греческаго слова ἀναβαίνειν—*восходить*, потому что на нихъ восходили по лѣстничкѣ изъ нѣсколькихъ ступеней. Амвоны имѣли круглую форму, въ видѣ куба или 6-ти сторонней призмы, а съ своимъ продолженіемъ по лѣстницѣ представляли какъ бы форму судна или корабля; сидѣній внутри ихъ не было, а потому и «каѳедрами» или сѣдалищами они не назывались. Каѳедрами стали называть ихъ кой-гдѣ уже впослѣдствіи, по сходству съ ними профессорскихъ каѳедръ, устроявшихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ устроялись и сидѣнья. Такіе амвоны, въ видѣ сосуда, придѣланнаго къ стѣнѣ или укрѣпленнаго на столбѣ, можно видѣть и теперь во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ православныхъ церквахъ каѳедральныхъ, монастырскихъ и даже приходскихъ въ Константинополѣ, на Аѳонѣ, въ Іерусалимѣ, Сербіи, Молдавіи и въ другихъ мѣстахъ православнаго Востока; съ нихъ и теперь тамъ произносятся поученія и читаются евангелія. Древнѣйшая проповѣдническая каѳедра въ видѣ такого амвона, бывшая въ св. Софіи константинопольской, сохранилась понынѣ въ церкви св. Марка въ Венеціи, куда увезена была венеціанцами послѣ взятія и разграбленія Константинополя крестоносцами въ 1204 году. Она изъ красноватаго мрамора, съ греческими крестами на стѣнкахъ и состоитъ какъ бы изъ двухъ шестиугольныхъ чашъ разнаго объема, поставленныхъ одна надъ другою; большая изъ нихъ, поддерживая собою меньшую, опирается на 7-ми мраморныхъ столбахъ, подъ нее подставленныхъ, и потому амвонъ составляетъ два отдѣленія—верхнее и нижнее, болѣе широкое: съ верхняго читаются евангелія и произносятся проповѣди, а съ нижняго читаются посланія апостольскія и епископскія. Древнѣйшій изъ амвоновъ западной церкви находится въ церкви св. Лаврентія въ Римѣ. Онъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора съ инструктаціей изъ мозаики; формою своею походитъ на ораторскія каѳедры въ академическихъ залахъ; состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій или 3-хъ отдѣль-

ныхъ трибунъ: верхней съ пюпитромъ, предназначенной для чтенія евангелія и произнесенія поученій, средней, менѣе возвышенной, съ которой иподіаконъ читаетъ книгу Апостольскихъ Дѣяній и Посланій, и нижней—для чтенія прочихъ частей св. Писанія низшими клириками церкви. На базисѣ амвона—барельефы, относящіеся къ жертвоприношеніямъ языческаго культа. Близъ ступеней, ведущихъ на нижнюю площадку амвона съ алтарной стороны, утверждена витая мраморная колонна съ большимъ канделябромъ вверху, который зажигался всегда при чтеніи евангелія прежде, чѣмъ вошло въ обычай обставлять читающаго евангеліе діакона клириками, держащими въ рукахъ горящія свѣчи. Французскій ученый Тьери въ Disert. sur les jubés (стр. 168) рядомъ непрерывныхъ свидѣтельствъ отъ первыхъ вѣковъ христіанства до позднѣйшаго времени доказалъ, что евангеліе во время литургіи всегда читалось съ амвона, изъ чего слѣдуетъ, что обычай читать евангеліе въ алтарѣ, обратясь къ народу спиной, не состоитъ въ согласіи съ обычаями древней христіанской церкви [1]).

Подобные древнимъ благовѣстническимъ амвоны были, безъ сомнѣнія, и въ русской церкви, съ перваго ея начала, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ ея храмахъ, въ особенности епископскихъ или каѳедральныхъ, и только въ послѣдствіи замѣнены діаконскими горками и предъиконостасными закругленіями. Были напр. такіе амвоны въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ, какъ видно изъ его описей первой половины XVII вѣка; украшались они не только рѣзьбой съ позолотой, но и св. изображеніями. Въ описи начала XVII вѣка значится: «Да въ той же (московской соборной) церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, противъ царскихъ вратъ (точнѣе противъ намѣстнаго образа Божіей Матери, у лѣваго столба) анбонъ рѣзной съ праздники, а у анбону образъ пречистыя Богородицы Владимірскіе въ кіотѣ обложенъ серебромъ, да у того жъ ан-

[1]) Въ Малороссіи впрочемъ и въ Греціи и теперь священникъ, служащій литургію безъ діакона, читаетъ евангеліе на царскихъ вратахъ, обратясь лицомъ къ народу. Нельзя не удивляться, что этотъ древній обычай оказался страннымъ и неправославнымъ въ глазахъ великорусскихъ чиновъ, прибывшихъ въ юго-западный край въ 60-хъ годахъ для обрусѣнія края; они чуть не потребовали выселечія нѣкоторыхъ священниковъ изъ края за этотъ и другіе церковные обычаи, невиданные ими въ Москвѣ и Костромѣ.

бону (т. е. подлѣ него, на другой стѣнкѣ столба) образъ пречистые Богородицы Умиленіе, въ кіотѣ, обложенъ золотомъ». Подобнымъ образомъ говорится въ соборной описи 1638 года: «Противъ царскихъ дверей амбонъ рѣзной золоченъ сусальнымъ золотомъ и серебромъ, на немъ писаны праздники Владычни и святые многіе; подъ амбономъ запона-камочка нѣмецкая, травяная». Бывшая у амвона запона, прикрывавшая его нижнюю часть, показываетъ, что онъ былъ укрѣпленъ на извѣстномъ разстояніи, выше пола, опираясь, по всей вѣроятности, на столбики. По описи 1701 года амвонъ въ той же церкви, за обветшаніемъ прежняго или по другимъ причинамъ, имѣлъ уже болѣе простую форму, которая описана такъ: «Противъ царскихъ дверей амвонъ четвероугольный, по сторонамъ обитъ бархаты краснымъ и алымъ, а сверху сукномъ краснымъ; на томъ же амвонѣ чохолъ накладной суконной, красной же». Амвонъ Софіи новгородской, называвшійся въ послѣднее время «халдейскою пещью», въ которой якобы совершался извѣстный обрядъ «пещнаго дѣйствія», уцѣлѣлъ до настоящаго времени и находится теперь въ императорской академіи художествъ, въ С.-Петербургѣ. Этотъ амвонъ, или проповѣдническая каѳедра состоитъ изъ шестисторонней призмы на 7-ми столбахъ, украшенной св. изображеніями, которыя отдѣлены колонками. Семистояніе подъ этимъ амвономъ весьма напоминаетъ собою седмистояніе цареградскаго амвона, находящагося въ церкви св. Марка, и не съ него ли позаимствовалъ его форму въ новгородскую Софію Добрыня Андройковичъ, ставшій новгородскимъ архіепископомъ по возвращеніи своемъ изъ путешествія на Востокъ, которое онъ совершилъ еще до взятія Константинополя турками.

Въ Кіевѣ, до 1850 года, амвоны, въ формѣ высокихъ каѳедръ, существовали въ Печерской лаврѣ, михайловскомъ и братскомъ монастырѣ, въ петропавловской-семинарской церкви, въ церкви андреевской и въ софійскомъ соборѣ. Амвоны софійскаго собора и братскаго монастыря, помѣщавшіеся у лѣваго клироса, украшенные иконами и рѣзьбою съ рѣзными балдахинами, увѣнчанными крестомъ, отличались своею нарядностію. Кромѣ проповѣдей съ этого же амвона въ софійскомъ соборѣ протодіаконъ читалъ евангеліе при совершеніи обряда умовенія ногъ и въ недѣлю православія возглашалъ анаѳематствованія и многолѣтія. Прежде другихъ, около 1850

года, упраздненъ амвонъ въ кіево-софійскомъ соборѣ; но упраздненъ онъ не кіевской духовной администраціей и не въ слѣдствіе какой нибудь «реформы добрыхъ и не добрыхъ обрядовъ и обычаевъ», какой на самомъ дѣлѣ не было, а по случаю производившагося тогда обновленія софійскаго собора и открытія въ немъ древней стѣнной живописи. Работами распоряжался особый строительный комитетъ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ академика Солнцева и главнымъ вѣденіемъ кіевскаго митрополита Филарета и кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Церковная археологія была у насъ тогда въ зачаточномъ состояніи, чтобъ не сказать больше, и къ ней натурально не обращались ни съ какими вопросами въ дѣлѣ обновленія древнихъ храмовъ; притомъ комитетъ состоялъ въ большей части изъ свѣтскихъ лицъ. Когда открыты были довольно хорошо сохранившіеся краски на столбѣ, къ которому примыкалъ проповѣдническій амвонъ, возникъ вопросъ о самомъ амвонѣ, о томъ, быть или не быть ему, такъ какъ онъ закрывалъ собою часть открытыхъ фресокъ. Послѣднее обстоятельство не давало еще полнаго основанія для уничтоженія амвона, еслибъ кому либо изъ рѣшавшихъ его участь было извѣстно, что онъ имѣетъ такое же историческое значеніе, какъ и открытые фрески; для разрѣшенія возникшаго конфликта можно было лишь отодвинуть амвонъ нѣсколько отъ стѣны. Но такой справки исторической не могла дать тогдашняя церковная археологія и амвонъ рѣшено было вовсе устранить. Но противъ такого рѣшенія возникало тутъ же весьма сильное возраженіе: какъ разъ противъ амвона, у праваго столба, стояла довольно высокая и также закрывавшая отчасти фрески митрополичья каѳедра. Какъ, оставляя одно, уничтожать другое? Вотъ тутъ-то рѣшеніе объ уничтоженіи амвона подкрѣплено было ходячимъ, непровѣреннымъ наукою мнѣніемъ, будто проповѣдническіе амвоны въ кіевскихъ церквахъ введены по примѣру римско-католическихъ церквей и составляютъ остатокъ здѣсь западнаго, неправославнаго вліянія. Этого было довольно для такого искренняго ревнителя православія, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ, и для столь же искренняго патріота, какъ Бибиковъ. Съ большею легкостію устранены были тогда же изъ софійскаго собора, ради открытія древнихъ фресокъ, и кіоты съ иконами, стоявшія въ разныхъ мѣстахъ у широкихъ столбовъ, поддерживающихъ хоры.

Вслѣдъ затѣмъ и по тѣмъ же побужденіямъ упраздненъ амвонъ и въ соборной церкви михайловскаго монастыря, обновлявшейся подъ вѣдѣніемъ того же комитета, хотя въ этой церкви никакихъ древнихъ фресокъ не открыто.

Амвонъ семинарской, бывшей до 1830 г. греческой церкви своею формою напоминалъ тѣ столбы, на которыхъ обыкновенно изображаются св. столпники: Симеонъ, Даніилъ и другіе. Это довольно узкій, въ поясную мѣру, въ основѣ круглый, но шестигранный деревянный ящикъ съ священными снаружи изображеніями и украшеніями изъ позолоченной рѣзьбы, утвержденный въ видѣ чаши на рѣзномъ же деревянномъ столбѣ необычной высоты. Подобные амвоны можно видѣть и теперь въ приходскихъ церквахъ Константинополя. Взобраться на такую высоту по узенькой и очень субтильной лѣсенкѣ было не легко, да и глядѣть оттуда нѣсколько боязно, особенно молодому, первый, иногда и единственный разъ выступавшему проповѣднику, безъ предварительнаго осмотра и пробы во внѣ богослужебное время, что и на умъ тогда никому не приходило. Тѣмъ не менѣе на этомъ, классическомъ въ своемъ родѣ, амвонѣ чуть не каждое воскресенье и праздникъ, особливо въ ректорство Антонія, впослѣдствіи казанскаго архіепископа, произносили опыты своихъ поученій молодые семинаристы, хотя иной разъ видимо смущенные высотою своего положенія; появлялись и профессора семинаріи съ своими чередными проповѣдями, особенно въ дни *пассій* въ великомъ посту. Памятна намъ въ особенности, единожды въ годъ показывавшаяся на этой высотѣ осанистая фигура даровитаго профессора и проповѣдника, хотя большаго чудака, Григорія Ивановича Бойкова. Каждое слово, произносившееся отсюда его гармонической октавой, отчетливо слышалось въ самомъ отдаленномъ углу этой обширнѣйшей въ Кіевѣ церкви и со всякаго конца оной ясно видѣлись и классическая голова его, и плавное движеніе его руки, артистически движимой имъ на манеръ Демосѳена, о которомъ онъ такъ занимательно повѣствовалъ на своихъ урокахъ. Съ этой же каѳедры произнесъ нѣсколько огненныхъ проповѣдей другой, но менѣе даровитый профессоръ, Аристархъ Герасимовичъ Мерхалевъ, своею головою много напоминавшій курчавую голову Пушкина, съ такимъ же складомъ лица, но съ золотистымъ цвѣтомъ волосъ. Проповѣди были задуманы имъ въ состояніи какой-то меланхоліи и высшаго ре-

лигіознаго возбужденія, со всѣми видѣніями и сновидѣніями, произнесены экспромптомъ и произвели потрясающее дѣйствіе на слушающихъ. Но въ 1861 г. предпринята была ремонтировка семинарской церкви и устройство въ ней печей. Вновь назначенный тогда ректоръ, столько памятный Кіеву, что нѣтъ надобности называть его по имени, держался также ходячаго мнѣнія относительно католическаго характера нѣкоторыхъ здѣшнихъ особенностей, въ томъ числѣ и проповѣдническихъ каѳедръ. Задумалъ онъ отдѣлать стѣны церкви подъ мраморъ, а на нихъ, какъ и на столбахъ, развѣшать большія иконы одинаковой величины въ золоченыхъ рамахъ. Тутъ на первомъ планѣ симметрія и ранжиръ. Не подошелъ классическій столбикъ съ каѳедрой подъ ранжиръ, и былъ усѣченъ. Тоже самое и тѣмъ-же лицемъ, послѣ назначенія его ректоромъ академіи, спустя нѣсколько лѣтъ, именно къ юбилею кіевской академіи 1869 г., произведено было и въ церкви кіево-братскаго монастыря. И тамошняя проповѣдническая каѳедра была также уничтожена, и уничтожена не потому только, что не подошла подъ ранжиръ, но и потому, что, какъ убѣжденъ былъ о. ректоръ, являлась остаткомъ господствовавшаго здѣсь нѣкогда латино-польскаго духа. Такимъ образомъ изъ старинныхъ проповѣдническихъ амвоновъ въ Кіевѣ уцѣлѣли только два: въ великой церкви Печерской лавры и въ церкви св. Андрея Первозваннаго.

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

1887 г. (VI годъ изданія.) **1887 г.**

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.**

Въ Конторѣ редакціи «Кіевской Старины», а также въ книжномъ магазинѣ Панчешникова, въ Кіевѣ, имѣются въ продажѣ слѣд. отдѣльныя изданія редакціи:

1) Записки гофмейстера И. Д. Селецкаго (1821—1846 г.). Кіевъ. 1884 г. Ц. 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к.

2) Старосвѣтскіе батюшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20 хъ годовъ XIX ст. И. С. Левицкаго (Нечуя). Кіевъ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

3) Адамъ Кисель, воевода кіевскій, съ портретомъ его. И. И. Новицкаго. Кіевъ. 1885 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. с.

Адресъ: *Въ редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь и Іюль, 1887 г.

I. ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ И ПѢСЕНЪ 215

II. НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. VII. ПРОГУЛКА СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ И НЕ БЕЗЪ МОРАЛИ 269

III. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ (*Окончаніе*). **А. М. Туренка** 335

IV. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 15. БОРОЗДНЫ. **Ал. Лазаревскаго** 379

V. МЕМУАРЫ К. А. РОЩАХОВСКАГО ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ. *Съ предисловіемъ* **А. Р.** 396

VI. МАЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ИГРЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕРЕЯСЛАВА. **В. Горленка** 451

VII. СЛѢДЫ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ ИМП. ПЕТРА I. СЪ САВВОЮ РАГУЗИНСКИМЪ. **А. Лашкевича** 487

VIII. ПАНЕГИРИКЪ КОЧУБЕЯМЪ (1-й половины XVIII в.). *Съ предисловіемъ* **В. Каллаша** 495

IX. МАЛОРУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА XIX ВѢКА . 511

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Poczet rodów w wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wi ku. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Warszawa, 1887 г.). — . *Л.*—б) Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. С.-Петербургъ, 1887 г.—*О.*—в) Историческія разысканія въ южнорусскихъ архивахъ. Москва. 1886 г.—*И. С.*—г) Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'a nos jours par Léon Sichler. Paris. 1886 г.—*В. К—ша.*—д) 1) Шебелинскій бунтъ, Л. Илляшевича, 2) П. П. Сокальскій. Къ исторіи русской музыки, И. П. Сокальскаго. 1887 г.—*С.* 525

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) А.-Г. К. Киркоръ, ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи (некрологъ).—*Н. Янчука.*—б) Картины малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ академіи художествъ.—*С.*—в) Три «черкасскія» слободы XVIII в. по современному ихъ описанію.—Сообщ. *Д. И. Багалѣй.*—г) По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности А. А. Потебни.—*Н. С.*—д) Вниманію археологовъ.—*С.*—е) Актъ избранія Варлаама Ясинскаго архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря.—Сообщ. *А. Востокова.*—ж) Загадочный портретъ Шевченка.—*А. Бабича.*—з) Изъ сферы кіевскаго городскаго хозяйства 2-й половины XVIII ст.—*С. Н—го.*—и) Двѣ поправки къ статьѣ: «Свадьба Тимоша Хмельницкаго».—*И. Л—ви.*—і) Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ.—Сообщ. *В. К—ша.*—к) Свѣдѣніе о Иванѣ Головатомъ, бывшемъ судьѣ запорожскомъ.—Сообщ. *А. С. Лашкевича.*—л) Запорожская пѣсня.—Зап. *Иванъ Пономаревъ.* 539